ISSN 2218-0281

Веснік
Брэсцкага ўніверсітэта

Галоўны рэдактар:
М.Э. Часноўскі

Намеснік галоўнага рэдактара:
У.В. Здановіч

Міжнародны савет
Антон Мірановіч (Польшча)
Марк Пілкінгтан (Францыя)
Станіслаў Рудальф (Польшча)
Б.В. Саліхаў (Расія)

Рэдакцыйная калегія:
А.А. Гарбацкі
(адказны рэдактар)
В.Ф. Байнёў
А.М. Вабішчэвіч
Т.А. Гарупа
Т.І. Доўнар
Г.А. Зорын
У.Л. Клюня
У.У. Лосеў
А.В. Пятроўская
А.В. Чарнавалаў

Пасведчанне аб рэгістрацыі
ў Міністэрстве інфармацыі
Рэспублікі Беларусь
№ 1336 ад 28 красавіка 2010 г.

Адрас рэдакцыі:
224665, г. Брэст,
бульвар Касманаўтаў, 21
тэл.: 23-34-29
e-mail: vesnik@brsu.brest.by

Часопіс «Веснік Брэсцкага
ўніверсітэта» выдаецца
з снежня 1997 года

Серыя 2

ГІСТОРЫЯ
ЭКАНОМІКА
ПРАВА

НАВУКОВА-ТЭАРЭТЫЧНЫ ЧАСОПІС

Выходзіць два разы ў год

Заснавальнік – установа адукацыі
«Брэсцкі дзяржаўны ўніверсітэт імя А.С. Пушкіна»

№ 1 / 2012

У адпаведнасці з Загадам Старшыні Вышэйшай атэстацыйнай
камісіі Рэспублікі Беларусь № 21 ад 01.02.2012 г. часопіс
«Веснік Брэсцкага ўніверсітэта. Серыя 2. Гісторыя. Эканоміка. Права»
ўключаны ў Пералік навуковых выданняў Рэспублікі Беларусь
для апублікавання вынікаў дысертацыйных даследаванняў
па гістарычных, эканамічных і юрыдычных навуках

ISSN 2218-0281

Vesnik
of Brest University

Editor-in-chief:
M.E. Chasnovski

Deputy Editor-in-chief:
V.V. Zdanovich

International Board:
Anton Miranovich (Poland)
Mark Pilkington (France)
Stanislav Rudolf (Poland)
B.V. Salikhov (Russia)

Editorial Board:
A.A. Garbatski
(managing editor)
V.F. Bajnyov
A.M. Vabishchevich
T.A. Garupa
T.I. Dovnar
G.A. Zorin
V.L. Klunya
Y.Y. Losev
A.V. Pyatrovskaya
A.V. Charnavalav

Registration Certificate
by Ministry of Information
of the Republic of Belarus
№ 1336 from April 28, 2010

Editorial Office:
224665, Brest,
Boulevard Cosmonauts, 21
tel.: 23-34-29
e-mail: vesnik@brsu.brest.by

Published since December 1997

Series 2

HISTORY
ECONOMICS
LAW

SCIENTIFIC-THEORETICAL JOURNAL

Issued two times a year

Founder – Educational Institution
«Brest State University named after A.S. Pushkin»

№ 1 / 2012

According to the order of Chairman of Supreme Certification Commission of the Republic of Belarus № 21 from February 01, 2012, the journal «Vesnik of Brest University. Series 2. History. Economics. Law» was included to the List of scientific editions of the Republic of Belarus for publication of the results of scientific research in historical, economic and law sciences

ЗМЕСТ

ГІСТОРЫЯ

Чесновский М.Э. Европейский геополитический разлом в 2010-х гг. и Беларусь.. 5

Здановіч В.В. Сучасная айчынная гістарыяграфія беларуска-польскіх адносін ў гады Другой сусветнай і Вялікай Айчыннай войнаў.. 12

Табунов В.В. Православное духовенство белорусских земель и проблема созыва Поместного собора в начале XX столетия 18

Кривчиков В.М.Система тылового обеспечения Красной Армии накануне Великой Отечественной войны. 24

Глинка В.С. Организация самостоятельной работы студентов в системе исторического образования высшей школы Беларуси во второй половине 1980-х – начале 1990-х гг. 33

Лукашоў А.А. Дыслакацыя партызанскіх фарміраванняў Беларусі Часоў Вялікай Айчыннай вайны на картаграфічных дакументах Нацыянальнага архіва.....40

Пилипович В.Ю. Опросные листы репатриантов Брестской области: квантитативный анализ 46

Мярчук В.М. Эміграцыя насельніцтва з заходнебеларускага рэгіёна ў правінцыі Аргенціны ў 20–30-я гг. XX ст. 58

Дядичкина Н.Е. Некоторые проблемы организации международного сотрудничества Академии наук БССР (вторая половина 1950-х – 1980-е гг.) 67

ЭКАНОМІКА

Черновалов А.В., Клюня В.Л. Логистика в институциональной экономике.....75

Салихов Б.В., Лунева Е.В. Цивилизационные аспекты, или ценностно-смысловая онтология социально-экономического кризиса 85

Сухонос Н.И. Транспортный комплекс Республики Беларусь и транзитный потенциал: состояние, развитие и перспективы 96

Зайцева Н.И., Шония И.И. Влияние диверсификации рынков сбыта на развитие и эффективность малого предприятия 103

Мацукевич В.В., Данилецкая А.В. Теория и методика основных подходов к регулированию внешнеэкономических отношений.....112

Варакулина М.В. Построение системы управления персоналом на предприятии жилищно-коммунального хозяйства: принципы, методы, факторы, этапы 117

ПРАВА

Лепешко Б.М. Правовая традиция и проблема ценностей 126

Зорин Р.Г. Определение критериев допустимости/недопустимости обмана в уголовном судопроизводстве 136

Береговцова Д.С. Реформа палаты лордов Британского парламента.....147

Лепешко А.Б. Правовое положение унитарных предприятий жилищно-коммунального хозяйства в Республике Беларусь 153

Зданович Е.В. Содержание правовой категории «Экологически неблагополучные территории» 163

Звесткі аб аўтарах 169

© Выдавецтва БрДУ імя А.С. Пушкіна, 2012

INDEX

HISTORY

Chesnovski M.E. European Geopolitical Braking in the 2010s and Belarus.....5

Zdanovich V.V. Modern Belarusian History Science of Belarusian-Polish Relationship during the Second World and Great Patriotic Wars 12

Tabunov V. The Orthodox Clergy on Belarusian Lands and the Problem of Summoning Local Council in the Early XX Century.....18

Krivchikov V. Logistics system of the Red Army on the eve of the Griat Patriotic War. 24

Hlinka V.S. The Arrangement of Individual Students' Work in the System of History Education in Universities of Belarus in the Second Half of the 1980-s–beginning of the 1990-s. 33

Lukashov A.A. Dislocation of partisan formations in Belarus during the Great Patriotic War on cartographic documents of the National Archives 40

Pilipovich V. Questionnaires of the repatriates of the Brest region: quantitative analysis.....46

Miarchuk V.M. Emigration of the population from territory of the West Belarus region in a province of Argentina in 20-30-к XX century. 58

Dyadichkina N.E. Some problems of the organization of the international cooperation of the Academy of sciences of the Soviet Republic of Byelorussia (the second part of 1950–80 years) 67

ECONOMICS

Charnavalau A.V., Klunya V.L. Logistics in the institutional economics 75

Salihov B.V., Lyneva E.V. Cultural aspects, or semantic basis of modern social and economic crisis.....85

Sukhonos N.I. Transport Complex of the Republic of Belarus and Transit Potential: State, Development and Perspectives 96

Zaitsava N.I., Shoniya I.I. Influence of diversification of commodity markets on the development and allows raising efficiency of activity of the small enterprise 103

Matsukevich V.V., Danileckaya A.V. The theory and methods of the basic approaches to regulation of the foreign economic relations.....112

Varaculina M.V. Construction of the Personnel Management System at the Enterprises of Housing – and – Municipal Services: Principles, Methods, Factors, Stages.....117

LAW

Lepeshko B.M. The legal tradition and the problem of values 126

Zorin R.G. The Definition of Criteria of Deceit Admissibility/Inadmissibility in Criminal Legal Procedure.....136

Berahautsova D.S. Reform of chamber of lords of the British parliament.....147

Lepeshko A.B. The legal status of unitary enterprises of housing and communal services in the Republic of Belarus.....153

Zdanovich E.V. The Content of Legal Category «Ecologically Defective Territories» 163

Information about the authors.....169

© Publishing house of BrSU named after A.S. Pushkin, 2012

ГІСТОРЫЯ

УДК 327(476)

М.Э. Чесновский

ЕВРОПЕЙСКИЙ ГЕОПОЛИТИЧЕСКИЙ РАЗЛОМ В 2010-х гг. И БЕЛАРУСЬ

На состояние и прочность международной безопасности повлияли события последнего десятилетия XX и начала XXI в. Она испытала пресс нарастающей глобализации – противоречивого процесса, затронувшего все сферы жизни мирового сообщества. На международной арене происходила перегруппировка сил. Возникали и укреплялись новые центры влияния, множилось количество суверенных субъектов международных отношений. Сохраняли непредсказуемость процессы региональной интеграции. Эти процессы в полной мере оказались типичными для Европы. Старый континент оставался попрежнему мотором общемировых геополитических изменений. Геополитическим барометром начала 2000-х гг. здесь выступали экономико-политические амбиции Европейского союза и России. Местом их приложения оказался регион Центральной и Восточной Европы. Учитывая складывающиеся реалии, Республике Беларусь требовалось переосмысление содержания приоритетов внешней политики и возможностей ее ресурсного обеспечения.

Европейская безопасность в начале XXI в.

На рубеже XX–XXI вв. наметилась эволюция факторов, определяющих влияние и силу того или иного европейского государства: возросло значение финансовой мощи, разветвленности банковских систем, оперативности коммуникаций, внедрения и доступности информационной инфраструктуры. Одновременно сохранили свою значимость и «классические» военно-политические инструменты внешней политики. В результате безопасность в Европе не стала более прочной и предсказуемой. Ранее, в начале 1990-х гг., с преодолением блокового противостояния, известного как «холодная война», казалось, что закончилась и идеологическая конфронтация на континенте. Европейцы хотели верить, что военные конфликты и идейная нетерпимость окончательно ушли в прошлое, что наступает эра мира, спокойствия и процветания, открываются возможности решения международных, региональных и двусторонних проблем путем цивилизованного взаимодействия и взаимоуважительного сотрудничества между государствами.

Эти ожидания оказались далекими от реальности. Прежняя борьба за сферы влияния между ведущими акторами международных отношений распалась на множество локальных (региональных) эпизодов. На смену угрозе мировой ядерной катастрофы пришли новые вызовы: международный терроризм, организованная преступность, наркотрафик, неконтролируемое распространение оружия массового уничтожения, глобальные финансово-экономические, экологические кризисы и массовые эпидемии. На волне сепаратизма, других проявлений национального и религиозного экстремизма в Европе возник ряд региональных конфликтов, жертвами которых стали сотни тысяч человек. Усиленный глобализацией, масштаб этих угроз многократно возрос. С одной стороны, выросла взаимозависимость государств, региональные конфликты начали всерьез угрожать общеевропейской безопасности и стабильности. С другой – углубившаяся неравномерность экономического развития государств создала питательную среду для накопления кризисного потенциала в большинстве стран континента. На этой основе стали возникать и стремительно разрастаться разного рода экстремистские политические течения, сделавшие своим орудием насилие и террор.

Обозначенные магистральные направления европейского развития фокусировались на перспективах завершения и степени «кристаллизации» искомых результатов системных преобразований в самом проблемном регионе континента – постсоциалистических странах Центральной и Восточной Европы (ЦВЕ). Они приобрели принципиальное значение для

Республики Беларусь, наложив серьезный отпечаток на ее политику безопасности, эффективность которой во многом зависела от точности соотнесения европейских политических и экономических тенденций с национальными целями и возможностями самореализации на внешнеполитической арене.

Эволюция геополитической парадигмы в регионе Центральной и Восточной Европы

На современном этапе, как и ранее, страны ЦВЕ были лишены возможности полноценно осуществлять собственную геополитическую стратегию. С начала 2000-х гг. главная линия геополитического состояния определялась нарастанием в этом регионе экономико-политических амбиций двух глобальных сил: Европейского союза, устремившегося на Восток континента, и России, возрождающей роль региональной сверхдержавы. Реализуя концепцию европейской политики сотрудничества (ЕПС), а с недавнего времени – программу «Восточного партнерства», ЕС эффективно проникал в регион, который Россия традиционно рассматривала как сферу своих жизненных стратегических интересов. Ее представители заявили относительно «Восточного партнерства», что «такая архитектура сотрудничества ЕС с соседями России не должна вступать в противоречие с интеграционными обязательствами этих стран в рамках Содружества Независимых Государств (СНГ) и Организации Договора о коллективной безопасности (ОДКБ)».

Борьба двух доминирующих европейских сил за раздел сферы интересов неизбежно накаляла ситуацию в регионе. И Евросоюз, и Россия выстраивали свои собственные стратегии на одном и том же геостратегическом поле с одной и той же целью: охват постсоветских стран своим влиянием согласно собственному видению, далеко не всегда адекватному национальным интересам государств региона. При этом оба доминирующие европейские субъекта старательно затушевывали конкуренцию между собой, объявляя себя партнерами. Тот факт, что Россия и ЕС решили действовать в постсоветских странах с взаимно исключающими друг друга целями, неизбежно подводил к точке отсчета, при которой их стратегии и методы создадут определенное напряжение либо даже серьезные проблемы во взаимных отношениях. Не исключалось, что странам ЦВЕ в очередной раз в истории могла быть отведена роль пушечного мяса.

Своеобразный «спусковой» механизм сработал в 2008 г. Геополитическая картина в регионе ЦВЕ, пока не выходя за обозначенную выше систему координат, существенно усложнялась под воздействием двух знаковых событий: обнародованных планов размещения на территории Польши и Чехии американских систем ПВО (радаров) и российско-грузинской войны в августе 2008 г.

Политико-дипломатическая подготовка к размещению в двух государствах НАТО американских систем отслеживания воздушных объектов, не принадлежащих членам Североатлантического договора, могла остаться мало замеченной, если бы речь шла об ином районе дислокации. А вот создание таких плацдармов по соседству с Беларусью и Россией вызвало резкую реакцию этих государств. Испытанным средством противодействия стали планы адекватного реагирования, в частности, размещения на белорусской территории российских ракет ПВО. Возникшее блоковое напряжение (НАТО, с одной стороны, Союзное государство Беларуси и России, с другой) восстановило в памяти события недалекого прошлого, когда эти же территории входили в стратегическую полосу блокового противостояния между НАТО и Организацией Варшавского Договора (ОВД). Такое географическое и мемориальное наслоение добавило негатива во взаимоотношениях между Москвой и Вашингтоном. Многострадальный регион ЦВЕ в очередной раз оказывался перед незавидной ролью детонатора в мировой гонке вооружений и объекта милитаризации собственного пространства.

Мир встревожила возникшая в дни Олимпийских игр 2008 г. война между Россией и Грузией. Этот конфликт также территориально относился к региону ЦВЕ (согласно определению ОБСЕ). Он вызвал множество дискуссий вокруг политических, военно-стратегических и гуманитарных последствий. Первоначально в эпицентре оказались вопросы типа «кто виноват», но позже, после пережитого шока, на первый план вышла дискуссия о проблемах влияния внешних факторов на грузино-югоосетинский конфликт и последствий самой войны для отношений на линии ЕС – Россия, СНГ – Россия. Острый характер также приобрел прецедент международного признания новопровозглашенных самостоятельных государств (Абхазия и Южная Осетия) в результате принудительного дробления территории одного из государств – участников СНГ (Грузия).

Сам названный прецедент утаивал потенциал разрастания в пределах СНГ с угрозой перерастания в типичный подход к разрешению проблем согласно однажды созданному шаблону. Ломка государственных границ, с учетом геополитических тенденций, могла охватить Молдову, Азербайджан. Понятно, что ряд стран – участниц СНГ с повышенным вниманием наблюдал за действиями России по поддержке суверенизации территорий Абхазии и Южной Осетии после поражения грузинских войск. Весной 2009 г. Москва стала выразительно добиваться от белорусского руководства согласия не только на признание отделенных от Грузии республик, но и включения их в состав Союзного государства, это значит, превращения «двойки» в «четверку». Ясно, что осуществление подобного варианта вызвало бы неоднозначную реакцию на пространстве СНГ.

Конфликт России с Грузией раскрыл еще один важный аспект геополитики. В современном глобализированном мире никакой конфликт не может считаться делом только тех сторон, которые очутились в состоянии конфронтации. А если участник – региональная сверхдержава, то конфликт неизбежно заставляет беспокоиться все крупные страны мира, но особенно, соседей. Ничего удивительного, что на вспышку российско-грузинской войны прежде всего реагировали страны, в прошлом пережившие присоединение к Российской империи (либо СССР): Литва, Латвия, Эстония, Польша, Украина. С учетом современных интересов и ностальгических настроений названные страны явно пытались содействовать этим бывшим советским республикам в деле нейтрализации влияния России на неделимость их государственных границ и сохранение суверенитета.

Российско-грузинская война стала своеобразным кратковременным допингом для воскрешения политической идеи формирования Балто-Черноморского субрегиона. Выражая поддержку Грузии, руководители стран Балтии, Польши и Украины попытались использовать данную угрозу региональной безопасности для укрепления собственных позиций в Европе. Это вылилось не только в попытки ограничить европейское влияние России, решить проблему территориального единства Молдовы, укрепить на свой лад энергетическую безопасность. В более широком контексте эти страны стали активнее выяснять складывающиеся на тот момент и в будущем основы сотрудничества и конкуренции между ЕС и США, с одной стороны, и Россией, с другой, на территориальном пространстве субрегиона Средней Европы. Такая активность, хотя и была жизненно важной для стран субрегиона, все же дополнительно обострила геополитическую ситуацию во всем регионе ЦВЕ.

Здесь необходимо признать право стран Балто-Черноморской полосы расставлять все точки над «i» на своем пространстве, ибо от характера решения их политических, экономических и социальных процессов и сейчас, и в отдаленной перспективе будет зависеть как их собственная безопасность, так и геополитическая стабильность Европы. Совершенно оправданно на указанные процессы и архитектуру европейской безопасности соответствующее влияние оказывала Беларусь, как не только неотъемлемый субъект отношений в Балто-Черноморской полосе, но и стратегический союзник России. Эта вторая роль заставляла Минск выступать оппонентом идеи Балто-Черноморского субрегиона.

Вполне понятно: решая расширять собственные связи с Евросоюзом, белорусское руководство трезво учитывало тот факт, что Брюссель сознательно, хотя и политически приглушенно, стремится ослабить союзные узы Беларуси с Россией. Еще более целенаправленно проводились в жизнь стремления ЕС к укреплению сотрудничества с Украиной. Отношения с Киевом вообще рассматривались в качестве пробного теста в политике соседства ЕС со странами Восточной Европы. Западноевропейские политики разработали арсенал факторов для ускорения процессов европеизации Украины, среди которых – и нейтрализация российского влияния. От воплощения в жизнь данных факторов зависели перспективы членства Украины в Евросоюзе, которые на тот момент оставались неясными.

В 2009 г. обновлялось действующее Положение о партнерстве и сотрудничестве между ЕС и Украиной от 1 апреля 1998 г. По мнению руководства Евросоюза, новое соглашение было способно ускорить ход украинских реформ, укрепить политическую стабильность не только Украины, но и всего региона ЦВЕ. Такие оценки основывались на учете потенциала страны и политики высшего руководства, конкретнее – на размерах территории, численности населения, геополитическом положении и двойственной внешней ориентации. По инициативе бывшего президента В. Ющенко переговоры о расширенном соглашении ЕС – Украина велись с 2005 г. Оно предполагало охватить области свободной торговли, упрощенного визового режима, диалога по энергетическим вопросам, сотрудничества в сфере правосудия и внутренних дел, а также связь с внешней политикой и политикой безопасности. Украинский президент ставил целью вступление страны в ЕС в 2007 г., но этого не произошло; Киев даже не получил статуса государства-партнёра, оставшись стратегическим партнёром.

Безусловно, украинское государство обладало суверенным правом ускорять интеграционные шаги в ЕС. Однако утверждение Киева и Брюсселя о потенциальном укреплении политической стабильности в регионе ЦВЕ в результате включения Украины в ЕС не звучало убедительно, ибо прозападный украинский вектор противоречил российским стратегическим интересам. Кстати, предостережения относительно отрицательной реакции Москвы звучали со стороны и некоторых крупных государств – членов ЕС. С другой стороны, среди аналитиков блуждало предположение, что членство Украины в Евросоюзе могло оказать решающее влияние на ситуацию безопасности в регионе, особенно укрепило бы те страны, которые стремятся к более широкой интеграции с ЕС: Молдову, Грузию. Возможно, ускорило бы урегулирование конфликта в Приднестровье, а также оздоровило бы ситуацию вокруг транзита энергоресурсов. Наиболее решительные заявления касались перспективы замены лидерства на части постсоветского интеграционного пространства. Этим подразумевалось, что при условии присоединения Украины к Европейскому союзу Киев мог стать альтернативным относительно России центром притяжения для Молдовы, закавказских стран, даже Беларуси. Отсутствие в Украине соответствующего ресурсного потенциала (сопоставимого с российским) превращало подобные заявления в безосновательные мечты. Даже в отдаленной перспективе эта страна была способной оставаться не более чем инициативным членом (но не лидером) регионального содружества.

Экзальтация стратегических аппетитов Украины умерилась после избрания новым президентом государства В. Януковича в феврале 2010 г. Уже в первых интервью новоизбранный президент заявил, что Киев будет улаживать свои отношения с НАТО, исходя из национальных интересов. На тот момент президент не поставил вопрос о вступлении Украины в Североатлантический альянс, а глубину имеющихся с НАТО контактов посчитал целиком достаточной для того, чтобы обустраивать партнерские отношения, разрушать которые страна не собиралась. Вместе с тем В. Янукович не провозгласил весьма желанного для Москвы курса на долговременное сохранение российской базы Черноморского флота в Севастополе и придание русскому языку статуса государственного наравне с украинским.

Эксперты сходились во мнениях, что по большому счету в перспективе В. Янукович продолжит политику В. Ющенко, только будет проводить ее тихо, спокойно и расслабленно.

Вопрос внешней самоидентификации белорусского государства

Международное положение Беларуси, складывавшееся с начала XXI в., как и внутренняя трансформация общества, требовали переосмысления содержания приоритетов внешней политики и возможностей ее ресурсного обеспечения. С приобретением государственного суверенитета Республика Беларусь очутилась в центре европейского геополитического разлома между Востоком и Западом континента. Ее территориально-стратегическое расположение неизбежно требовало определения внешних приоритетов. Как известно, в 1990-е гг. среди них доминировал российский, позже имели место периодические и не очень результативные усилия его уравновесить многовекторностью. Практический смысл и вес при этом приобретала векторная альтернатива «Восток – Запад».

Варианты развития Беларуси и обретения ею своего места в Европе в начале XXI в. зависели от того, какую форму общественного развития примут в качестве базовой, исходной основные экономические и политические элиты страны. Реальное развитие событий на ближайшие 5–10 лет определялось тем, как белорусское общество будет проходить этап становления не только во внутреннем, но и во внешнем политическом и экономическом пространстве. Строго говоря, все более отчетливой становилась дилемма: Запад или Восток. Восточный вектор развития Беларуси всегда был и будет. Вопрос заключался в степени самостоятельности такого выбора, его функциональности и эффективности конкретных механизмов его реализации. Европейский выбор Беларуси, в отличие от соседних стран, пока идентифицировался слабо, но это было делом времени.

Дело в том, что среди стран региона ЦВЕ Беларусь к началу XXI в. одолела пока более короткий отрезок на пути решения поставленных целей. Переходные трудности дополнялись внешним имиджем государства с неопределенным суверенитетом. Процесс создания Союзного государства Беларуси и России приостановился на политическом распутье. Направление социально-экономического реформирования встречало немало оппонентов в стране и вовне. На Западе распространялась мысль, что своим внутренним и внешнеполитическим курсом Беларусь противопоставляет себя сформированному европейскому порядку, чем создает угрозу стабильности в регионе ЦВЕ. Нередко Беларусь оценивалась как проблемное государство Европы. Потому (независимо от степени правдивости этих утверждений) ради укрепления авторитета ей требовалось поработать больше других в плане расширения международного доверия и превращения в признанный конструктивный элемент европейской безопасности и сотрудничества.

Не было сомнения, что обрисованная геополитическая уникальность Беларуси – явление временное. И не она обусловливала место страны в системе безопасности на континенте. Действительную заинтересованность Запада к Беларуси определяли иные факторы. Стержнем международного веса оставалось ее расположение на стратегическом перекрестке торгово-экономических путей континента и при этом размещение на стыке Европы и постсоветского пространства. Именно эти факторы определяли для Беларуси перспективу стать «мостом» или «помостом» для полномасштабного сотрудничества обеих частей континента и приобрести выразительное позитивное европейское влияние.

Однако в 2010-е гг. в целом доминировал временный фактор. Из-за этого замедлялся процесс вовлечения Беларуси в европейское содружество. В Европе (в который раз на протяжении последних двухсот с лишним лет) блуждал «белорусский вопрос». Там его применительно к современности определяли как сохранение авторитарных методов правления страной и нарушение прав человека со стороны официальных властей. Такой имидж определенным образом ослаблял вес государства в сфере безопасности, высвечивая преобладающие негативные оттенки на линии «Беларусь – Запад».

В столицах западных государств закрепилось мнение, что Республика Беларусь создает неоправданные испытания для нового европейского порядка, что она загнала себя в тупик самоизоляцией от Запада, чем сузила пространство для самостоятельной и сбалансированной внутренней и внешней политики. Утверждалось, что внешняя безопасность РБ основана на белорусско-российской интеграции, но каркас этой безопасности скроен скорее на противопоставлении, чем по образцу концепции «коллективного Запада».

Корректировка внешнеполитических приоритетов Республики Беларусь в конце 2010-х гг.

В прошлом векторная альтернатива «Восток – Запад» не стояла настолько остро, как перед президентскими выборами 2010 г. Дело, видимо, заключалось в следующем: ранее внешние центры силы пытались либо инициировать преобладание западной векторности, либо вовсе лишить белорусское государство внешнеполитической субъектности путем включения в состав Российской Федерации. Такая эволюция геополитического положения Беларуси происходила на протяжении последнего десятилетия. Ее динамика возрастала в периоды президентских выборов и обострения белорусско-российских торгово-экономических отношений, получивших названия войн – «газовых», «молочных», «нефтяных», «сахарных». Но осенью 2010 г. кроме внешних взаимоисключающих влияний проявились приметы смены геополитических приоритетов на Запад непосредственно со стороны официального Минска.

Стоит отметить, что сами названные войны, кроме экономической подоплеки, имели четко выраженную стратегическую составляющую. Ее суть выявлялась в узком и широком смысле. В узком понимании ее можно свести к стремлению официальной Москвы по-прежнему удерживать Беларусь в сфере российского влияния, принуждая белорусское руководство к лимитрофному поведению в двусторонних связях и продолжению «руки Москвы» в многосторонних внешнеполитических действиях. В широком смысле стратегия российского руководства замыкалась на Беларуси как демонстрационном образце российско-белорусских отношений и модели для интеграции стран «ближнего зарубежья» с установлением доминирующей роли и исключительного влияния России на постсоветском пространстве.

Стратегические цели российского руководства продолжительное время не допускали принятия кардинальных решений относительно подчинения Беларуси. Именно она готовилась на роль демонстратора перед бывшими советскими республиками осмысленно выношенной и практически проверенной на эффективность модели «собирания земель» вокруг Российской Федерации. Из этой цели и вытекала политика «кнута и пряника» официальной Москвы, когда торгово-экономические войны перемежевались с внушительной финансовой подпиткой белорусской экономики.

Опасность попасть в лимитрофное состояние и превратиться в экспериментальное поле возрождения советской империи уже с середины 2010-х гг. осмыслило белорусское руководство. Периодические заявления президента А. Лукашенко о пожертвовании больших средств ради сохранения государственного суверенитета стали выразительным свидетельством такого понимания. В этом процессе самодостаточность белорусской экономической модели оказалась лакмусовой бумажкой для продолжения либо прекращения процесса строительства белорусской государственности.

Мировой экономический кризис, с 2009 г. втянув экономику страны в свой водоворот, высветил дополнительные потенциально опасные для суверенного развития процессы. Белорусским экспертам стала очевидной необходимость сочетания усилий по выходу из кризиса с диверсификацией внешнеэкономического партнерства. Расширение числа экономических партнеров давало основание международным аналитикам делать политические расчеты. Так, поиски Беларусью альтернативных источников внешнеэкономического взаимодействия породили на Западе надежды на территориальную перекройку линии геополи-

тического разлома. Если буквально в недалеком прошлом в подобных геополитических играх Беларусь, проводя стратегию равноудаленности, сохраняла самостоятельную роль и даже возможность получать от них дивиденды, то в кризисный период возникла опасность потерять преимущества стратегического партнерства с Россией, не приобретя полноценной альтернативы взамен. Момент истины наступил осенью 2010 г., на этапе президентской избирательной кампании.

Очевидные колебания официального Минска в выборе приоритетов между «Восточным партнерством» и Россией определенным образом ослабили геополитический вес белорусского государства. Возникли неприсущие для прошлого моменты лавирования между Россией и Евросоюзом. Объявление президента А. Лукашенко в декабре о присоединении к Единому экономическому пространству (ЕЭП), детищу Кремля, означало возвращение к традиционным приоритетам. Этот выбор, предсказуемый экономически, во внешнеполитическом смысле оставил риск недоверия со стороны и западных, и восточных соседей. Отдельные аналитики стали отыскивать исторические параллели между современным состоянием Беларуси и российско-польским соперничеством за земли Великого княжества Литовского в XVII–XVIII вв.

Таким образом, охарактеризованные процессы и события 2010-х гг. означали, что геополитическая парадигма в регионе ЦВЕ поддалась эволюции. Они стали действительным испытанием на прочность восточноевропейской конструкции как части архитектуры европейской безопасности. Развитие событий ставило континент и властные элиты перед альтернативой: сохранить с такими трудностями созданную архитектуру, либо идти на риск ее слома и замещения конфронтационными схемами. Непредсказуемости и тревоги добавлял тот факт, что риск слома существенных элементов европейской безопасности по времени совпадал с мировым финансово-экономическим кризисом, способным обострять все национальные, межгосударственные, региональные и глобальные проблемы.

Для Беларуси, как существенного актора в деле сохранения европейской и региональной безопасности, в конце 2010-х гг. курс на сохранение государственного суверенитета проходил через избавление от сверхзависимости белорусской экономики от российских энергоносителей и ликвидацию перекоса во внешней торговле путем снижения доли России в ее общем показателе. Любой белорусский шаг в данных направлениях посылал Москве сигнал тревоги при реализации ее интеграционной стратегии в «близком зарубежье». Поиски Беларусью равновесия во внешней торговле имели позитивный результат, но одновременно обострили соперничество между евразийским и западноевропейским интеграционными центрами, вызывая дополнительную напряженность. В условиях преодоления последствий мирового финансово-экономического кризиса это привело к нежелательным политическим колебаниям вокруг Республики Беларусь.

Chesnovski M.E. **European Geopolitical Braking in the 2010s and Belarus**

The events of the last decade of the XX and the beginning of the XXI centuries influenced the condition and stability of international security. It suffered the press of increasing globalization- a contradictory process, which affected all the life spheres of world community. Force rearrangement took place in international sphere. New centers of influence emerged and consolidated; the quantity of independent subjects of international relations multiplied. The processes of regional integration kept their unpredictability. These processes happened to be in full typical for Europe. The old continent still remained the motor of worldwide geopolitical changes. Economic-political ambitions of the European Union and Russia became a geopolitical barometer of the beginning of the 2000s. The place of their application was the region of Central and Eastern Europe. Taking into account the forming circumstances the Republic of Belarus had to comprehend once again the contents of foreign policy priorities and the possibilities of its resource provision

Рукапіс паступіў у рэдкалегію 19.01.2012

УДК 4(47+57) «1941/45»+930(476)

У.В. Здановіч

СУЧАСНАЯ АЙЧЫННАЯ ГІСТАРЫЯГРАФІЯ БЕЛАРУСКА-ПОЛЬСКІХ АДНОСІН Ў ГАДЫ ДРУГОЙ СУСВЕТНАЙ І ВЯЛІКАЙ АЙЧЫННАЙ ВОЙНАЎ

У артыкуле аналізуюцца працы беларускіх даследчыкаў, прысвечаныя беларуска-польскім адносінам у гады Другой сусветнай і Вялікай Айчыннай войнаў. Гістарыяграфічны агляд сведчыць, што шэраг пытанняў вылучанай тэмы атрымалі асвятленне ў айчыннай гістарыяграфіі. Такія пытанні, як дзейнасць Арміі Краёвай на тэрыторыі БССР, удзел беларусаў у польскіх узброеных фарміраваннях, сталі прадметам дыскусіі ў навуковых колах. Адначаецца, што вывучэнне разнастайных аспектаў тэмы неабходна праводзіць з улікам канкрэтна-гістарычных абставінаў, сукупнасці праблем, якія бяруць пачатак да Другой сусветнай вайны. Аналіз і абагульненні павінны быць аб'ектыўнымі, свабоднымі ад замоўчванняў і перабольшванняў, раскрываць усе бакі праблемы.

Уводзіны

Вывучэнне гісторыі Беларусі перыяду Вялікай Айчыннай вайны, які займае асобае месца ў нашай гісторыі, было і застаецца адным з прыярытэтных напрамкаў айчыннай гістарычнай навукі, аб чым сведчыць ужо сама колькасць прац на гэтую тэму. Па розных праблемах ваеннай гісторыі Беларусі апублікавана звыш 10 тысяч манаграфій, фундаментальных даследаванняў, артыкулаў у зборніках і часопісах, энцыклапедычных выданнях, успамінаў непасрэдных удзельнікаў падзей. У даследаваннях з розных метадалагічных і ідэйна-палітычных пазіцый раскрываюцца найважнейшыя пытанні гісторыі мінулай вайны. Разам з тым многія праблемы айчыннай ваеннай гісторыі застаюцца недастаткова вывучанымі. Да іх ліку адносіцца і праблема беларуска-польскіх узаемастасункаў. Гістарыяграфічная літаратура па гэтай тэме нязначная па сваім аб'ёме. Сярод прац у першую чаргу неабходна выдзеліць манаграфію У.В. Здановіча і кандыдацкую дысертацыю С.А. Сіткевіча [1; 2], гістарыяграфічныя ўводзіны да манаграфій і кандыдыцкіх дысертацый В.В. Барабаша [3; 4] і Ю.В. Грыбоўскага [5; 6].

Беларуска-польскія адносіны ў працах беларускіх даследчыкаў

З першых дзён уступлення на тэрыторыю Беларусі германскіх войск пачаў устанаўлівацца так званы «новы парадак», асновай якога была ідэі расавай перавагі нямецкай нацыі над іншымі народамі, неабходнасці пашырэння жыццёвай прасторы для немцаў і права на сусветнае панаванне «Трэцяга рэйха». Акупацыйны рэжым уяўляў сабой сістэму палітычных, эканамічных і ваенных мер, накіраваных на ліквідацыю грамадскага і дзяржаўнага ладу, рабаванне нацыянальных багаццяў і рэсурсаў, зняволенне і знішчэнне насельніцтва рэспублікі. Адзін з першых германскіх гісторыкаў, які пачаў вывучаць гісторыю Беларусі перыяду нямецкай акупацыі ў 1941–1944 гг., Б. К'яры падкрэслівае, што акупацыйны рэжым на тэрыторыі БССР меў больш жорсткі характар у параўнанні з іншымі рэгіёнамі Савецкага Саюза. Акупацыя з самага пачатку прынесла ў Беларусь голад, тэрор, што стала прычынай вялікіх людскіх ахвяр агульнай колькасцю 1,6 мільёна чалавек [7]. Шматлікія матэрыялы пацвярджаюць выснову нямецкага гісторыка аб тым, што Беларусь была самым жахлівым прыкладам спалучэння ваеннай эканомікі, аграрнай вытворчасці і харчовага становішча з нацысцкімі метадамі вядзення вайны на вынішчэнне, асабліва з германскім рэжымам тэрору, які разбуральна ўздзейнічаў на ўсе групы неасельніцтва Беларусі.

Асобнае месца ў ваеннай гісторыі Рэспублікі Беларусь займае заходнебеларускі рэгіён. Па сваім палітычным, сацыяльна-эканамічным, канфесійным і нацыянальным становішчы ён істотна адрозніваўся ад астатняй тэрыторыі БССР. Думку аб адметнасці заходнебеларускага рэгіёну выказаў і польскі гісторык Ю. Туронак, які, у прыватнасці, пісаў: «У людской свядомасці засталіся вельмі глыбокія прынцыповыя адрозненні паміж Беларуссю Заходняй і Усходняй. Гэта яскрава выявілася ў час акупацыі: паабапал былой мяжы панавалі розныя грамадскія адносіны, розныя настроі і паводзіны насельніцтва, розная ўдзельная вага і ўзаемадачыненні палітычных фактараў і груповак» [8, с. 4]. Адным з сродкаў ўмацавання акупацыйнага рэжыму з'яўлялася палітыка размежавання нацыянальных супольнасцей, якія пражывалі ў рэгіёне. Так, у першыя месяцы пасля акупацыі нацысты пачалі праводзіць палітыку, накіраваную на падтрымку прадстаўнікоў польскай нацыянальнасці. Але з восені 1941 г. акупанты памянялі курс. В. Кубе зрабіў стаўку на падтрымку беларусаў. Аднак на практыцы з-за недахопу спецыялістаў кадравы склад створаных органаў у большасці заставаўся польскім. Тым не менш польскія палітычныя колы, якія прэтэндавалі на заходнія беларускія землі, неспрыяльна ставіліся да нацыянальнай палітыкі В. Кубе, якая найбольш яскрава знайшла адлюстраванне ў яго лозунгу «Беларусь для беларусаў». Нягледзячы на розныя тактычныя змены, у цэлым мерапрыемствы германскіх уладаў садзейнічалі абвастрэнню беларуска-польскіх адносін. Сітуацыю ўскладнялі савецкая палітыка ў дачыненні да палякаў і пазіцыя польскага эміграцкага ўраду, якія не вызначаліся гнуткасцю і дальнабачнасцю. Адзначаныя акалічнасці стрымлівалі ўдзел палякаў у барацьбе савецкіх партызан і падпольшчыкаў. Аднак, як падкрэслівае В.В. Барабаш, «нягледзячы на гэта, польскае насельніцтва Беларусі на працягу ваенных гадоў усё актыўней уключалася ў барацьбу з акупантамі ў радах савецкіх антыфашыстаў» [3, с. 11]. Па падліках даследчыка, у савецкім руху Супраціўлення ўдзельнічала «больш за 10 тыс. палякаў, грамадзян СССР і Польшчы» [3, с. 14]. Адначасова беларускі гісторык паказвае, што «ў гэтым рэгіёне існавалі і другія палітычныя рухі, якія мелі асабістыя мэты і ўплыў сярод мясцовага насельніцтва, у тым ліку і польскі рух Супраціўлення» [4, с. 118].

Вядучай арганізацыяй польскага руху Супраціўлення была Армія Краёва. Польскія гісторыкі ацэньваюць колькасць вайскоўцаў АК ў 50 тысяч чалавек. У цэлым гэтую лічбу падтрымлівае і В.В. Барабаш, але ўдакладняе, што 50 тысяч чалавек налічваў канспіратыўны склад АК, прыкладна палова якога змагалася ва ўзброеных фарміраваннях [3, с. 11]. Па падліках І.А. Валахановіча, да ліпеня 1944 г. на тэрыторыі Заходняй Беларусі дзейнічала каля 14 тысяч удзельнікаў фарміраванняў АК [9, с. 12].

Рассакрэчванне ў пачатку 1990-х многіх архіваў, асабліва архіваў органаў дзяржаўнай бяспекі і ўнутраных спраў, адкрылі новыя магчымасці для даследчыкаў у вывучэнні азначанай праблемы, якая па палітычных прычынах у савецкай гістарыяграфіі практычна не даследавалася. Выкарыстанне раней невядомых гісторыкам архіўных матэрыялаў дало магчымасць рэканструіраваць сапраўдную карціну дзейнасці Арміі Краёвай на тэрыторыі Беларусі. З аднаго боку, савецкія партызаны і фарміраванні АК, маючы аднаго ворага, аб'ектыўна знаходзіліся па адзін бок барыкад, што садзейнічала развіццю паміж імі нармальнага добрасуседскага супрацоўніцтва. З другога боку, палітычныя адносіны савецкага кіраўніцтва і польскага ўрада ў Лондане, найперш, прэтэнзіі на землі Заходняй Беларусі, рабілі немагчымым доўгатэрміновыя кантакты і прыводзілі да непазбежнага канфлікту паміж акаўцамі і савецкімі партызанамі. Абвастрэнню адносінаў садзейнічалі і факты супрацоўніцтва асобных атрадаў АК з акупацыйнымі ўладамі і вермахтам. Адмежаванне Лонданскага ўрада і кіраўніцтва АК у Варшаве ад такой тактыкі істотна на сітуацыю не ўплывала,

і яна, як справядліва адзначае А.М. Літвін, паступова перарастала ў жорсткую грамадзянскую вайну [10, с. 125].

Выснова навукоўца знаходзіць пацвярджэнне ў манаграфіі В.І. Ермаловіча і С.В. Жумара «Огнём и мечом», у якой, падводзячы вынікі дзейнасці Арміі Краёвай у Беларусі, аўтары падкрэсліваюць, што «неразуменне беспадстаўнасці польскай палітыкі на «крэсах усходніх», у выніку якой гэты край яшчэ да вайны ператварыўся ў зону доўгатэрміновага канфлікту, няўменне лічыцца з рэальнасцю, прывялі АК да сумніўнага лавіравання, масавага насілля, да крывавых расправаў, бандытызму» [11, с. 41]. Пры гэтым даследчыкі не адмаўляюць і пэўнай ролі савецкага кіраўніцтва ў пагаршэнні міжнацыянальных адносін у антыфашысцкім падполлі. Аднак, як адзначаюць В.І. Ермаловіч і С.В. Жумар, першыя сутычкі паміж атрадамі АК і савецкімі партызанамі адбыліся ўжо вясной 1943 г., гэта значыць да з'яўлення пастановы ЦК КП(б)Б ад 22 чэрвеня 1943 г. «Аб далешым разгортванні партызанскага руху ў заходніх абласцях Беларусі» і дырэктыўнага пісьма з Масквы «Аб ваенна-палітычных задачах у заходніх абласцях БССР», якія прадугледжвалі раззбраенне атрадаў АК.

Факты супрацоўніцтва з акупантамі, як, дарэчы, і барацьбы з савецкімі партызанскімі фарміраваннямі, пацвярджае і польскі даследчык Ю. Туронак. Ён адзначае, што «ў канцы 1943 г. акупацыйныя ўлады вырашылі актывізаваць польскія сілы для барацьбы з савецкім партызанскім рухам і прыцягнуць да супрацоўніцтва атрады АК. Дзеля гэтага яны адмовіліся ад ранейшага антыпольскага курса, які быў абраны імі ў сярэдзіне 1942 г. Немцы разлічвалі на тое, што слаба ўзброеныя акаўскія атрады, якія варагавалі з савецкімі партызанамі і нават мелі з імі крывавыя сутычкі, цяпер не адмовяцца ад прапановы паправіць стан свяго ўзбраення. І сапраўды, некаторыя атрады АК пагадзіліся з такою прапановаю». Згодна з акаўскай справаздачай з Навагрудскага ваяводства, прыведзенай Ю. Туронкам, «пад канец 1943 – у пачатку 1944 гг. абставіны склаліся такім чынам, што шэраг паветаў Навагрудчыны апынуўся, уласна кажучы, цалкам у польскіх руках» [8, с. 173].

Вынікам супрацьстаяння Армі Краёвай і савецкіх партызан сталі значныя чалавечыя ахвяры. Напрыклад, камандзір стаўбцоўскай групоўкі АК у Навагрудскай акрузе Адольф Пільх паведамляў, што, «пачынаючы са снежня 1943 г. да канца чэрвеня 1944 г., члены яго атрада забілі каля 6 тысяч «бальшавікоў» [8, с. 174]. Мы пагаджаемся з Ю. Туронкам, што пераважная частка забітых – гэта мірныя беларускія жыхары.

Супрацоўніцтва з германскімі акупацыйнымі ўладамі і барацьбу з савецкімі партызанскімі фарміраваннямі пацвярджаюць дакументальныя матэрыялы, выяўленыя намі ў Нацыянальным архіве Рэспублікі Беларусь. Так, у дырэктыве кіруючага цэнтра партыі «Грэнадзёраў» ад 14.05.1943 г., падпісанай капітанам Ф. Дубінскім адзначалася: «Немец і беларус – ворагі польскага народа. Зжывайцеся з партызанамі, заваёўвайце ў іх аўтарытэт, а пры зручным выпадку – забівайце іх» [12, арк. 325]. 3 мая 1943 г. сход жыхароў в. Лугатовічы Іўеўскага раёна Баранавіцкай вобласці ў адносінах да нямецкіх уладаў і партызан пастанавіў: «5. Імкнуцца дапамагчы немцам затрымаць некалькі савецкіх партызан – доказ нашага супрацоўніцтва з немцамі. Толькі нямнога, інакш гэта можа парваць нашу сувязь з партызанамі» [12, арк. 326]. Праграмныя дакументы знаходзілі і рэальнае ўвасабленне. Напрыклад, 24 лістапада 1943 г. па загадзе камандзіра польскага коннага атрада Нуркевіча («Ноч») каля в. Дубнякі Івянецкага раёна Баранавіцкай вобласці былі расстраляны 11 савецкіх партызан. Факт расстрэла пацвердзілі афіцэры польскага атрада Мілашэўскага Ю. Бабравіцкі, М. Ржавускі, С. Гаворка, В. Пелка [12, арк. 218, 228, 229, 249, 290].

Значнае месца дзейнасці на тэрыторыі Беларусі Арміі Краёвай і польскаму падполлю адведзена ў раздзеле «Антифашистское сопротивление на территории Бела-

руси» калектыўнай працы «Беларусь в годы Великой Отечественной войны. 1941–1945 гг.» [13]. Абапіраючыся на апублікаваныя даследчыкамі архіўныя матэрыялы, аўтары паспрабавалі паказаць не толькі ўжо вядомыя старонкі партызанскага жыцця, але і аспекты, якія не вывучаліся ў савецкія часы. На падставе аналізу пераважна апублікаваных крыніц даследчыкі пацвердзілі высновы беларускіх гісторыкаў аб сумеснай да вясны 1943 г. дзейнасці савецкіх партызанскіх атрадаў і фарміраванняў АК супраць германскіх улад і змене стасункаў паміж імі пасля разрыву дыпламатычных адносін СССР з польскім эміграцкім урадам у Лондане. Як адзначаюць гісторыкі, вынікам новай савецка-польскай палітыкі стала рэалізацыя вышэй згаданых партыйнай пастановы і дырэктыўнага пісьма аб раззбраенні атрадаў АК савецкімі партызанамі. Разам з тым, падкрэсліваюць навукоўцы, «вышэй адзначаныя фактары проста паскорылі раней меўшыя месца тэндэнцыі ва ўзаемаадносінах паміж савецкімі партызанамі і акаўцамі» [13, с. 282]. Абгрунтаванай падаецца і агульная выснова раздзела аб тым, што дзейнасць польскага антысавецкага падполля на тэрыторыі заходніх абласцей Беларусі была вынікам нявырашанасці тэрытарыяльных савецка-польскіх праблем. «Польскае пытанне» як знешнепалітычная праблема вырашалася не толькі ў ходзе дыпламатычных перамоў, але і ў ходзе барацьбы фарміраванняў Арміі Краёвай з органамі савецкай улады. Вынік барацьбы быў трагічным для абодвух бакоў, кожны з якіх адстойваў сваю праўду і не шкадаваў для гэтага сіл і сродкаў» [13, с. 292].

Ускладняў польска-беларускія адносіны ў гады вайны канфесійны фактар. Малавядомай старонкай у гісторыі АК з'яўляецца дзейнасць каталіцкага касцёла. Як адзначае Э.С. Ярмусік, «каталіцкі касцёл на ўсіх этапах гісторыі адыгрываў кансалідуючую ролю ў барацьбе польскага народа за незалежнасць і аднаўленне Польскай дзяржавы» [14, с. 128]. У час вайны фарміраванні АК былі ўкамплектаваны капеланамі. «Ксяндзы, дабраахвотна прымаючы на сябе абавязкі ваенных капеланаў АК, – падкрэслівае Э.С. Ярмусік, – падзялялі тым самым задачы барацьбы польскіх узброеных фарміраванняў» [14, с.132]. І нават пасля роспуску Арміі Краёвай некаторыя ксяндзы падтрымлівалі сувязь з постакаўскімі структурамі, якія дзейнічалі ў падполлі. У цэлым аўтар дае абгрунтаваную характарыстыку рэлігійнага жыцця ў Беларусі, якое «адчувала на сабе ўплыў не толькі палітычных, але і нацыянальных фактараў. Гэтыя асаблівасці мелі глыбокія гістарычныя карані, а ў час вайны праявіліся найбольш востра. Словазлучэнні «паляк-католік» і «беларус-праваслаўны» ўспрымаліся не толькі як знакі пэўнай эпохі, але і як ідэйныя сімвалы ў жорсткай палітычнай барацьбе за цалкам вызначаныя тэрыторыі Заходняй Беларусі» [14, с. 164–165].

Прыкладам добразычлівых адносін беларусаў і палякаў з'яўляецца сумесная барацьба з нацызмам у польскіх узброеных фарміраваннях. Аднак у беларускай савецкай гістарыяграфіі гэтая тэма не стала прадметам спецыяльнага даследавання. Пасля распаду СССР у айчынных навукоўцаў з'явілася магчымасць асвятлення праблемы баявых дзеянняў ўраджэнцаў Беларусі ў складзе 2-й арміі Войска Польскага. Асноўная заслуга ў вывучэнні гэтага пытання належыць Ю.В. Грыбоўскаму. У шэрагу артыкулаў, манаграфій і кандыдацкай дысертацыі [5; 6; 15] аўтар вызначыў і навукова абгрунтаваў колькасць ураджэнцаў Беларусі (120 тысяч) сярод асабовага складу польскіх узброеных фарміраванняў у гады Другой сусветнай вайны. Праведзены Ю.В. Грыбоўскім аналіз архіўных дакументаў, апублікаваных польскіх крыніц з улікам нацыянальнай і канфесійнай прыналежнасці, які падаецца нам абгрунтаваным, дазволіў яму доказна сцвярджаць, што «ў Польскіх узброеных сілах на Захадзе колькасць ураджэнцаў Беларусі складала не менш за 7-9 тысяч (6-7 %). У складзе Войска Польскага на нямецка-савецкім фронце служыла звыш 40 тысяч (13 %) ураджэнцаў Беларусі» [5, с. 14].

Заключэнне

Такім чынам, гістарыяграфічны агляд паказвае, што шэраг аспектаў беларуска-польскіх стасункаў у гады Другой сусветнай і Вялікай Айчыннай войнаў знайшлі адлюстраванне ў беларускай гістарыяграфіі. Існаванне разнастайных (а нярэдка і супрацьлеглых) пунктаў гледжання на праблему ў значнай ступені тлумачыцца яе вастрынёй і палітычнай актуальнасцю і закранае міжнацыянальныя адносіны ў Беларусі, а таксама ўзаемаадносіны Беларусі і Польшчы, у тым ліку і на сучасным этапе. На наш погляд, вывучэнне розных аспектаў тэмы неабходна праводзіць з улікам канкрэтна-гістарычных абставінаў і ў кантэксце сукупнасці праблем савецка-польскіх адносінаў, якія склаліся яшчэ да Другой сусветнай вайны. Аналіз і абагульненні павінны быць аб'ектыўнымі, вольнымі ад замоўчванняў і перабольшванняў і раскрываць усе бакі ўзнятай навуковай праблемы. Пры гэтым неабходна пазбягаць паспешлівых, павярхоўных эмацыянальных высноў, а зыходзіць з фактаў, узятых з разнастайных крыніц, у першую чаргу архіўных. Простая замена адмоўных ацэнак на станоўчыя (і надварот) будзе таксама фальсіфікацыяй гісторыі і паспрыяе стварэнню яшчэ аднаго міфа пра вайну.

СПІС ЛІТАРАТУРЫ

1. Здановіч, У.В. Беларусь у гады Вялікай Айчыннай вайны (1941–1944 гг.) у адлюстраванні айчыннай гістарыяграфіі : манаграфія / У.В. Здановіч; навук. рэд. А.А. Каваленя; Брэсц. дзярж. ун-т імя А.С. Пушкіна. – Брэст : Выд-ва БрДУ, 2008. – 257 с.

2. Ситкевич, С.А. Деятельность польского подполья на территории Беларуси (1939–1954 гг.). Историография проблемы : автореф. дис. … канд. ист. наук: 07.00.09 / С.А. Ситкевич; Ин-т истории НАН Беларуси. – Минск, 2002. – 20 с.

3. Барабаш, В.В. Поляки в антифашистской борьбе на территории Беларуси (1941–1944 гг.) : автореф. дис. … канд. ист. наук: 07.00.02 / В.В. Барабаш; Белорус. гос. пед. ун-т. – Минск, 1999. – 20 с.

4. Барабаш, В.В. Поляки в антифашистской борьбе на территории Беларуси (1941–1944 гг.) / В.В. Барабаш. – Гродно : ГрГУ, 1998. – 146 с.

5. Грыбоўскі, Ю.В. Беларусы ў польскіх узброеных фарміраваннях у гады Другой сусветнай вайны: аўтарэф. дыс. ... канд. гіст. навук: 07.00.02 / Ю.В. Грыбоўскі; Ін-т гісторыі НАН Беларусі. – Мінск, 2005. – 17 с.

6. Грыбоўскі, Ю. Беларусы ў польскіх рэгулярных войсковых фармаваннях 1918–1945 : манаграфія / Ю. Грыбоўскі. – СПб : Неўскі Прасцяг, 2006. – 832 с.

7. К'яры, Б. Штодзённасць за лініяй фронту. Акупацыя, калабарацыя і супраціў у Беларусі (1941–1944 гг.) / Б. К'яры; пер. з ням. Л. Баршчэўскага; навук. рэд. Г. Сагановіч. – Мінск, 2005. – 390 с.

8. Туронак, Ю. Беларусь пад нямецкай акупацыяй / Ю. Туронак; пер. з польскай В. Ждановіч, камент. А.М. Літвіна. – Мінск : Беларусь, 1993. – 236 с.

9. Валаханович, И.А. Антисоветское подполье на территории Беларуси в 1944–1953 гг.: организационная структура, программно-уставные положения и основные этапы деятельности : автореф. дис. … канд. ист. наук: 07.00.02 / И.А. Валаханович; Белорус. гос. ун-т. – Минск, 1999. – 20 с.

10. Літвін, А.М. Акупацыя Беларусі (1941–1944): пытанні супраціву і калабарацыі / А.М. Літвін. – Мінск : Беларус. кнігазбор, 2000. – 288 с.

11. Ермолович, В.И. Огнём и мечом : Хроника польского националистического подполья в Белоруссии (1939–1953 гг.) / В.И. Ермолович, С.В. Жумарь. – Минск : БелНИЦДААД, 1994. – 112 с.

12. Польские формирования и национальная организация // Нацыянальны архіў Рэспублікі Беларусь (НАРБ). – Фонд 1450. – Воп. 2. – Спр. 50. – Арк. 1–330.

13. Беларусь в годы Великой Отечественной войны. 1941–1945 гг. / А.А. Коваленя (рук. авт. коллектива) [и др.]. – Минск : Белта, 2005. – 544 с.

14. Ярмусик, Э.С. Католический костел в Белоруссии в годы Второй мировой войны (1939–1945) : монография / Э.С. Ярмусик. – Гродно : ГрГУ, 2002. – 240 с.

15. Грыбоўскі, Ю.В. Удзел беларусаў у польскіх рэгулярных вайсковых фарміраваннях на савецкім баку (1943–1945 гг.) / Ю.В. Грыбоўскі // Весці НАН Беларусі. Сер. гуманітар. навук. – 2004. – № 2. – С. 48–55.

Zdanovich V.V. **Modern Belarusian History Science of Belarusian-Polish Relationship during the Second World and Great Patriotic Wars**

The papers by Belarusian researchers, devoted to Belarusian-Polish relationship during the Second World and Great Patriotic wars are analyzed in the article. The historic reviews prove that a number of aspects of this theme were highlighted in home history science. Such questions as the activity of the Army Krayevoi on the territory of BSSR, the participation of the Belarusian in Polish armed formations have become the discussion subject in scientific circles. It is pointed out that the study of different aspects of this theme is necessary to carry out taking into account specific historic circumstances, problem aggregate, which starts before the Second World War. The analysis and generalization should be unprejudiced, free from omission and overstatement, reveal all the points of the problem.

Рукапіс паступіў у рэдкалегію 12.09.2011

УДК 94 (476) «19»

В.В. Табунов

ПРАВОСЛАВНОЕ ДУХОВЕНСТВО БЕЛОРУССКИХ ЗЕМЕЛЬ И ПРОБЛЕМА СОЗЫВА ПОМЕСТНОГО СОБОРА В НАЧАЛЕ XX СТОЛЕТИЯ

В статье анализируется позиция православного духовенства белорусских земель по одному из актуальнейших вопросов жизнедеятельности православной церкви начала XX столетия – созыва Поместного собора и решения на нём наиболее важных проблем: избрание патриарха, наделение прихода статусом юридического лица, взаимоотношения с другими христианскими конфессиями. Несмотря на незначительные отличия в решении данного вопроса, представители клира были едины в необходимости неотложного созыва Поместного собора. Власти Российской империи, во многом под влиянием социальных потрясений 1905–1907 гг., пошли навстречу требованиям православного духовенства, декларировав своё намерение созвать собор в ближайшее время. Однако спад социальной напряжённости и нежелание правящих кругов страны менять сложившиеся с православной церковью отношения в конечном итоге обусловили отложение решения вопроса о созыве Поместного собора.

Введение

В соответствии с каноническим правом для решения наиболее актуальных вопросов в жизни Православной церкви следовало созывать Поместные соборы, которые, однако, перестали функционировать на территории Российской империи ещё в XVIII ст., со времён преобразований Петра I, учредившего для контроля над деятельностью Православной церкви Святейший Синод во главе с обер-прокурором. После осуществления данной церковной реформы вопрос о необходимости созыва Поместного собора неоднократно поднимался духовенством. В очередной раз к нему возвратились в момент активизации религиозной жизни в Российской империи и на белорусских землях в начале XX столетия, что было связано с общей атмосферой ожидания преобразований в религиозной сфере. Именно тогда в правительственной среде наметилась тенденция к рассмотрению возможности проведения преобразований института православной церкви.

По исследуемому вопросу следует выделить коллективный труд отечественных учёных В.В Яновской (Григорьевой), В.В. Завальнюка, В.И. Новицкого и Е.Н. Филатовой «Канфесіі на Беларусі (канец XVIII – XX ст.)» [1]. Главным достижением данной работы стало то, что она активизировала изучение аспектов государственно-конфессиональных отношений в более узком хронолого-тематическом плане.

Проблеме изучения положения Православной церкви в Российском государстве конца XIX – начала XX веков посвящены монографии С.Л. Фирсова [2; 3]. Автор на основе богатого фактографического материала показал ту непростую ситуацию, в которой оказалась «первенствующая» церковь в указанный промежуток времени.

Согласно точке зрения английского исследователя Д.В. Канингема, осознание большинством православного духовенства неканоничности Синодального строя в значительной степени способствовало распространению в его среде убеждения о необходимости созыва Поместного собора [4].

Проблема поиска реформ института православной церкви в конце XIX – начале XX столетий нашла отражение в работах отечественного исследователя Н.М. Кожич [5], российских историков В.А. Фёдорова [6], Д.В. Поспеловского [7; 8] и протоиерея В. Цыпина [9]. Приводимые авторами данные свидетельствуют о наличии вопросов, требовавших неотложного решения в жизни Православной церкви: проведения реформ в области подготовки будущих пастырей, наделения прихода статусом юридического

лица и других. Окончательное решение данных вопросов неукоснительно связывалось с созывом Поместного собора.

Православное духовенство белорусских земель и проблема созыва Поместного собора в начале XX столетия

Особую актуальность вопрос о созыве Поместного собора приобрёл после введения в стране религиозных свобод указом от 17 апреля 1905 г. Хотя ещё 22 марта 1905 г. Синод единогласно высказался за восстановление патриаршества и созыв в Москве для выборов патриарха (каковым предполагалось избрать митрополита Санкт-Петербургского Антония – В. Т.) Всероссийского собора. Сам же Синод должен был стать совещательным органом при патриархе. Собору со стороны духовенства как российских, так и белорусских земель уделялось значительное внимание. И это было не случайно. Священник Е. Спиридович из Полоцкой епархии, увязывая оживление православного духовенства с политическими событиями 1905–1907 гг., отмечал: «Лихолетье церкви заключается в том режиме, который наложила на неё государственная власть», что привело к оскудению духовной жизни, выразившемуся «в равнодушии к вере населения, забитости и приниженности духовенства» [10, с. 266].

Считалось, что для настоящего церковного самоуправления необходимо наличие периодически созываемых церковных соборов с участием представителей клира и мирян. Все вопросы, касающиеся религии, должен был решать Всероссийский церковный собор [11, л. 3–3об.]. Из своей среды для заведования церковными делами на определённый срок он избирал Синод, который, в свою очередь, избирал Первоприсутствующего, являющегося высшим представителем Церкви и подлежащего утверждению в должности монархом. Исходя из постановлений собора, Синод занимался управлением церковными делами. Выбирать патриарха должны были 69 епископов путём выдвижения из своей среды трёх кандидатов, из которых тайным голосованием избирался высший представитель церкви. Своё решение о выборе патриарха Синод представлял императору на утверждение. Патриарху должно было быть предоставлено право свободного общения с царём. В резиденции патриарха после его утверждения в должности собирался Синод, совещательный орган, состоящий из 12 епископов, половину из которых составляли постоянные его члены, а половину временные, выбранные по старшинству. Синоду предполагалось предоставить право суда над патриархом в случае неисполнения им своих функций [12, с. 246–247, 249].

Протоиерей И. Железнякович из Минской епархии призывал духовенство отказаться от личных интересов, а все свои усилия направить на разработку повестки дня будущего собора [13, с. 172], который предпримет решительные действия для оживления церковной жизни [14, с. 38]. Большое значение созыву собора придавало и духовенство Могилёвской епархии, считавшее, что только он может «справедливо почитаться компетентным судьёй» во внутрицерковных вопросах [15, с. 62].

Собрание духовенства и преподавателей духовных учебных заведений города Вильно, состоявшееся 16 ноября 1905 г., пришло к выводу о необходимости освобождения церкви «от стеснительной государственной опеки». Высшим «учредительным и правительственным» органом церковной жизни признавался собор, которому принадлежала законодательная, административная, ревизионная и распорядительная власть. В нём должны были принимать участие представители как духовенства, так и мирян. Исполнительным органом собора являлся бы Синод во главе с патриархом. Соборное начало предполагалось соединить с выборным: при назначении на должность священника епископ должен был действовать «в согласии с клиром и народом». Первый передавал епископу сведения о качествах будущего священника, второй выражал своё мнение. Основу церковной реформы участники собрания видели

в соборности, «пронизывающей всё управление церковью», находящей своё выражение в Поместном соборе, Синоде во главе с патриархом и т.д. [16, с. 393–394, 396].

Идею созыва Поместного собора поддерживали епископы Полоцкий и Витебский Серафим, Минский и Туровский Михаил, Могилёвский и Мстиславский Стефан, Гродненский и Брестский Никанор, а также архиепископ Литовский и Виленский Никандр. Основное внимание при этом они обращали на решение собором важных церковных вопросов (сокращение богослужения, пересмотр взаимоотношений со старообрядцами, разрешение проблемы смешанных браков и другие) [17, с. 73, 143–147, 195–196; 18, с. 328–329]. Предполагалось, что важнейшей задачей собора будет установление «главного церковного правления» [19, с. 2]. На предстоящий Поместный собор возлагали надежды и старообрядцы, ожидавшие от него «разрешения векового спора» с официальной православной церковью [20, с. 1]. Созыв собора приветствовала и либерально настроенная интеллигенция [21, л. 12].

Сменивший 20 октября 1905 г. К.П. Победоносцева на посту обер-прокурора Синода А.Д. Оболенский смог убедить Николая II в необходимости созыва церковного собора. К уступкам царя подталкивало и обострение внутриполитической обстановки в стране. 27 декабря 1905 г. был обнародован правительственный указ об учреждении Предсоборного Присутствия с целью выработки повестки дня для предполагаемого собора. 14 января 1906 г. Синод вынес постановление об учреждении Предсоборного Присутствия для подготовки Поместного собора. 16 января Николай II утвердил состав Присутствия. В него вошли обер-прокурор, его помощник, 10 епископов, 7 священников и 21 профессор духовных академий и университетов. Председателем был назначен столичный митрополит Антоний. Предсоборное Присутствие проработало с 6 марта по 15 декабря 1906 г. Его работа проходила в семи отделах, возглавлявшихся епископами: 1) о составе Поместного собора и порядке рассмотрения и решения дел на соборе церковного управления (архиепископ Херсонский Дмитрий); 2) о разделении Российской империи на церковные округа, о преобразовании местного и центрального церковного управления (архиепископ Литовский Никандр); 3) об организации церковного суда и пересмотре законов о смешанных браках (архиепископ Ярославский Иаков); 4) о благоустроении прихода, о порядке приобретения церковной собственности, об епархиальных съездах (епископ Могилёвский Стефан); 5) о преобразовании духовно-учебных заведений (епископ Псковский Арсений); 6) по делам веры (епископ Волынский Антоний); 7) о мерах к ограждению православной веры от неправых учений и толкований (архиепископ Финляндский Сергий) [22, с. 145–146]. В ходе работы тщательно изучались присланные епископами с мест материалы. На пленарных заседаниях, состоявшихся 5–15 мая 1906 г., были подведены итоги работы Присутствия: высшим церковным органом должен был стать Поместный собор, состоявший из епископов и лиц, уполномоченных архиереями присутствовать на нём с правом решающего голоса. Священники и миряне также избирались на собор, но они обладали только совещательным голосом. Было рекомендовано проводить Поместные соборы один раз в 10 лет, а в промежутке между ними высшая церковная власть должна была принадлежать «малому собору» из 12 епископов и председателя. Предсоборное Присутствие также подготовило итоговый доклад «Об обособлении Церкви от государственных учреждений и определении её полномочий в отношениях с государством». В соответствии с ним верховной государственной инстанцией по церковным делам признавался монарх, с которым согласовывались все решения, имеющие общегосударственное значение. Для общения с царём назначалось полномочное лицо, которое должно было наблюдать за тем, чтобы принимаемые церковными органами постановления не противоречили государственным законам [23, с. 710–719].

Создавалось впечатление, что появилась реальная возможность для проведения кардинальных реформ в сфере государственно-церковных отношений. Однако спад революции 1905–1907 гг. во многом обусловил, что созыв Поместного собора был отложен на неопределённое время. Под влиянием обер-прокурора Синода К.П. Победоносцева выборам патриарха воспротивился Николай II [24, с. 184, 186; 25, с. 277]. Проблема заключалась не в желании или нежелании самодержца, а в политических возможностях государства, переживавшего революцию и, естественно, опасавшегося новых потрясений [2, с. 395, 410]. Против созыва Поместного собора выступал и председатель Совета министров П.А. Столыпин, считавший, что существовавшее положение церкви в государстве не нуждается в каких-либо изменениях и что правительство в своей дальнейшей политике будет строго выдерживать линию на сохранение тесной связи государства и церкви [26, с. 34–35].

Заключение

Таким образом, активизация религиозной жизни в Российской империи (включая и на белорусские земли) в начале XX столетия поставила на повестку дня вопрос о реформировании института православной церкви. Одной из главных составляющих данного вопроса являлась проблема созыва Поместного собора для решения неотложных задач в области преобразования жизнедеятельности Православной церкви. Православное духовенство как российских, так и белорусских земель выступало за неотложный созыв собора, предлагая комплекс мер, которые должны были в конечном итоге способствовать укреплению его позиций. Однако власти, заинтересованные в сохранении статус-кво во взаимоотношениях с православной церковью, не посчитали необходимым изменять их. В результате предложения о созыве Поместного собора остались нереализованными.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Канфесіі на Беларусі (канец XVIII – XX ст.) / навук. рэд. У.І. Навіцкі. – Мінск : ВП «Экаперспектыва», 1998. – 340 с.

2. Фирсов, С.Л. Православная церковь накануне перемен (1890-е гг. – 1918 г.) / С.Л. Фирсов. – М. : Культурный центр «Духовная библиотека», 2002. – 623 с.

3. Фирсов, С.Л. Время в судьбе. О генезисе «сергианства» в русской церковной традиции XX века / С.Л. Фирсов. – СПб. : Сатис, 2005. – 398 с.

4. Канингем, Д.В. С надеждой на собор. Русское религиозное пробуждение начала XX века / Д.В. Канингем; пер. с англ. прот. Георгия Сидоренко. – London : Overseas Publ. Interchange, 1990. – 353 с.

5. Кожич, Н.М. Православие в Беларуси конца XIX – начала XX вв.: идейные установки и формы деятельности : автореф. дис … канд. философ. наук: 09.00.03 / Н.М. Кожич; Гос. науч. уреждение «Ин-т философии Нац. акад. наук Беларуси». – Минск, 2007. – 20 с.

6. Фёдоров, В.А. Русская православная церковь и государство: синодальный период. 1700–1917 гг. / В.А. Фёдоров. – М. : Русская панорама, 2003. – 480 с.

7. Поспеловский, Д.В. Русская православная церковь в XX веке / Д.В. Поспеловский. – М. : Республика, 1995. – 511 с.

8. Поспеловский, Д.В. Церковь в истории Руси, России и СССР / Д.В. Поспеловский. – М. : Библиотеч.-богослов. ин-т св. апостола Андрея, 1996. – 408 с.

9. Цыпин, В. История русской православной церкви: синодальный и новейший периоды / протоиерей В. Цыпин. – М. : Изд-во Сретенского монастыря, 2007. – 816 с.

10. Спиридович, Е. Церковная весна / священник Е. Спиридович // Полоцкие епархиальные ведомости. – 1906. – 1–17 апр. – С. 265–271.

11. Устав Православных духовных академий. Проектное изложение параграфов проекта Устава с указанием мнений большинства и меньшинства членов комиссии, рассматривавшей проект. Всеподданнейшие записки обер-прокурора Святейшего Синода С. Лукьянова «Несколько слов по поводу современного положения Российской православной церкви» и о положении в церковном управлении после ухода с поста обер-прокурора К.П. Победоносцева. Проект письма С. Лукьянова от 12 февраля 1910 г. на имя Преосвященного Саратовского Гермогена о иеромонахе Илиодоре с резолюцией императора 1909–1910 гг. // Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). – Фонд 543. – Оп. 1. – Д. 421.

12. Среди печати // Полоцкие епархиальные ведомости. – 1905. – 3 апр. – С. 245–252.

13. Железнякович, И. К предстоящему Поместному собору русской церкви / протоиерей И. Железнякович // Минские епархиальные ведомости. – 1906. – 1 апр. – С. 171–173.

14. Предстоящий собор и его задачи // Минские епархиальные ведомости. – 1906. – 15 янв. – С. 35–38.

15. Журналы съезда депутатов духовенства Могилёвской губернии. Журнал от 15 июня 1909 г. // Могилёвские епархиальные ведомости. – 1909. – 1 авг. – С. 59–80.

16. Из епархиальной жизни // Литовские епархиальные ведомости. – 1905. – 6 нояб. – С. 389–397.

17. Отзывы епархиальных архиереев по вопросу о церковной реформе // Материалы по истории церкви. Кн. 33 : в 2 ч. – М. : Изд-во Крутицкого подворья. Общ-во любителей церковной истории, 2004. – Ч. 1. – 1031 с.

18. Отзывы епархиальных архиереев по вопросу о церковной реформе // Материалы по истории церкви. Кн. 33 : в 2 ч. – М. : Изд-во Крутицкого подворья. Общ-во любителей церковной истории, 2004. – Ч. 2. –1056 с.

19. О церковном соборе // Витебский голос. – 1906. – 15 янв. – С. 2.

20. Предстоящий собор // Голос старообрядца. – 1906. – 22 янв. – С. 1.

21. Всеподданнейшие записки обер-прокурора Святейшего Синода К.П. Победоносцева: 1) замечание на заметку А. Половцева о необходимости устройства юридического быта крестьянского населения; 2) о болгарской церкви и миропомазании Болгарского княжича Бориса; 3) по поводу письма В. Соловьёва от 23 апреля 1896 г. о веротерпимости с приложением подлинного Всеподданнейшего письма В. Соловьёва; 4) о церковных делах воссоединённых от унии Холмско-Варшавской епархии и о происходившей в ней агитации; 5) по поводу статьи, помещённой в газете «Русский труд» «О вере и церкви»; 6) об униатском деле в Холмском крае; 7) письма из Лондона к К.П. Победоносцеву от именующей себя «принцесса христофора» и приложенная к письму записка «Промемория Византийской партии»; 8) записки по греко-униатскому вопросу; 9) по поводу программы князя Имеретинского по управлению Северо-Западным краем, а также по религиозным вопросам; 10) о денежной реформе; 11) по поводу записки Н. Боголепова и статьи Л. Тихомирова «Общественная роль печати»; 12) о деятельности Клопова; 13) по поводу убийства императрицы Австро-Венгрии, о власти, о народной школе и о воспитании; 14) о критском восстании 1895–1898 гг. // ГАРФ. – Фонд 543. – Оп. 1. – Д. 623.

22. В ожидании Собора // Минские епархиальные ведомости. – 1906. – 15 марта. – С. 141–147.

23. Смолич, И.К. История русской церкви. Кн. 8: 1700–1917 гг. : в 2 ч. / И.К. Смолич. – М. : Изд-во Спасо-Преображ. Валаам. монастыря, 1997. – Ч. 2. – 798 с.

24. Из писем К.П. Победоносцева к Николаю II. (1898–1905 гг.) / подгот. публикации М.Н. Курова // Религии мира: история и современность : ежегодник. – М. : Наука, 1983. – С. 163–192.

25. Ольденбург, С.С. Царствование императора Николая II: в 2 т. / С.С. Ольденбург. – М. : Феникс, 1992. – Т. 1: Самодержавное правление (1894–1904); Переломные годы (1904–1907). – 384 с.

26. П.А. Столыпин: программа реформ : документы и материалы: в 2 т. / под общ. ред. П.А. Пожигайло – М. : РОССПЭН, 2003. – Т. 1. – С. 32–42.

Tabunov V. **The Orthodox Clergy on Belarusian Lands and the Problem of Summoning Local Council in the Early XX Century**

The article deals with the Orthodox clergy's position on Belarusian lands concerning one of the acute issues of the Orthodox Church activities in the early XX century, namely summoning Local Council and solving the most important matters such as election of patriarch, giving parish legal entity status, mutual relations with other Christian denominations and others. In spite of slight differences in solving this matter the clergy of parish were unanimous at one point, namely urgent summoning of Local Council. The Russian Empire authorities being under the influence of social changes of 1905–1907 agreed with the Orthodox clergy's demands and declared their intention to summon the Council in the nearest future. However decline in social tensions and unwillingness of the ruling classes to change relationships with the Orthodox Church finally stipulate the solution postponing of the problem concerning summoning of Local Council.

Рукапіс паступіў у рэдкалегію 04.01.2012

УДК 355.41:94(47).084.6

В.М. Кривчиков

СИСТЕМА ТЫЛОВОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ КРАСНОЙ АРМИИ НАКАНУНЕ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

В статье рассматривается состояние системы тылового обеспечения Красной Армии накануне Великой Отечественной войны. Проанализирована деятельность государственных и военных органов управления по реформированию системы тылового обеспечения войск на основе опыта, полученного тыловыми органами Красной Армии в ходе боевых действий в военных кампаниях 1938–1940 гг. против японских войск у реки Халхин-Гол, на озере Хасан, в советско-финской войне. Освещены вопросы хранения, учета и расходования материально-денежных ценностей в воинских частях. Рассмотрены меры, принятые руководством Красной Армии в конце 1930-х – начале 1940-х гг., по введению новой нормативной базы, что послужило началом серьезных преобразований в организации хранении, учета и расходовании в воинских частях материально-денежных средств. Дается оценка состояния фронтового и оперативного тыла накануне Великой Отечественной войны.

Введение

Система тылового обеспечения Красной Армии в конце 30-х годов XX века приобретает все более централизованный характер. Реорганизация системы снабжения была тесно связана с экономическими и социально-политическими процессами, происходившими в СССР в 1930-е годы, что обусловило усложнение задач, решаемых тылом, и потребовала ее дальнейшего совершенствования. Опыт боевых действий Красной Армии в военных кампаниях 1938–1940 гг. против японских войск у реки Халхин-Гол, на озере Хасан, в советско-финской войне со всей определенностью подтвердил вывод о том, что всестороннее и бесперебойное тыловое обеспечение войск является одним из решающих условий достижения победы над врагом. В статье ставится цель рассмотреть положение дел с тыловым обеспечением Западного Особого военного округа накануне Великой Отечественной войны. Исходя из цели предполагается проанализировать состояние системы тылового обеспечения, степень готовности материально-технических ресурсов интендантских служб Западного Особого военного округа к всестороннему обеспечению войск накануне Великой Отечественной войны.

В советской историографии проблемы тылового обеспечения, и особенно продовольственного и обозно-вещевого снабжения Западного Особого военного округа (далее – ЗапОВО) накануне Великой Отечественной войны, не получили достаточного освещения, несмотря на значительную работу, проделанную в этом направлении советскими, а затем и белорусскими и российскими учеными. Наиболее полно вопросы руководства тылом Красной Армии накануне Великой Отечественной войны были освещены в работах генерала армии А.В. Хрулева (с сентября 1939 г. он возглавлял Управление снабжения Красной Армии, а с июля 1940 года – Главное интендантское управление Красной Армии) [1]. Деятельность руководства Советского государства и Вооруженных Сил по материальному обеспечению Красной Армии исследовалась в коллективной монографии «Тыл Советских Вооруженных Сил в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.» [2].

Научный руководитель – Э.С. Ярмусик, кандидат исторических наук, доцент, декан факультета истории и социологии Гродненского государственного университета имени Я. Купалы

В 60–80-е гг. XX в. было опубликовано большое количество трудов, посвященных истории тыла Красной Армии. Это работы В.А. Анфилова [3], М.А. Гареева [4], И.М. Голушко [5], М.К. Макарцева [6], Н.Д. Попова [7] и др. [8–11]. В них освещаются военно-стратегические планы по подготовке СССР к войне, материальное обеспечение Красной Армии накануне и в ходе Великой Отечественной войны, различные виды тылового обеспечения фронтов и армий в ходе боевых действий. Однако тыловое обеспечение войск рассматривается как единое целое, в совокупности с другими проблемами. Отдельного исследования деятельность тыловых служб не получила.

В 90-е годы XX в. и в начале XXI в. появился ряд публикаций, в которых на основе ранее неизвестных материалов показана работа государственных и военных органов управления по обеспечению войск материально-техническими средствами для подготовки и ведения боевых действий [12–17]. Отдельные аспекты обустройства территории Западного Особого военного округа как будущего театра военных действий рассмотрены в монографии И.А. Басюка [18]. Важные выводы по организации тылового обеспечения войск накануне Великой Отечественной войны содержатся в работах Г.П. Пастуховского [16] и П.И. Вещикова [19]. В последнее десятилетие опубликованы сборники документов и материалов из архивов России и Беларуси, в которых детально рассматриваются военно-политические события предвоенного периода на территории Беларуси [20].

В ходе боевых действий Красной Армии в военных кампаниях 1938–1940 гг. был вскрыт ряд существенных недостатков в организации тылового обеспечения войск. Материальное обеспечение войск в вооруженных конфликтах осуществляли органы тыла, содержавшиеся по штатам мирного времени и имевшие большой некомплект личного состава. Это имело негативные последствия в боевой обстановке, так как приводило к нарушению снабжения частей продовольствием, горючим и другими материальными средствами. Была также вскрыта слабая оперативно-тыловая подготовка высшего командного состава штабов и управлений. Все это требовало принятия неотложных мер, направленных на его совершенствование [5, с. 41].

Анализ архивных документов Российского государственного военного архива позволяет сделать вывод, что на основе боевого опыта, полученного тыловыми органами Красной Армии, государственными и военными органами управления был проделан определенный объем работы по реформированию системы тылового обеспечения войск [21, с. 22–31]. Так, в ходе советско-финской войны обеспечение действующих войск продуктами питания и фуражом осуществлялось продовольственной службой Ленинградского военного округа с подачей грузов за счет централизованных поставок. Продовольствие и фураж со стационарных складов ЛенВО поставлялись на головные продовольственные склады армий (станции снабжения дивизий), а затем автомобильным и гужевым транспортом направлялись в полки и отдельные воинские части. Отрыв действующих армий от железных дорог, необходимость нормального бесперебойного питания войск на фронте потребовали организации большого количества автомобильного транспорта. Свыше 60 тысяч автомобилей курсировали между фронтом и железной дорогой [22, с. 41–42].

Боевая обстановка в сложных климатических условиях вносила свои коррективы в организацию питания воинов. Красноармейцы и командиры общевойсковых соединений и воинских частей испытывали величайшие неудобства и даже трудности в питании. Нередко они довольствовались сухими продуктами, а будучи в отрыве от пунктов питания, в окружении или в других условиях – голодали.

Экипировка войск, в первую очередь стрелковых, как Ленинградского военного округа, так и войск, прибывших из Белорусского Особого военного округа, не соответствовала условиям суровой зимы. Мало было валенок, не хватало полу-

шубков, рукавиц. Старый железный шлем оказался малопригодным для ношения в большие холода, и его его заменили на шапку-ушанку [23, с. 31]. Предприятиями швейной и текстильной отраслей промышленности было изготовлено достаточное количество валенок, полушубков, теплых рукавиц, шапок-ушанок и т.д. Войска, не только находящиеся на фронте, но и подходившие к фронту, в короткий срок были полностью и хорошо экипированы [23, с. 32].

Анализ материального снабжения войск в период советско-финской войны прозвучал в докладе Наркома обороны К.Е. Ворошилова «Уроки войны с Финляндией» на заседании Главного военного совета Красной Армии, состоявшемся в Кремле 14–17 апреля 1940 года. В нем принимали участие как представители высшего командного состава финского фронта, так и командующие округов и армий [23, с. 16]. В частности, К.Е. Ворошилов отметил, что с целью разгрузки бойца от излишнего в походе снаряжения следует пересмотреть его экипировку, определив, что бойцу необходимо носить на себе и что возить в ротном обозе. Выступающими на совете было признано целесообразным в мирное время приучать личный состав войск к условиям, в которых армия будет находиться в военное время. Для этого было рекомендовано не реже одного раза в пятидневку выдавать в рацион бойца сухари и концентраты, которые должны употребляться личным составом в пищу при всех условиях по-походному [22, с. 68–69].

В январе 1941 года комиссией Госконтроля СССР во главе с ее председателем Л.З. Мехлисом было проверено состояние материально-денежных ценностей в некоторых стрелковых дивизиях приграничных округов Красной Армии. Результаты проверки были изложены в письме И.В. Сталину и председателю СНК СССР В.М. Молотову «О результатах проверки хранения, учета и расходования материально-денежных ценностей в 7-ми стрелковых дивизиях и 1-й авиабазе Красной Армии» [22, с. 41–42].

В числе проверенных была 86 стрелковая дивизия (сд) ЗапОВО. В акте было отмечено, что «вещевое и обозно-хозяйственное имущество дивизии находится в хаотическом состоянии. В 169 стрелковом полку (сп) возле второго склада валяется в снегу большое количество имущества 1 и 2 категории: сапог кирзовых – 37 пар, ботинок – 150 пар, рубашек – 283, шаровар – 263 пары… Плащ-палатки 2 147 штук свалены у входа в склад. Пройти в склад можно только по плащ-палаткам. На территории склада 169 сп под открытым небом хранится обозно-вещевое имущество 1 категории: 55 пароконных повозок, 3 походные кухни, 2 кипятильника. Возле них свалены на землю и засыпаны снегом 900 сеток для сена, 350 санитарных носилок 1 категории, 300 недоуздок и др. Учет обозно-вещевого имущества в 86 сд запутан. Никто в дивизии не может сказать сколько и какого имущества имеется по полкам и складам. В 169 сп обнаружена недостача: ткани вафельной – 2 524 м, бумазеи суровой – 1 664 м, рубах нательных – 735, простыней – 2 432, ботинок – 71 пара, плащ-палатки – 212. Хаотическим состоянием учета обозно-вещевого имущества созданы благоприятные условия для хищения. Вещевое имущество НЗ 86 сд хранится в нештатном армейском складе № 1507 в г. Белосток, состоящем от частей на 100 км. Фактическое имущество, заложенное на складе, не соответствует данным дивизии» [22, с. 16–18].

В акте проверки также говорилось, что вследствие преступного хранения приведены в негодность продовольствие и фураж: в 169 сп – 1 900 кг рыбы, 100 кг мяса, 6 000 кг комбикорма; в 383 гаубичном артиллерийском полку (гап) – 527 кг рыбы и 18 кг мяса; в 330 сп – 5,6 тонн сена, 1 490 пищевых концентратов. Проверкой выявлены большие недостачи, излишки и незаконное расходование продовольствия и фуража. Например, в 383 сп недостает 3 0786 кг овса; 169 сп по отчету за 3-й квартал 1940 г.

скрыл 7 619 сутодач продовольствия. В 330 сп отпуск фуража в подразделения производился без взвешивания и без документального оформления, вследствие чего недостача составила 47,6 тонн сена, 13 тонн овса и 20 тонн комбикорма [22, с. 20–21].

По остальным дивизиям ситуация была аналогичная. Проверка выявила серьезные проблемы в содержании и расходовании материальных средств в частях Красной Армии. По результатам проверки Нарком обороны СССР маршал Советского Союза С.К. Тимошенко 12 февраля 1941 г. написал письмо В.М. Молотову, в котором признал, что «…войсковое хозяйство Красной Армии и сейчас находится в исключительно тяжелом положении. Дивизии по нескольку раз за 1939–1940 года меняли дислокацию, что отрицательно сказалось на их хозяйстве» [22, с. 68–69].

В указанном выше письме Нарком обороны СССР С.К. Тимошенко докладывал В.М. Молотову о проделанных по линии Наркомата обороны СССР в истекшем 1940 г. мероприятиях в целях укрепления хозяйства армии [22, с. 72–76]. Руководство Красной Армии в конце 1930-х – начале 1940-х годов введением новых нормативных документов начало серьезные преобразования в организации хранения, учета и расходования материально-денежных средств. Предварительные данные о результатах инвентаризации материальных средств 1940 года показали, что в войсках была начата работа по укреплению войскового хозяйства [22, с. 77]. Однако полностью внедрить разработанную систему не получилось: через полгода началась война.

Серьезное внимание было уделено созданию и размещению запасов материальных средств. Так, например, Экономический совет при СНК СССР 16 января 1941 г. принял постановление № 72-37 сс «О производстве фасованного мяса для закладки в мобилизационный фонд».

Совет одобрил предложение НКО о внедрении для снабжения Красной Армии мороженого мяса, упакованного в специальные коробки из гофрированной бумаги и картона (контейнеры). Он обязал Народный комиссариат мясомолочной промышленности СССР организовать к 1 апреля 1941 г. на мясокомбинатах, в том числе на Минском, Гомельском, Оршанском, цеха для расфасовки мяса [24, с. 1].

На территории БССР Народный комиссариат мясомолочной промышленности СССР имел холодильники в Витебске (на 1 000 тонн), Жлобине (на 250 тонн), Калинковичах (на 15 тонн), Минске (на 1 100 тонн), Могилеве (на 15 тонн), Орше (на 300 тонн), Полоцке (на 200 тонн), Гомеле (на 810 тонн) [25, с. 48].

Накануне войны Совет народных комиссаров СССР разрешил заменить мобилизационный фонд мяса на живой скот. По мнению руководства страны, это позволило уменьшить затраты НКО СССР по хранению мяса. Была поставлена задача заменить на весенне-летний период 1941 г. с 1-го мая до 1-го ноября 1941 г. 15 650 тонн мяса мобфонда на соответствующее количество живого скота на откорме и нагуле. Документ подписал В.М. Молотов.

Для ЗапОВО из 2 224,5 тонн всего мобфонда мяса 1 000 тонн подлежала замене живым скотом. Районами содержания живого скота были определены Украина, Смоленская область и Восточная Беларусь [26, с. 55–56]. Однако с началом Великой Отечественной войны колхозы и совхозы так и не успели поставить указанное количество мяса в действующую армию.

Материальные потребности войск в наступательных и оборонительных операциях, размеры запасов материальных средств, подлежащих накоплению во фронтах и армиях, а также порядок их размещения определялись в предвоенные годы условиями хранения и возможностью транспортных средств по их подвозу (таблица 1).

Таблица 1 – Размеры запасов материальных средств в войсковом и оперативном тылу (по довоенным нормам) [11, с. 26]

Виды запасов, их эшелонирование и принадлежность	Материальные средства		
	Боеприпасы, *боекомплекты*	Горючее, *заправки*	Продовольствие, *сутодачи*
I. Подвижные (в войсках):			
1. Стрелковая (кавалерийская) дивизия	1,5	3	5
2. Танковая (моторизованная) дивизия	2,0	2,5	5
II. Переходящие (расходные)			
1. На армейских складах:			
а) в наступлении	0,75–1,5	до 2,0	до 2-5
б) в обороне	0,75–1,0	до 1,0	3-4
2. На фронтовых складах	8–10	до 10	до 30

На фронтовых складах предусматривалось содержать значительные запасы материальных средств: до 8–10 боекомплектов боеприпасов, 10 заправок горючего, 30 сутодач продовольствия и зернового фуража.

Количество частей и учреждений материального обеспечения в армиях и во фронтах не было постоянным, а устанавливалось в зависимости от боевого состава, выполняемых задач и объема работ. Все армейские и фронтовые склады были стационарного или полустационарного типа, управлять которыми в быстроменяющейся обстановке, учитывая их большое количество, было чрезвычайно трудно. Западный фронт в августе 1941 г. вместе с армиями имел более 80 различных складов. Таким же громоздким оказался и армейский тыл: некоторые армии имели до 25 складов и большое количество других тыловых частей и учреждений [11, с. 26].

По довоенным стандартам, фронтовой тыл предполагалось иметь стабильным, со стационарными складами, базами, медицинскими, ремонтными и другими частями и учреждениями, развернутыми в районах железнодорожных станций на глубину до 500 км. В таком тыловом районе развертывались армейская распорядительная станция (основная станция снабжения армии) и станции снабжения для армейских корпусов. В районе станций снабжения размещалось до 20–25 армейских складов по всем видам снабжения. Большое количество во фронтах и армиях складов, баз и других стационарных учреждений привязывало тыл к железным дорогам, делало его очень громоздким, неспособным гибко маневрировать силами и средствами, своевременно перемещаться за войсками и оказывать им необходимую материально-техническую помощь. Положение осложнялось и тем, что мобилизационное развертывание оперативного тыла планировалось во вторую очередь, после отмобилизования боевых соединений и частей. Сроки мобилизационного развертывания тыла были неоправданно растянуты: армейского – до 7 суток, фронтового – до 15. При крайне ограниченных возможностях войскового тыла (даже в кадровых соединениях и частях тыл был укомплектован всего на 20–25 %) это неизбежно должно было отрицательно сказаться на тыловом обеспечении войск.

При определении глубины тыловых районов фронтов и армий, а также при размещении складов и других стационарных учреждений тыла в предвоенные годы считалось, что их следует рассредоточивать в глубине тыла, чтобы уменьшить эффективность воздействия авиации противника. Поэтому глубина тыловых районов фронтов

составляла 400–500 км, а в армиях (вместе с войсковым районом) – 125–250 км. Общая глубина войскового и оперативного тыла могла достигать 700 км и более (таблица 2).

Таблица 2 – Изменение глубины тыловых районов в ходе войны [11, с. 30]

Периоды	Глубина тылового района, км			
	фронта	армии	соединения	общая
По довоенным нормам	до 500	75–175	50–75	650–750
В годы войны (проекты положений по фронтовому и армейскому тылу)	150–250	75–100	20	200–370
В годы войны (по опыту важнейших операций):				
I. В обороне	180–250	100–150	30	310–400
II. В наступлении:				
1. При подготовке операций	150–250	50–100	15–20	215–370
2. В ходе операций	200–300	150–200	–	350–500

Однако практика первых же боевых операций показала, что при такой глубине тыловых районов и большом удалении тыла от боевых частей не обеспечивалась бесперебойность снабжения войск. Поэтому в оперативном тылу проявилась тенденция к сокращению глубины тыловых районов и приближению сил и средств тыла к войскам. В результате тыловые части и учреждения получили возможность больше времени работать на одном месте, а не тратить его на частые перемещения. К тому же сокращалось расстояние подвоза и эвакуации и, следовательно, потребность в транспорте. Уменьшался объем работ по дорожному обеспечению, меньше требовалось сил и средств для прикрытия коммуникаций и охраны тыла, улучшилась связь с тыловыми частями и учреждениями. Все это способствовало созданию более устойчивой системы тылового обеспечения армии и фронта [11, с. 30–31].

Перед оперативным тылом в мирное время ни теоретически, ни практически не ставились задачи обеспечения войск в ходе боевых действий начального периода. Считалось, что началу войны будет предшествовать угрожаемый период (или особый период в ее начале), в ходе которого и будет планомерно развертываться фронтовой и армейский тыл [8, с. 51]. Это предположение, как известно, не оправдалось. Соединения, части и учреждения пришлось отмобилизовывать и развертывать в ходе внезапно начавшихся военных действий [27, с. 18].

К началу войны были подробно разработаны теоретические положения по вопросу тылового обеспечения в войсковом и армейском звеньях. Вопросы же организации и работы фронтового тыла освещены были слабо. Изданные теоретические руководства не совсем правильно характеризовали и само понятие «тыл». При разработке вопросов теории тылового обеспечения войск учитывался опыт работы служб снабжения во время боевых действий 1936–1940 гг. На этой основе был разработан и в 1941 г. издан проект Устава тыла РККА (часть 1 – «Войсковой и армейский тыл»). В этот же период вышли в свет и другие важные наставления и инструкции по работе тыла, в частности, «Наставление по военным дорогам», «Наставление по работе грунтового участка воен-

ной дороги» и другие [19, с. 94]. Войсковому тылу давалось следующее определение: «Войсковым тылом называется территория, ограниченная с фронта боевой линией войск и с тыла границей, отделяющей ее от армейского тыла». В данном случае речь шла только о территории, при этом «силы и средства по материально-техническому и медицинскому обеспечению войск» в это понятие не включались.

Управление тылом сосредоточивалось в общевойсковых штабах. Считалось, что только штаб, являясь органом управления командира (командующего), мог правильно сочетать управление войсками и тылом, подчинить организацию и работу служб снабжения интересам обеспечения соединений и частей в условиях маневренных операций и боя. Начальники штабов персонально отвечали за организацию и работу тыла, при этом за своевременное обеспечение войск материально-техническими средствами несли ответственность начальники служб. Начальники штабов фронта, армии и дивизии имели штатных заместителей по тылу, в полку – помощника по тылу. Предусматривалось, что заместитель (помощник) начальника штаба по тылу должен был направлять деятельность начальников служб по обеспечению и обслуживанию войск [5, с. 37].

Однако накануне Великой Отечественной войны Красная Армия не имела единой стройной системы тылового обеспечения. Довольствующие органы были разобщены. Так, управления устройства тыла и снабжения, военных сообщений и снабжения горючим входили в состав Генерального штаба. Заместитель наркома обороны Маршал Советского Союза С.М. Буденный руководил работой управлений: продовольственного, вещевого, обозно-хозяйственного снабжения и квартирного довольствия, санитарного, ветеринарного управлений и отделом материальных фондов [18, с. 112].

Заключение

Допущенные в подготовке тыла просчеты убедительно показали, что минимально необходимое количество частей и учреждений армейского и фронтового тыла следует готовить к войне еще в мирное время. Их состав, техническое оснащение и степень боевой готовности должны полностью соответствовать боевым задачам обеспечиваемых группировок войск. По своей подвижности, маневренности и производительности они должны быть способны немедленно развернуться и приступить к бесперебойному обеспечению войск. Органы управления оперативным тылом обязаны обеспечить эффективное использование этих частей и учреждений с первых же дней боевых действий.

Одной из важных задач заблаговременной подготовки оперативного тыла является тщательная разработка научно обоснованной теории тылового обеспечения войск в операциях начального периода войны, которая должна исходить из коренных качественных изменений в вооружении и техническом оснащении войск, из наиболее сложных вариантов возможного развязывания войны агрессором и ведения фронтами напряженных оборонительных операций по отражению вторжения противника с последующим переходом в решительное контрнаступление. Поэтому все основные вопросы подготовки и построения оперативного тыла должны решаться комплексно, чтобы при переходе войск от обороны к контрнаступлению не требовалось проводить крупных перегруппировок его сил и средств по направлениям и рубежам действий войск. Это может быть достигнуто путем более глубокого (на всю глубину оперативного построения группировок войск) и рассредоточенного размещения баз и складов с запасами материальных средств, подготовки разветвленной и устойчивой сети путей сообщения, а также за счет дальнейшего повышения подвижности автомобильных, дорожных, железнодорожных, медицинских, ремонтных и других тыловых частей и учреждений. Их организационную структуру и техническую оснащенность следует максимально приблизить к потребностям военного времени [16, с. 27].

Великая Отечественная война дала поучительный урок по всем вопросам подготовки и организации управления тылом. Децентрализованные и слабо подготовленные органы управления не смогли обеспечить твердого руководства тыловым обеспечением войск в сложной и быстро меняющейся обстановке. Четко стала прослеживаться тенденция в увеличении потребности войск в материальных средствах и расширении номенклатуры предметов снабжения. Неудачи советских войск в начальный период войны показали, что в предвоенный период в военном строительстве приоритет принадлежал боевому компоненту вооруженных сил. Комплектование частей и учреждений тыла личным составом и техникой осуществлялось по остаточному принципу. Техническая оснащенность служб и войск тыла значительно отставала от технической вооруженности обеспечиваемых ими частей.

Централизованную и устойчивую систему управления тылом надо готовить заблаговременно, в мирное время, постоянно ее укреплять и совершенствовать с таким расчетом, чтобы она была способна немедленно взять управление на себя и оперативно руководить всеми тыловыми службами, войсками и учреждениями тыла при любом варианте развязывания войны агрессором. Ни времени, ни возможностей для ее перестройки и переподготовки в начальный период современной войны не будет.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Хрулев, А.В. Становление стратегического тыла в Великой Отечественной войне / А.В. Хрулев // Воен.-истор. журнал. – 1961. – № 6. – С. 10–16.

2. Тыл Советских Вооруженных Сил в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. / Под ред. С.К. Куркоткина. – М. : Воениздат, 1977. – 559 с.

3. Анфилов, В.А. Бессмертный подвиг (исследование кануна и первого этапа Великой Отечественной войны) / В.А. Анфилов. – М. : Наука, 1971. – 544 с.

4. Гареев, М.А. Творческий характер советской военной науки в Великой Отечественной войне / М.А. Гареев // Воен.-истор. журнал. – 1985. – № 7. – С. 22–30.

5. Голушко, И.М. Из опыта работы штаба тыла Советской Армии в годы Великой Отечественной войны / И.М. Голушко // Воен.-истор. журнал. – 1985. – № 10. – С. 37–44.

6. Макарцев, М.К. Совершенствование организации железнодорожных войск в годы Великой Отечественной войны / М.К. Макарцев // Воен.-истор. журнал. – 1985. – № 9. – С. 80–85.

7. Попов, Н.Д. Оперативные перевозки войск по опыту операций первого периода войны / Н.Д. Попов // Воен.-истор. журнал. – 1985. – № 11. – С. 67–72.

8. Воробьев, Ф.Д. Победы Советских Вооруженных Сил в Великой Отечественной войне 1941–1945 (краткий очерк) / Ф.Д. Воробьев, В.М. Кравцов. – М. : Воениздат, 1953. – 432 с.

9. Еременко, А.И. В начале войны /А.И. Еременко – М. : Наука, 1964. – 512 с.

10. Жуков, Г.К. Воспоминания и размышления : в 2 т. / Г.К. Жуков. – М. : АПН, 1978. – Т. 1.

11. Малюгин, Н.А. Совершенствование оперативного тыла / Н.А. Малюгин // Воен.-истор. журнал. – 1985. – № 6. – С. 26–32.

12. Иоффе, Э. Накануне / Э. Иоффе // Белорус. воен. газета. – 2008. – 12 янв. – С. 7.

13. Каваленя, А.А. Беларусь напярэдадні і ў гады Другой сусветнай і Вялікай Айчыннай войн / А.А. Каваленя, І.А. Саракавік; пад рэд. А.А. Кавалені. – Мінск : Беларусь, 2008. – 271 с.

14. Малашэвіч, Я.В. Беларусь у Вялікай Айчыннай вайне : Дзень за днём (ілюстраванная храналогія) : (Да 60-годдзя вызвалення Беларусі) / Я.В. Малашэвіч. – Мінск : Беларусь, 2004. – 231 с.

15. Мальцев, Л.С. Великая Отечественная война: уроки истории и современность / Л.С. Мальцев // Беларусь сегодня. – 2009. – 9 июня. – С. 6–7.

16. Пастуховский, Г.П. Развертывание оперативного тыла в начальный период войны / Г.П. Пастуховский // Воен.-истор. журнал. – 1988. – № 6. – С. 18–27.

17. Семидетко, В. Западный фронт в начальный период Великой Отечественной войны / В. Семидетко // Белорус. воен. газета. – 2008. – 21 июня. – С. 7.

18. Басюк, І.А. Пачатковы перыяд Вяликай Айчыннай вайны на тэрыторыі Беларусі : манаграфія / І.А. Басюк. – Гродна : ГрДУ імя Янкі Купалы, 2003. – 238 с.

19. Вещиков, П.И. Военное хозяйство – Тыл Вооруженных Сил России (XVIII–XX вв.) / П.И. Вещиков. – М., 2003. – 460 с.

20. Накануне. Западный особый военный округ (конец 1939 г. – 1941 г.). Документы и материалы / В.И. Адамушко [и др.]: под общ. ред. В.И. Адамушко. – Минск : НАРБ, 2007. – 620 с.

21. Отчеты и доклады начальников управлений Округа о работе тыла ВВС Белорусского фронта в период военных действий по освобождению Западной Белоруссии // Российский государственный военный архив (РГВА). – Фонд. 25874. – Оп. 9. – Д. 2.

22. Проект постановления ЦК ВКП(б), записки, приказы, телеграммы НК обороны СССР, НК госконтроля и НКПС СССР о сокращении программы Всеобуча для допризывников и военнослужащих запаса; о приговоре Верховного Суда СССР по делу генерала армии Павлова и др.; о расходах на содержание армии на январь 1941 г.; о ревизии ряда войсковых соединений Красной Армии // Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). – Фонд 82. – Оп. 2. – Д. 803.

23. Доклад Наркома обороны Союза ССР К.Е. Ворошилова «Уроки войны с Финляндией» и материалы к нему // РГАСПИ – Фонд 74. – Оп. 2. – Д. 121.

24. О производстве фасованного мяса для закладки в мобилизационный фонд // Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). – Фонд Р-8006. – Оп. 1. – Д. 35.

25. Справки по холодильникам и складам // ГАРФ – Фонд Р-8006. – Оп. 1. – Д. 36.

26. О разбронировании моббфондов продтоваров (бакалеи) // ГАРФ – Фонд Р-8006. – Оп. 1. – Д.40.

27. Евсеев, А.И. Маневр стратегическими резервами в первом периоде Великой Отечественной войны / А.И. Евсеев // Воен.-истор. Журнал. – 1986. – № 3. – С. 9–20.

Krivchikov V. **Logistics System of the Red Army on the eve of the Griat Patriotic War**

The condition of the system of rear provision of the Red Army on the eve of the Great Patriotic War is considered in the article. The activity of state and military management bodies to reform the system of rear provision of the army on the basis of the experience got by rear bodies of the Red Army in the course of fighting actions in war campaign of 1938–1940 against Japanese armies on the river Hahin-Gol, on the lake Hasan, in the Soviet-Finnish war is analyzed. The questions of storage, record and expenditure of material-monetary values in military units are highlighted. The measures taken by the authorities of the Red Army at the end 1930 – the beginning of 1940 to introduce new legislative base that resulted in the beginning of serious transformations in the organizations of storage record and expenditure of material-monetary values in military units are shown. The evaluation of the condition of front and operative rear on the eve of the Great Patriotic War is given.

Рукапіс паступіў у рэдкалегію 15.02.2011

УДК [94(476) + 94:378.147.091.313(476)(091)] «198/199»

В.С. Глинка

ОРГАНИЗАЦИЯ САМОСТОЯТЕЛЬНОЙ РАБОТЫ СТУДЕНТОВ В СИСТЕМЕ ИСТОРИЧЕСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ ВЫСШЕЙ ШКОЛЫ БЕЛАРУСИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ 1980-х–НАЧАЛЕ 1990-х гг.

В статье на примере исторических факультетов белорусских вузов даётся характеристика основных мероприятий по улучшению организации и проведения самостоятельной работы студентов в системе исторического образования высшей школы во второй половине 1980-х–начале 1990-х гг.: сокращение обязательных аудиторных занятий, руководство, контроль, методическая помощь со стороны преподавателей. Проанализированы проблемы, препятствовавшие качественному совершенствованию самостоятельной работы: недостаточное количество учебников, хрестоматий, методических пособий; нехватка учебных площадей; неумение студентов, особенно I–II курсов, самостоятельно работать; право свободного посещения занятий студентами. Обращается внимание на то, что в рассматриваемый период имело место критическое переосмысление ряда подходов ко многим событиям прошлого, вводились в научный оборот исторические факты, ранее недоступные для исследователей. В связи с этим автор разделяет позицию ряда преподавателей, считавших необоснованным в то время чрезмерное сокращение лекционных курсов в системе высшего исторического образования.

Введение

В наши дни образование всё больше и больше становится тем фундаментом, который обеспечивает высокое состояние духовности и нравственности общества, подъём производства, науки и культуры. Для дальнейшего развития Беларуси, в которой интеллектуальный ресурс является основным источником социально-экономического прогресса, совершенствование и всестороннее развитие образования имеет большое значение. В настоящее время развитие общества достигло такой стадии, когда в период обучения в вузе студенты не могут получить абсолютно все знания и умения, которые пригодятся им на протяжении их будущей профессиональной деятельности: уже не вызывает сомнений тот факт, что сейчас невозможно научить студента всему и навсегда. Поэтому большую актуальность приобрела проблема развития у студентов умения самостоятельно в течение всей жизни учиться, пополнять свой багаж знаний.

Не может оставаться в стороне от решения этого вопроса и система исторического образования высшей школы. В этой связи большую ценность представляет опыт работы по данному направлению, имевший место во второй половине 1980-х – начале 1990-х гг. В то время организации и проведению самостоятельной работы студентов в рамках перестройки всей системы высшего образования стало уделяться большое внимание. В данной статье на примере исторических факультетов Белорусского и Гродненского государственных университетов, Минского и Могилёвского государственных педагогических институтов впервые комплексно исследуются как процесс внедрения самостоятельной работы в учебный процесс, так и проблемы, с которыми пришлось столкнуться в ходе его воплощения в жизнь.

Основные мероприятия по повышению роли самостоятельной работы студентов в учебном процессе системы исторического образования

Во второй половине 1980-х гг. ЦК КПСС и Совет Министров СССР в числе негативных явлений в учебном процессе высшей школы выделили то обстоятельство, что упор делался на расширение объёма изучаемого материала, которое приводило к перегрузке, наносило ущерб развитию навыков самостоятельного творческого мышления. В связи с этим следовало уменьшить количество обязательных аудиторных занятий, со-

вершенствовать организацию самостоятельной работы, обеспечив методическую помощь и контроль со стороны преподавателей [21, с. 419–420, 426]. Также с этой целью высшие партийные и государственные органы потребовали принять меры по более полному обеспечению студентов учебной литературой и созданию высококачественных учебников и учебных пособий для высших учебных заведений, отвечавших современным требованиям [22, с. 461]. Наряду с этими указаниями начало активному внедрению в учебный процесс высшей школы самостоятельной работы студентов положил приказ Министра высшего и среднего специального образования СССР № 660 от 22 сентября 1986 г. «О развитии инициативы научно-педагогических коллективов вузов, расширении их прав в осуществлении перестройки учебного процесса» [4, л. 43–47].

На историческом факультете Белорусского государственного университета переход на новый рабочий план произошёл со 2-го семестра 1986/87 учебного года. Рабочая неделя была сокращена до 30 часов, причём меньше стало профилирующих дисциплин, а не общественных, что лишний раз свидетельствовало о важности, которая, как и ранее, придавалась идеологической подготовке в высшей школе. Студентам был предоставлен один день для самостоятельной работы. Аудиторная нагрузка уменьшилась на 20 % в основном за счёт лекционных занятий [10, л. 75, 128]. Также за счёт сокращения числа лекций было увеличено количество практических занятий [11, л. 216].

С 1 сентября 1987 г. исторический факультет Минского государственного педагогического института полностью перешёл на 28–32 часовую неделю, а для студентов всех курсов был предоставлен один день в неделю для самостоятельной работы. Было снято 15 % учебных часов с лекционных курсов [17, л. 11, 31, 64]. Следует отметить, что значительная часть преподавателей исторических кафедр была недовольна тем, что сокращение лекционных занятий происходило за счёт фундаментальных курсов, которые имели основополагающее значение в деле формирования специалиста-историка, а такие дисциплины, как охрана природы, медподготовка, физическая культура, сохранялись в прежнем объёме [17, л. 65–66].

В 1987/88 учебном году на кафедре всеобщей истории Минского пединститута по каждому лекционному курсу был определён объём сокращения лекций: конкретно были указаны количество часов по каждой теме, а также темы, рекомендуемые для самостоятельного изучения студентами [17, л. 31]. Помимо этого, была разработана и издана серия методических указаний по спецсеминарам «Культура Возрождения», «Парижская Коммуна», «Коммунистическая партия Германии в борьбе против реакции и фашизма в 1924–1932 гг.» и др. [17, л. 126–127].

На кафедре истории БССР и методики преподавания истории и обществоведения Минского пединститута по всем предметам были определены темы для самостоятельного изучения и указана литература к ним. Например, в курсе вспомогательных исторических дисциплин на самостоятельное изучение был вынесен раздел «Метрология», формой контроля становился коллоквиум. Заслуживает внимания опыт кафедры истории СССР досоветского периода БГУ. В связи с уменьшением количества часов на лекционные курсы имел место рациональный подход к применению ЭВМ. Темы, включённые в автоматизированные учебные курсы, не читались на лекциях: их предлагалось усвоить студентам самостоятельно с помощью специальных обучающих систем [13, л. 39]. Тем самым удалось избежать дублирования одного и того же материала.

На кафедре истории СССР Могилёвского педагогического института в 1987/88 учебном году с целью контроля самостоятельной работы студентов проводилась межсессионная аттестация. Она предусматривала различные формы: контрольные работы, коллоквиумы, тематические зачёты, собеседования по отдельным темам. Особое внимание при этом уделялось студентам I курса: на первых практических занятиях преподаватели давали им рекомендации по организации самостоятельной работы, а затем

систематически контролировали её. Была расширена практика подготовки студентами рефератов, докладов, сообщений, обзоров статей. Заслуживает внимания и тот факт, что индивидуальная работа со студентами носила дифференцированный характер: слабоуспевающие и сильные студенты получали разные задания [5, л. 142]. Такой подход был продолжен и в дальнейшем. Например, в 1989/90 учебном году хорошо успевающих студентов II курса освобождали от экзамена по истории СССР, вместо него им давали индивидуальные задания более сложного характера [6, л. 26].

На историческом факультете Гродненского государственного университета также имело место привитие студентам навыков самостоятельной работы. В 1986/87 учебном году на кафедре всеобщей истории был составлен «График контроля за всеми видами самостоятельной работы студентов», включавший в себя организацию коллоквиумов, проверку рефератов и конспектов монографической литературы и первоисточников, проведение консультаций малыми группами, контрольных работ [1, л. 145–146]. В помощь студентам кафедра истории БССР разработала памятки «О самостоятельной работе студента на семинарском занятии», «Методические рекомендации в связи с чтением проблемной лекции» [1, л. 151]. В 1988/89 учебном году в кабинете истории БССР к каждому очередному семинару (по дисциплинам кафедры) организовывались выставки источников и литературы [2, л. 36]. В том же 1988/89 учебном году уже прочно утвердилась такая форма контроля преподавателями самостоятельной работы, как отработка студентами пропущенных занятий или неподготовленных тем [2, л. 68].

Проблемы, препятствовавшие повышению качественного уровня самостоятельной работы студентов

25 ноября 1986 г. на заседании совета исторического факультета Белорусского государственного университета были выделены факторы, снижавшие эффективность самостоятельной работы: отсутствие учебников и хрестоматий по ряду курсов (ЭВМ и программирование, история древнего мира и средних веков, историография истории СССР эпохи социализма и др.); отсутствие учебников по истории и обществоведению для учащихся средних школ и соответствующих программ, необходимых для успешного прохождения педпрактики; недостаток методических пособий, их невысокий научный уровень и слабая информированность студентов об их наличии; ограниченность учебной площади [10, л. 41]. Проблему обеспечения учебниками полностью решить не удавалось. В 1988 г. библиотека БГУ по-прежнему располагала литературой по отдельным учебным дисциплинам, преподаваемым на отделении истории, в малом количестве [12, л. 55].

Сходные проблемы испытывал и исторический факультет Минского пединститута: там также не хватало учебных площадей и учебной литературы. Поэтому в ноябре 1986 г. совет факультета совершенно справедливо полагал, что перестройка учебного процесса на факультете должна была осуществляться поэтапно, начиная с I курса, и развёртываться по мере создания необходимых условий для замены лекционных занятий различными видами индивидуальной и групповой работы со студентами [16, л. 48].

В октябре 1987 г. на историческом факультете Минского педагогического института был выделен ряд нерешённых проблем, препятствовавших организации и проведению самостоятельной работы студентов. Одной из них был вопрос о руководстве учебно-методической работой студентов со стороны преподавателей: сколько преподавателей могли вести эту работу, кого из студентов вызывать, где проводить эти занятия. Имела место и проблема проведения консультаций: в связи с ограниченной учебной площадью проводить их было попросту негде. Оставался открытым и вопрос о методическом обеспечении самостоятельной работы студентов [17, л. 34]. В дальнейшем значительного улучшения ситуации не произошло: в феврале 1991 г. самостоятельная работа студентов, как и раньше, не была обеспечена необходимым количеством учебно-

методических материалов [19, л. 77]. Многие преподаватели готовы были издать свои лекции, но для этого не было технических возможностей [19, л. 78]. В апреле 1991 г. проблема нехватки аудиторий и научной литературы была отмечена и на историческом факультете Могилёвского пединститута [7, л. 33].

Не были определены и количественные нормы занятости студентов самостоятельной работой: вузы не располагали для этого установленными нормативами. Однако каждая кафедра исторического факультета Минского пединститута стремилась дать студентам для выполнения различные виды самостоятельной работы: были случаи, когда студенты оказывались перегружены [17, л. 33]. На аналогичные проблемы в феврале 1987 г. обращалось внимание и в Гродненском университете: все кафедры исторического факультета старались доказать, что их предметы сокращать нельзя; также не было согласованности не только по кафедрам, но и внутри кафедр в объёме заданий [1, л. 85].

Невозможно обойти вниманием и тот факт, что не все студенты рационально использовали время, предоставленное им для самостоятельной работы. Так, в 1986/87 учебном году опрос студентов IV курса отделения истории БГУ показал, что 31 % респондентов использовали день самостоятельной подготовки для решения личных вопросов, компенсируя это впоследствии активизацией процесса ежедневной подготовки к занятиям во все последующие дни [10, л. 122]. Во многом это было вызвано неумением многих студентов заниматься самостоятельной работой на высоком качественном уровне, а также нежеланием части студентов усердно и целеустремлённо трудиться. В октябре 1988 г. подобная ситуация была проанализирована советом исторического факультета Минского пединститута. Поводом для обсуждения стало фактически навязанное сверху привычным в то время административно-приказным методом решение о введении дня самостоятельной подготовки на I и II курсах, на которых он, как было сказано на заседании, стал дополнительным выходным [18, л. 57]. Данное новшество было подвергнуто вполне обоснованной критике. В частности, отмечалось, что прежде, чем отдать студентам на откуп учебное время, их следовало обучить его использовать, привить им элементарные навыки самостоятельной работы и потребность в ней. Ведь у студентов младших курсов ещё не было достаточного опыта работы с учебной, методической, справочной литературой, они не владели умением вести конспект, отбирать необходимый материал. Помимо этого, студенты ещё не были психологически подготовлены к смене стиля, характера учёбы, к отсутствию ежедневного контроля [18, л. 57].

Не способствовало повышению качества учебного процесса в целом и процессу организации самостоятельной работы в частности, то обстоятельство, что далеко не все студенты проявляли ответственность в вопросе посещения занятий. В 1985/86 учубном году проверки на историческом факультете БГУ выявляли, как правило, 7–10 человек, отсутствовавших на всех курсах, причём старосты в журналах их не отмечали [9, л. 60]. За первый семестр 1986/87 учебного года студентами исторического факультета Минского педагогического института было пропущено по неуважительной причине 3 472 часа учебных занятий [16, л. 123].

В этих условиях трудно было рассчитывать на ответственное и качественное отношение к самостоятельной работе со стороны всех студентов. Однако, несмотря на данные проблемы, на рубеже 1980–1990-х гг. действовало право свободного посещения занятий студентами. На историческом факультете БГУ постарались более ответственно подойти к решению этого вопроса: 28 октября 1988 г. совет факультета принял соответствующее постановление, согласно которому претенденты на получение права свободного посещения должны были учиться только на «хорошо» и «отлично» (25 % хороших оценок) и заниматься общественной работой. Возможность свободного посещения предоставлялась студентам начиная с III курса. За месяц до сессии студент должен был пройти собеседование с преподавателем и показать результаты самостоятельной

работы. Право свободного посещения не распространялось на коллоквиумы, семинары и давалось на один семестр [13, л. 13].

Однако ещё в мае 1987 г. доцент БГУ В.Н. Сидорцов высказал опасение, что свободное посещение «может превратиться в свободное непосещение лекций со стороны определённой части студентов» [10, л. 123]. И действительно, в 1989/90 учебном году посещаемость лекций составила 30 %, причём самовольно пропускались и практические занятия [14, л. 79]. Поэтому на историческом факультете БГУ неоднократно звучали призывы об усилении контроля над самостоятельной работой студентов, а также об ограничении или полном отказе от свободного посещения. В частности, данную позицию активно отстаивал профессор Л.М. Шнеерсон [11, л. 141; 15, л. 68].

Недовольство по поводу разрешения студентам свободного посещения занятий высказывалось на всех исторических факультетах в белорусских вузах. Так, 17 ноября 1989 г. старший преподаватель Гродненского государственного университета Э.С. Ярмусик заявил следующее: «У наших студентов, к сожалению, ещё не так высоко развито сознание, чтобы они использовали своё появившееся свободное время для углубления знаний» [3, л. 20]. В сентябре 1991 г. заведующий кафедрой истории СССР Могилёвского пединститута В.Л. Морозевич по этому поводу высказался следующим образом: «Нельзя было вводить свободное посещение лекций. Дисциплина студентов ослабла. Необходимо обновлять само содержание обучения» [8, л. 1].

В 1988/89 учебном году на историческом факультете Минского педагогического института по результатам зимней экзаменационной сессии 75 студентов имели задолженности. Как показал анализ данного вопроса, сделанный старшим преподавателем Я.Н. Марголиным, это были в основном студенты, пропускавшие занятия во время семестра. По его мнению, навязывая преподавателям дискуссию о свободном посещении, они лишь камуфлировали своё нежелание работать [18, л. 136].

На рубеже 1980–1990-х гг. посещение занятий студентами исторических факультетов было очень важно ещё и потому, что качественные знания по многим разделам и темам в тот период времени они не могли получить самостоятельно. В то время имело место критическое переосмысление ряда позиций, концепций, подходов ко многим событиям прошлого, вводились в широкий научный оборот исторические факты, ранее недоступные для исследователей. Поэтому преподаватели постоянно осуществляли пересмотр содержания лекционных курсов. В этой связи вполне обоснованной выглядит критическое отношение ряда преподавателей к вопросу о сокращении лекционных курсов. Ещё в феврале 1987 г. доцент Гродненского университета Т.А. Бадюкова констатировала, что сокращение лекций не дало доброкачественного заменителя, так как отставали учебники [1, л. 85]. В ноябре 1991 г. чёткий и объективный комментарий по этому поводу дал заведующий кафедрой всеобщей истории Минского педагогического института Р.А. Чикалов: «Институт свободного посещения себя не оправдал. Сегодня трудная ситуация с учебниками. Они устарели, новых ещё нет, поэтому для получения знаний просто необходимо посещать лекции» [20, л. 28].

В ходе обсуждения вопроса о свободном посещении на совете исторического факультета БГУ в 1990/91 учубном году выявилась своеобразная закономерность: хорошо успевавшие студенты присутствовали и на лекциях, и на семинарах, а не посещавшие занятия учились на «удовлетворительно» [15, л. 67]. На этом основании можно утверждать, что в результате увеличения роли самостоятельной работы в учебном процессе у студентов стало больше возможностей повысить успеваемость и качество знаний, умений и навыков. Однако этим воспользовались не все студенты, а только те из них, которые обладали высокими интеллектуальными качествами, а также трудолюбием и целеустремлённостью в овладении учебным материалом.

Заключение

Опыт организации и проведения во второй половине 1980-х – начале 1990-х гг. самостоятельной работы студентов в системе исторического образования высшей школы Беларуси позволяет сделать вывод прежде всего о том, что для успеха того или иного преобразования необходимо учитывать все составляющие его элементы. Что касается непосредственно самостоятельной работы, то сюда входят и учебно-методическое обеспечение, и наличие достаточного количества литературы, и контроль со стороны преподавателей, и уровень подготовки студентов к такому роду деятельности, и целый ряд других компонентов. Нельзя не согласиться с заведующим кафедрой истории БССР и методики преподавания истории и обществоведения Минского государственного педагогического института А.М. Лютым, который заметил в декабре 1987 г., что не стоит спешить с перестройкой там, где нет соответствующих условий [17, л. 67]. Его коллега, доцент кафедры истории СССР А.А. Василевский, прокомментировал ситуацию следующим образом: были лишь общие призывы, публицистические статьи, но не было соответствующих планов, учебников, литературы [17, л. 67].

В то же время нельзя не отметить и положительный опыт организации самостоятельной работы, когда преподаватели избегали дублирования учебного материала в разных дисциплинах, осуществляли необходимое методическое обеспечение, внедряли в учебный процесс технические средства обучения. У студентов, в свою очередь, расширилась возможность научиться самостоятельно приобретать знания, совершенствовать навыки научно-исследовательской деятельности, развивать способность более рационально использовать время на учёбу.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. План работы, протоколы заседаний деканата и совета, отчет о работе исторического факультета. 03.09.1986–10.07.1987 // Государственный архив Гродненской области (ГАГО). – Фонд 991. – Оп. 1. – Д. 793.

2. План работы, протоколы заседаний совета и отчет о работе исторического факультета. 21.10.1988–23.05.1989 // ГАГО. – Фонд 991. – Оп. 1.– Д. 941.

3. План работы, протоколы заседаний совета и отчёт о работе исторического факультета. 26.09.1989–28.06.1990 // ГАГО. – Фонд 991. – Оп. 1. – Д. 1015.

4. Приказы и распоряжения Министерства высшего образования СССР и БССР, Министерства просвещения БССР, относящиеся к деятельности института за 1986 год. 25.01.1986–22.12.1986 // Государственный архив Могилёвской области (ГАМО). – Фонд 927. – Оп. 1. – Д. 981.

5. Протоколы заседаний совета института за 1987/1988 уч. г. №№ 1–12. 03.09.1987–23.06.1988 // ГАМО. – Фонд 927. – Оп. 1. – Д. 1019.

6. Протоколы заседаний совета исторического факультета за 1989/1990 уч. г. 29.09.1989–28.06.1990 // ГАМО. – Фонд 927. – Оп. 1. – Д. 1100.

7. Протоколы №№ 1–10 заседаний совета исторического факультета. 11.10.1990–04.07.1991 // ГАМО. – Фонд 927. – Оп. 1. – Д. 1143.

8. Протоколы №№ 1–10 заседаний совета исторического факультета. 23.09.1991–30.05.1992 // ГАМО. – Фонд 927. – Оп. 1. – Д. 1180.

9. Протоколы №№ 1–9 заседаний совета исторического факультета и документы к ним. 24.09.1985–24.06.1986 // Национальный архив Республики Беларусь (НАРБ). – Фонд 205. – Оп. 8. – Д. 3085.

10. Протоколы №№ 1–10 заседаний совета исторического факультета и документы к ним. 08.10.1986–30.06.1987 // НАРБ. – Фонд 205. – Оп. 8. – Д. 3239.

11. Протоколы №№ 1–11 заседаний совета исторического факультета и документы к ним. 29.09.1987–28.06.1988 // НАРБ. – Фонд 205. – Оп. 8. – Д. 3401.

12. Протоколы №№ 1–6 заседаний ученого совета БГУ и документы к ним. 01.02.1988–31.05.1988 // НАРБ. – Фонд 205. – Оп. 8. – Д. 3523.

13. Протоколы №№ 1–7 заседаний совета исторического факультета и документы к ним. 28.10.1988–25.04.1989 // НАРБ. – Фонд 205. – Оп. 8. – Д. 3558.

14. Протоколы №№ 2–10 заседаний совета исторического факультета и документы к ним. 26.10.1989–22.06.1990 // НАРБ. – Фонд 205. – Оп. 8. – Д. 3730.

15. Протоколы №№ 1–9 заседаний совета исторического факультета и документы к ним. 28.09.1990–12.06.1991 // НАРБ. – Фонд 205. – Оп. 21 (доп.). – Д. 231.

16. Протоколы №№ 1–10 заседаний совета исторического факультета и документы к ним. 25.09.1986–23.06.1987 // НАРБ. – Фонд 746. – Оп. 5. – Д. 2151.

17. Протоколы №№ 1–10 заседаний совета исторического факультета и документы к ним. 24.09.1987–16.06.1988 // НАРБ. – Фонд 746. – Оп. 5. – Д. 2221.

18. Протоколы №№ 1–11 заседаний совета исторического факультета и документы к ним. 29.08.1988–15.06.1989 // НАРБ. – Фонд 746. – Оп. 5. – Д. 2288.

19. Протоколы №№ 1–11 заседаний совета исторического факультета и документы к ним. 27.09.1990–06.06.1991 // НАРБ. – Фонд 746. – Оп. 5. – Д. 2415.

20. Протоколы №№ 1–8 заседаний совета исторического факультета и документы к ним. 03.10.1991–09.06.1992 // НАРБ. – Фонд 746. – Оп. 5. – Д. 2484.

21. Основные направления перестройки высшего и среднего специального образования в стране // Собрание постановлений правительства Союза Советских Социалистических Республик. – 1987. –№ 22. – С. 418–448.

22. Постановление Центрального Комитета КПСС и Совета Министров СССР «О мерах по коренному улучшению качества подготовки и использования специалистов с высшим образованием в народном хозяйстве» // Собрание постановлений правительства Союза Советских Социалистических Республик. – 1987. – № 23. – С. 451–471.

Hlinka V.S. **The Arrangement of Individual Students' Work in the System of History Education at Universities of Belarus in the Second Half of the 1980-s–beginning of the 1990-s**

The article gives the characteristics of the main activities directed to the improvement of the arrangement and conducting students' work in the system of history education at Universities of Belarus in the second half of the 1980s–beginning of the 1990s, using the example of history departments of Belarusian Universities: the reduction of compulsory lecture-room lessons, leadership, control, methodical help of the teachers. The author has analyzed the problems, which prevented from the qualitative improvement of individual work: lack of teaching literature, readers on history, methodical facilities (books); lack of teaching space; inability of students (especially of the 1-st and 2-d years) to work independently: the right of free attendance of lessons by students. It is shown that during the given period critical rethinking of a range of approaches to most of past events took place, historical facts, not available for the researches before, were brought into use. In connection with this the author shares the opinion of some teachers who considered that the larger reduction of lecture courses in the system of the high history education at the time didn't have any background.

Рукапіс паступіў у рэдкалегію 25.01.2011

УДК [94(476) +356.15(476) (091)] «1941/1944»: 930.2 (084.3)

А.А. Лукашоў

ДЫСЛАКАЦЫЯ ПАРТЫЗАНСКІХ ФАРМІРАВАННЯЎ БЕЛАРУСІ ЧАСОЎ ВЯЛІКАЙ АЙЧЫННАЙ ВАЙНЫ НА КАРТАГРАФІЧНЫХ ДАКУМЕНТАХ НАЦЫЯНАЛЬНАГА АРХІВА

Аналізуецца крыніцазнаўчая каштоўнасць картаграфічных дакументаў па дыслакацыі партызанскіх фарміраванняў, якія дзейнічалі на тэрыторыі Беларусі ў 1941–1944 г., пералічаны асноўныя фонды, у якіх захоўваюцца артыфакты такога тыпу. Разглядаецца змест дыслакацыйных карт, якія складаліся ў аператыўным аддзеле Беларускага штаба партызанскага руху. Цытуюцца інструкцыі, якія распрацоўваліся ў Цэнтральным штабе партызанскага руху і ў якіх прыводзіцца сістэма ўмоўных знакаў, неабходных для складання дыслакацыйных карт. Даецца кароткая характарыстыка тыпаграфскіх карт, якія выкарыстоўваліся для нанясення на іх рукапіснай інфармацыі, звязанай з размяшчэннем партызанскіх сіл. Спіс літаратуры складаецца з 14 пунктаў.

Уводзіны

Актуальным пытаннем вывучэння гісторыі партызанскага руху на Беларусі ў 1941–1944 гг. з'яўляецца даследаванне і апісанне раёнаў дыслакацыі партызанскіх фарміраванняў, ці, інакш кажучы, геаграфіі раёнаў базіравання партызан. Пад раёнам базіравання партызанскага атрада, брыгады альбо палка мы разумеем месца знаходжання яго стацыянарнага лагера, з сукупнасцю гаспадарчых службаў (і часта пабудоў), знаходжанне яго камандавання, у тым ліку штаба. Ад раёна базіравання неабходна адрозніваць пазіцыі баявых падраздзяленняў партызан напярэдадні, пад час ці пасля правядзення баявой аперацыі, а таксама ў ходзе забеспячэння баявой аховы месца дыслакацыі фарміравання. Карты, якія паказваюць пазіцыі падраздзяленняў, адносяцца да ліку баявых. Актуальнасць высвятлення месца базіравання атрада звязана з тым, што менавіта ў месцах базіравання была створана абсалютная большасць дакументаў, якія цяпер з'яўляюцца асноўнай крыніцай па гісторыі барацьбы супраць акупантаў за лініяй фронту.

Паколькі веданне месца дыслакацыі кожнага партызанскага атрада было неабходна для таго, каб падтрымліваць сувязь з ім, для каардынацыі стасункаў паміж атрадамі і планавання аперацый, то гэтаму пытанню надавалася значная ўвага ў кіруючых партызанскім рухам органах рознага ўзроўню. Так, у Беларускім штабе партызанскага руху (далей – БШПР) існаваў аператыўны адзел, у якім вялася дзяжурная карта, на якой пазначалася месца знаходжання кожнага атрада ці брыгады. Практыка няспыннага вядзення дзяжурнай карты адзначалася асобнымі аўтарамі мемуараў партызанскай барацьбы на Беларусі [1, с. 16, 19, 24; 2, с. 274]. Такім чынам, органам, які акумуляваў інфармацыю пра месцы дыслакацыі партызан на ўсёй тэрыторыі Беларусі, быў БШПР. І менавіта яго фонды (№ 1450) змяшчаюць найбольш поўныя сведкі па гэтай праблематыцы.

Акрамя таго, у фондах ЦК КП(б)Б маюцца 24 справы, якія цалкам складаюцца з картаграфічных дакументаў, частка з якіх паказваюць месцы дыслакацыі народных мсціўцаў. Дадзеныя карты фонду ЦК КП(б)Б паходзяць з БШПР, адкуль яны перадава-

Навуковы кіраўнік – В.М. Цемушаў, кандыдат гістарычных навук, дацэнт

ліся загадчыку ваенным адзелам ЦК КП(б)Б. У Нацыянальным архіве захавалася некалькі такіх лістоў (адрасаваных на імя Прохарава) з паведамленнямі аб прэправаджэнні начальнікам аперадзела БШПР Брюханавым дыслакацыйных карт (маштабу 1:500 000)партызан Беларусі за 30.09.1943 г. і 1.11.1943 г. (маштабу 1:1 000 000) у Цэнтральны Камітэт [3].

Паколькі дыслакацыя партызанскіх фарміраванняў ў гады Вялікай Айчыннай вайны вызначалася высокай дынамікай, то для даследчыка важна мець інфармацыю аб месцах знаходжання таго ці іншага атрада за як мага больш кароткія прамежкі часу.

Сярод 369 спраў 24-га вопісу, абсалютная большасць якіх складаецца з адной карты, 327 адзінак захавання прадстаўлены картамі дыслакацыі, з якіх 38 – гэта карты дыслакацыі на ўсю тэрыторыю рэспублікі. Самая ранняя з гэтых карт паказвае дыслакацыю партызан Беларусі на 10 жніўня 1942 г., гэта значыць яшчэ да ўтварэння 9 верасня 1942 г. БШПР. Акрамя таго, дыслакацыйныя карты маюцца на 1.11.1942 г., 1.01.1943 г., 1.03.1943 г., 30.03.1943 г., 1.04.1943 г. (выпраўленая і дапоўненая 1.05.1943 г.), 25.05.1943 г., 1.06.1943 г., 22.06.1943 г. (выпраўленая і дапоўненая 5.07.1943 г.), 30.07.1943 г., 20.09.1943 г., верасень 1943 г., 30.09.1943 г., 1.10.1943 г., 10.10.1943 г., 20.20.1943 г., 1.11.1943 г., 10.11.1943 г., 20.11.1943 г., 25.11.1943 г., 20.12.1943 г., 1.01.1944 г., 10.02.1944 г., 1.03. 1944 г., 1.04. 1944 г., 20.04. 1944 г., 1.06. 1944 г., 22.06. 1944 г., 25.06. 1944 г., 1.07. 1944 г., 22.07. 1944 г.

На адзінаццаць зрэзаў часу маюцца карты дыслакацыі партызан Беларусі ў справах фонда 4п ЦК КП(б)Б. Прычым пяць з іх – на даты, на якія няма карт у вышэй разгледжаным фондзе БШПР: 31.08.1943 г., 18.09.1943 г., 10.12.1943 г., 20.02.1944 г., 1.05.1944 г. Дыслакацыйныя карты партыйнага архіва, створаныя на 1.01.1943 г., 1.04.1943, 30.07.1943 г., 10.02.1943 г., 1.03.1944 г., 1.04.1944 г., можна разглядаць як крыніцу, якая дубліруе адпаведныя карты фонда 1450.

Для картаграфічных дакументаў, створаных БШПР, характэрна высокая якасць выканання і адзінства ўмоўных знакаў. Усе дакументы такога тыпу намаляваны ад рукі тушшу і каляровымі алоўкамі на выдадзеных тыпаграфскім спосабам картах (за адзінкавымі выключэннямі). Карты дыслакацыі на ўсю тэрыторыю рэспублікі, якія маюцца ў фондзе, складзены на палітыка-адміністрацыйных картах БССР маштабу 1:1 000 000 альбо на тапаграфічных картах маштабу 1:500 000. Гэтыя параметры дыслакацыйных карт не выпадковыя, а былі прапісаны ў адпаведных інструкцыях, распрацаваных у Цэнтральным штабе партызанскага руху (далей – ЦШПР). Адзін з пунктаў «Указанняў па запаўненню форм № 1, 2, 3, 4, 5, 6, 7 табеля тэрміновых данясенняў» абавязвае рэгіянальныя штабы партызанскага руху «дыслакацыю партызанскіх атрадаў, брыгад, злучэнняў і груп прадстаўляць на карце 500 000 (БШПР на карце 1 000 000)». Тут таксама указваецца, што «поўная карта дыслакацыі [прадстаўляецца] ў ЦШПР да 25 чысла кожнага месяца па стану на 20-е чысло справаздачнага месяца. Да 15-га чысла па стану на 10 чысло справаздачнага месяца прадстаўляюцца толькі звесткі пра істотныя змены, якія адбыліся ў складзе атрадаў ці злучэнняў» [4, 5]. Тут маюцца на ўвазе карты маштабаў 1:500 000 (5 км у 1 см) і 1:1 000 000 (10 км у 1 см). Гэтая ж інструкцыя давала выявы сістэмы ўмоўных знакаў, якія было неабходна выкарыстоўваць для стварэння такіх карт.

Адной з тыповых з’яўляецца карта «Дыслакацыя партызанскіх атрадаў Беларусі на 1.11.43. Выпраўлена 20.11.43». Карта маштабу 1:1 000 000 мае легенду, у якой вылучаны такія пункты, як «партызанскія брыгады», «партызанскія атрады», «партызанскія атрады і брыгады, якія знаходзяцца ў дарозе», «пасадачныя пляцоўкі», «месцы выкідкі грузаў», «рацыі», «лінія фронту».

Побач з кожным значком атрада ці брыгады маецца подпіс прозвішча камандзіра, а ў некаторых выпадках замест прозвішча ўказана, ў гонар каго названы атрад (брыгада). Напрыклад, атрад «імя Жукава» ў раёне Чырвонай Слабады Мінскай вобласці. На поўдзень ад яго пазначаны атрад імя Лазо. Як выключэнне можна разглядаць нумарны подпіс «брыгада № 17» – менавіта так падпісана фарміраванне ў раёне Прапойска (Слаўгарада), камандзірам якога ўвесь час (жнівень–снежань 1943 г.) быў Н.І. Кітаеў. На момант складання гэтай карты частка дадзенай брыгады ўжо злучылася з Чырвонай арміяй [6, с. 571]. Пад прозвішчам камандзіра, у назоўніку дробу, пазначана колькасць байцоў у дадзеным фарміраванні. Прозвішча камандзіра брыгады (атрада) у такім выпадку будзе знаходзіцца ў лічніку дробу. Для брыгад указана і колькасць атрадаў, якія ўваходзяць у іх склад. Лічба колькасці атрадаў даецца перад колькасцю байцоў, ад якой яна адзяляецца рыскай. Напрыклад, надпіс «Лівенцаў/3-400» азначае 1-ю Бабруйскую брыгаду пад камандаваннем В.І. Лівенцава, якая складаецца з 3-х атрадаў агульнай колькасцю 400 байцоў. Падобны спосаб падпісання баявых фарміраванняў шырока ўжываецца як на дыслакацыйных, так і на разведвальных картах партызан. Заўважым, што прозвішчы камандзіраў на ўсіх картах дыслакацыйнай тэматыкі даны без ініцыялаў, што ў шэрагу выпадкаў патрабуе удакладненяў па даведніках, паколькі існуюць камандзіры-аднафамільцы. Акрамя таго, сустракаюцца памылкі ў напісанні прозвішчаў. Так, на карце «Схема перадыслакацыі партызанскіх злучэнняў Віцебскай і Мінскай абласцей ў Беластоцкую» (на самой карце назва адсутнічае) прозвішча камандзіра атрада «Бясстрашны» С.Ф. Бубіна двойчы напісана праз «е» – «Бубен» [7]. Трэба сказаць, што палкі, як асобны від арганізацыі партызанскага фарміравання, тут асобна не вылучаюцца. Палкі на гэтых картах пазначаны як брыгады (з той толькі розніцай, што без указання колькасці атрадаў, як у брыгадах). Акрамя таго, у асобных выпадках нанесены арганізатарскія группы, якія пазначаны як атрады [8; 9]. Не пазначаны на большасці такіх карт у якасці асобнага віда нагрузкі штабы злучэнняў. Выключэннем з'яўляюцца карты дыслакацыі партызан на 1.01.1944 г., 10.02.1944 г., 1.01.1944 г. і 1.04.1944 г. маштабу 1:1 000 000 і карта маштабу 1:500 000 на 1.1.1943, дзе месцы дыслакацыі партызанскіх злучэнняў пазначаны і вынесены ў легенду [9–11]. Некаторыя дыслакацыйныя карты (у прыватнасці, тыя, якія паказваюць стан на 1.03 і 1.04. 1944 г.) вылучаюцца яшчэ і тым, што на іх пазначаны аб'екты партызанскай інфраструктуры на тэрыторыі, якая кантралявалася савецкімі войскамі: БШПР у Гомелі, Апергрупа БШПР на Заходнім фронце (недалёка ад Смаленска), прадстаўніцтва БШПР на 1-м Прыбалтыйскім фронце (недалёка ад Невеля) [12]. Паказаны на савецкай тэрыторыі і шэраг аэрадромаў рознага падпарадкавання: грамадзянскага паветрана флоту і армейскай авіяцыі (з указаннем найменняў гэтых падраздзяленняў). Маюцца таксама і аэрадромы для прамежкавых пасадак, т. зв. аэрадромы «падскоку», размешчаныя на частцы СССР, якая кантралявалася савецкімі войскамі, але недалёка ад лініі фронту. Тое, што гэтыя дзве карты паказваюць аб'екты партызанскай інфраструктуры па абодва бакі фронту, дазваляе гісторыку магчымасць атрымаць больш поўнае ўяўленне пра сувязі барацьбітоў у тыле ворага з савецкім тылам.

Дыслакацыйныя карты подпісваліся такімі адказнымі асобамі, як намеснік начальніка БШПР І. Ганенка і начальнік аператыўнага адзела Бруханаў. Сярод выканаўцаў карт называюцца імёны тэхніка-картографа Петуховай і інжынера капітана А. Анішчанкі. Большасць пазначаных на карце пасадачных пляцовак і месцаў выкідкі грузаў пранумераваны. Але што азначаюць гэтыя нумары, на саміх картах не растлумачана. На некаторых картдакументах паказаны і працэс перадыслакацыі народных мсціўцаў. Партызанскія атрады і брыгады, якія знаходзіліся на той час ў дарозе, пазначаны з дапамогай стрэлак. У асобных выпадках гэтыя стрэлкі

паказваюць рух фарміравання па тэрыторыі Беларусі на працягу дзесяткаў кіламетраў, у іншых – кароценькія стрэлачкі пазначаюць толькі сам факт руху і агульны накірунак перамяшчэння атрада (брыгады).

Картаграфічныя дакументы па дыслакацыі, зробленыя на картаграфічнай аснове маштабу 1:500 000, па характары паказу спецыяльнага зместу падобныя на дакументы, зробленыя на картаснове маштабу 1:1 000 000. На некаторых картах у якасці своеасаблівага дадатку пазначаны і іншыя з'явы партызанскага руху. Так, на карце «Дыслакацыя партызанскіх атрадаў Беларусі на 20.11.43 (без атрадаў, прызначаных для перадыслакацыі ў Заходнія вобласці)» асобна вылучаны «брыгады, прызначаныя для перадыслакацыі ў новыя раёны дзеяння». Карычневым алоўкам на гэтай карце абведзены шэраг тэрыторый. Што азначана такім спосабам, у легендзе карты не растлумачана, але аналіз дакумента дазваляе меркаваць, што гэта граніцы тэрыторый, кантралюемых партызанамі.

На картах дыслакацыі, якія адлюстроўваюць сітуацыю, што склалася пасля перадыслакацыі шэрагу злучэнняў у Заходнюю Беларусь, у тым ліку на картах, створаных у першай палове 1944 г., добра бачна, што на тэрыторыі Беластоцкай вобласці партызанскія атрады, а тым больш брыгады, ніколі не базіраваліся. Не пазначана на тэрыторыі Беласточчыны і партызанскіх пасадачных пляцовак і месцаў выкідкі грузаў [12]. На карце дыслакацыі партызан 10 снежня 1943 г. пазначаны толькі асобныя арганізатарскія групы П.Р. Бастуна і І.М. Аўсейчыка ў Скідзельскім раёне, што на паўночным усходзе Беласточчыны [13].

У фондах БШПР ёсць дыслакацыйныя карты, якія паказваюць партызанскі рух на ўсёй акупіраванай тэрыторыі Савецкага Саюза. Аднім з такіх дакументаў з'яўляецца карта маштабу 1:2 500 000 без легенды, назвы, подпісаў і дат [14]. Аднак на карце прысутнічае лінія фронту, канфігурацыя якой адпавядае становішчу на савецка-германскім фронце ў чэрвені – пачатку ліпеня 1942 г. На дакуменце пры дапамозе кружочкаў (якімі звычайна на дыслакацыйных картах паказваюць асобныя партызанчкія атрады) і трохвугольнікаў (якімі згодна з «Указаннямі па запаўненню форм № 1, 2, 3, 4, 5, 6, 7 «Табеля тэрміновых данясенняў» трэба маляваць дыверсійныя групы) паказаны партызанскія фарміраванні. Для шэрагу атрадаў і груп на карце паказана наяўнасць рацыі (пры дапамозе ўмоўных знакаў, дызайн якіх змешчаны ў тых жа ўказаннях). Аднак абсалютная большасць гэтых значкоў не падпісана. Чырвоным контурам на акупіраванай тэрыторыі СССР выдзелены тэрыторыі нявызначанага ў легендзе зместу, але відавочна звязаныя з дзейнасцю партызан. Такіх контураў на захопленай ворагам частцы Савецкага Саюза ўсяго пазначана 5, два з іх – на тэрыторыі Беларусі; гэтыя контуры дапоўнены подпісамі. Адзін з такіх контураў, які агароджвае даволі значную тэрыторыю ў міжрэччы Дняпра і Друці на ўсходзе Магілёўшчыны мае подпіс «Атр. імя Сталіна да 2500 б». У межах гэтага контура пазначана і дыверсійная група з рацыяй. Відавочна, тут маецца на ўвазе 208 атрад імя Сталіна, аднак гэтае фарміраванне ніколі не налічвала 2 500 байцоў. Дадзеная лічба, хутчэй за ўсё, азначае колькасць партызан усіх атрадаў, падначаленых Клічаўскаму аперцэнтру, які быў створаны і ўзначалены камандаваннем 208-га атрада; ў ліпені 1942 г. яго дзейнасць была санкцыянавана Ваенным саветам Заходняга фронту. Другі такі контур займае яшчэ большую тэрыторыю на мяжы Палескай, Мінскай і Магілёўскай абласцей. На тэрыторыі, ахопленай гэтым контурам, апынуліся не толькі такія пасёлкі, як Глуск і Петрыкаў, але нават Бабруйск; пазначана 4 дыверсійныя групы з рацыямі, маецца подпіс: «Гр. Мазурава 25 атр. да 4000 б.». Гэты подпіс, відавочна, азначае прысутнасць у партызанскіх фарміраваннях раёна прадстаўніка ЦШПР К.Т. Мазурава, якога кіраўніцтва партызанскім рухам у верасні 1942 г. накіравала праз лінію фронта і якога, думаецца, разглядала як старшага ў дадзенай групіроўцы.

З усяго сказанага можна заключыць, што гэта карта была створана не раней верасня 1942 г., а канфігурацыя лініі фронту на ёй складзена на больш раннюю дату, чым асноўны змест дакумента. Дадзеная карта была створана ва ўмовах, калі кіраўніцтва партызанскім рухам на савецкай тэрыторыі толькі яшчэ фарміравала свае ўяўленні пра абстаноўку за лініяй фронту, і частка інфармацыі, якой яно валодала, была даволі прыблізнай.

Практычна ўсе карты па дыслакацыі партызан на тэрыторыі Беларусі змяшчаюць інфармацыю і пра дыслакацыю радыёсувязі. Фактычна, наяўнасць радыёсувязі ў партызанскім атрадзе ці брыгадзе з'яўлялася адной з асноўных характарыстык фарміравання (разам з прозвішчам камандзіра і колькасцю байцоў), таму такія атрады на картах пазначаліся адпаведным значком.

Заключэнне

Карты дыслакацыі народных мсціўцаў у фондах БШПР даюць падрабязную інфармацыю пра рост колькасці партызанскіх сіл за перыяд з лета 1942 г. і да поўнага вызвалення тэрыторыі Беларусі ад нямецка-фашысцкіх захопнікаў. Складанне такіх карт з вызначанай перыядычнасцю стала магчымым пасля ўстанаўлення трывалай авія-, радыё- і часам кур'ерскай сувязі барацьбітоў у тыле ворага з «Вялікай зямлёй». Станаўленне такой сувязі ішло паралельна з удасканаленнем арганізацыйнай структуры партызанскага руху на працягу 1942 г. Разам з тым на гэтых картах можна ўбачыць толькі тыя фарміраванні, якія прызнавалі савецкую ўладу і дзейнічалі ў адпаведнасці з рашэннямі ваенна-палітычнага кіраўніцтва СССР. Падраздзяленні Арміі Краёвай і іншыя нацыяналістычныя фарміраванні, якія змагаліся супраць нямецка-фашысцкіх захопнікаў, але не падпарадкоўваліся савецкаму кіраўніцтву, на гэтых картах не паказаны. Пэўную цяжкасць пры рабоце з гэтай групай дакументаў стварае тое, што партызанскія фарміраванні тут падпісаны амаль заўсёды не паводле афіцыйных назваў, а па прозвішчах камандзіраў. Нягледзячы на гэтыя недахопы разгледжаныя картаграфічныя дакументы з'яўляюцца адзінай крыніцай, дзе дыслакацыя партызанскіх фарміраванняў паказана адразу на ўсёй тэрыторыі Беларусі.

СПІС ЛІТАРАТУРЫ

1. Брюханов, А.И. В штабе партизанского движения / А.И. Брюханов [лит. обработка В.А. Брюханова]. – Минск : Беларусь, 1980. – 256 с.

2. Калинин, П.З. Партизанская республика / П.З. Калинин [лит. запись Н.В. Бакаева]. – М. : Воениздат, 1964. – 336 с.

3. Паведамленне // Нацыянальны архіў Рэспублікі Беларусь (НАРБ). – Фонд 1450. – Воп. 1. – С. 2. – Л. 222, 254.

4. Указанне па запаўненню форм № 1, 2, 3, 4, 5, 6, 7 табеля тэрміновых данясенняў // НАРБ. – Фонд 1450. – Воп. 1. – С. 1. – Л. 10б.

5. Указанне па запаўненню форм № 1, 2, 3, 4, 5, 6, 7 табеля тэрміновых данясенняў // НАРБ. – Фонд 1450. – Фонд. 1450. – Воп. 1. – С. 1. – Л. 12.

6. Партизанские формирования Белоруссии в годы Великой Отечественной войны (июнь 1941 — июль 1944) : Краткие сведения об организационной структуре партизанских соединений, бригад (полков), отрядов (батальонов) и их личном составе / А.Л. Манаенков [и др.] – Минск : Беларусь, 1983. – 765 с.

7. Карта // НАРБ. – Фонд 1450. – Воп. 24. – С. 42.

8. Карта // НАРБ. – Фонд 4п. – Воп. 33а. – С. 673. – Л. 4.

9. Карта // НАРБ. – Фонд 1450. – Воп. 24. – С. 188.

10. Карта // НАРБ. – Фонд 1450. – Воп. 24. – С. 189–191.

11. Карта // НАРБ. – Фонд 4п. – Воп. 33а. – С. 676. – Л. 8, 10.
12. Карта // НАРБ. – Фонд 4п. – Воп. 33а. – С. 673. – Л. 5, 3.
13. Карта // НАРБ. – Фонд 4п. – Воп. 33а. – С. 673. – Л. 4.
14. Карта // НАРБ. – Фонд 1450. – Воп. 3. – С. 45. – Л. 5.

Lukashov A.A. **Dislocation of Partisan Formations in Belarus during the Great Patriotic War on Cartographic Documents of the National Archives**

Mapping document value of dislocation of the partisan groups operating on the territory of Belarus in the 1941s–1944s is examined, and .the main funds, which contain artifacts of this type, are given. The content dislocation maps that were made in the operations department of the Belarusian Headquarters of Partisan Movement are considered. The instructions, which were worked out in the Central Headquarters of Partisan Movement and which provide a system of graphical symbols needed for the compilation of dislocation maps are quoted. The brief description of printed maps that were used for hand-written information related to the placement of the guerrilla forces is given.

Рукапіс паступіў у рэдкалегію 8.11.2001

УДК 930.2+94(476)

В.Ю. Пилипович

ОПРОСНЫЕ ЛИСТЫ РЕПАТРИАНТОВ БРЕСТСКОЙ ОБЛАСТИ: КВАНТИТАТИВНЫЙ АНАЛИЗ

Статья посвящена изучению репатриантов Второй мировой войны на основе квантитативного анализа данных, содержащихся в опросных листах. Описан процесс создания базы данных опросных листов. С помощью количественных методов исследуются социальные характеристики изучаемого контингента, а также делается попытка реконструкции внутреннего состояния репатриированных при возвращении на родину. Подчеркивается, что включение в научный оборот опросных листов, изученных при помощи современных технических средств и методов, позволяет выйти на уровень микроистории: исследовать не только исторический процесс, но и его участника – человека.

Введение

Изучение социальных характеристик репатриантов Второй мировой войны обладает научной значимостью в связи с отсутствием специального исследования в отечественной историографии. Актуальность обусловлена сложностью и противоречивостью феномена репатриации, необходимостью использования исторического опыта в управлении современными миграционными процессами в Республике Беларусь. Источниковая база обозначенного проблемного поля характеризуется труднодоступностью документов. На протяжении послевоенных десятилетий подавляющее большинство материалов, касающихся вопросов репатриации, не были доступны исследователям. К сожалению, до сих пор закрыты для исследования фильтрационные дела, документы правоохранительных структур и органов госбезопасности, представляющие собой большой массив информации. Это вынуждает широко вводить в научный оборот данные устной истории, использовать новые методы при изучении имеющихся источников.

В комплексе документов, собранных Чрезвычайной Государственной комиссией по установлению и расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков и их сообщников и причинённого ими ущерба гражданам, колхозам, общественным организациям, государственным предприятиям и учреждениям СССР (ЧГК) содержатся опросные листы репатриантов, представляющие собой массовый источник для изучения процессов депортации оккупационными властями советских граждан за границу и их репатриации на родину после освобождения. Опросные листы являются уникальным материалом для изучения состава репатриантов, их половозрастной структуры, социально-классовой принадлежности, места и времени нахождения в неволе, а также условий пребывания на работах. Это открывает возможность создания портрета типичного остарбайтера/репатрианта.

Опросные листы создавались на основе субъективной информации репатриантов, но под четким контролем представителей ЧГК и местных органов власти. Первичный анализ опросных листов показал, что предварительное изучение процесса их составления, образа предоставления репатриантами сведений либо сокрытия подробностей, является необходимым условием, способствующим объективному осмыслению информации этих документов [1]. Их включение в научный оборот позволит при изучении процессов репатриации выйти на уровень микроистории, что соответствует тенденции антропологического и лингвистического поворотов в мировой практике исторических исследований.

Научный руководитель – В.Н. Сидорцов, доктор исторических наук, профессор кафедры источниковедения Белорусского государственного университета

Полноценное исследование опросных листов на сегодняшний день невозможно при использовании лишь традиционных методов анализа. Квантитативный анализ (изучение содержания источника в формализованном виде) на основе современных компьютерных технологий открывает широкие возможности для изучения массовых источников, какими, собственно, и являются опросные листы репатриированных граждан.

Целью данного исследования является изучение репатриантов на основе специального анализа информации, предоставленной ими в опросных листах, что требует последовательного решения следующих задач: разработка концепции и создание базы данных опросных листов; определение выборки и формализация данных опросных листов; количественный анализ выборки; интерпретация результатов анализа.

Создание базы данных

Вид исторического источника определяет модель представления данных. Анкета (опросной лист) представляет собой, по сути, готовую реляционную модель данных, а следовательно, не стоит задача выбора адекватной системы управления базой данных (СУБД). Этот выбор предопределен самим форматом исходных данных. К преимуществам реляционной структуры базы данных (БД) можно отнести простоту представления данных, возможность их пополнения и преобразования, контроля секретности, независимость логической организации данных от технической базы [2, с. 105]. Сущность реляционной структуры в том, что информация представляется в форме двумерных таблиц, состоящих из строк и столбцов. Каждая запись занимает в таблице одну строку, которая делится на смысловые поля, атрибуты, соответствующие столбцам. Каждое поле содержит ссылку на аналогичное поле любой другой записи. Это обеспечивает очень быстрый поиск информации по различным критериям. Записи такой БД сортируются, расставляются в желаемом порядке независимо от последовательности их создания и из всего массива имеющихся сведений можно отобрать лишь необходимые для конкретного исследования.

Выбор электронных таблиц (ЭТ) как основы для создания базы данных связан с тем, что аналитические возможности ЭТ полностью отвечают потребностям историков, имеются возможности графического представления как исходных данных, так и результатов их обработки, позволяют при необходимости осуществить более сложный анализ источника с помощью статистических пакетов (таких, например, как SPSS Statistics). При создании базы данных «Опросные листы репатриантов Брестской области» и обработке информации использовались ЭТ Excel и СУБД Access.

В связи с большим количеством единиц наблюдения и невозможностью в этот момент включения сведений о каждом репатрианте проведена выборка данных для исследования. Была осуществлена серийная (гнездовая) 18 % выборка от имеющихся документов. Из совокупности опросных листов случайным образом отбирались объекты (гнезда), внутри которых производилось сплошное наблюдение. По причине отсутствия всех необходимых параметров для определения выборки расчетным путем был использован один из приближенных методов с использованием таблиц достаточно больших чисел. Объем выборки определяется на основе предварительно заданной вероятности $\boldsymbol{p}$ и допустимой средней ошибки $\boldsymbol{m}_{\text{доп}}$. Для нашего исследования были взяты значения $\boldsymbol{p} = 0{,}99$, а $\boldsymbol{m}_{\text{доп}} = 0{,}09$, что дает значение объема выборки, равное 204. Данное значение означает, что результаты, полученные при изучении этой выборки, в 99 случаях из 100 будут иметь ошибку, меньшую 0,09 и только в 1 случае – больше 0,09, что обеспечивает относительно высокую степень надежности и репрезентативности [2, с. 63–64].

База данных состоит из одной основной таблицы «Репатрианты», представляющей собой переведенные в машиночитаемый вид данные опросных листов по Брест-

ской области и содержащей 204 записи, и ряда вспомогательных. Информация в БД вводилась пофамильно, однако при анализе фамилии не использовались. Эти данные нужны только для того, чтобы не допустить повторного ввода информации в БД об одном и том же человеке. Каждому репатрианту присвоен уникальный цифровой идентификатор, что необходимо для того, чтобы не предавать огласке личную информацию, тайна которой сохраняется по закону 75 лет. По структуре представления данных ЭТ «Репатрианты» условно разделяется на несколько частей: общая (год рождения и пол, место рождения и место жительства, социальный статус до угона на принудительные работы); депортация (данные о вывозе за границу СССР и условиях пути); пребывание в рейхе; организационная (архив, фонд, дело, лист).

Следует отметить, что, несмотря на то, что изучаемый источник имеет определенную структуру (в виде анкеты), часто встречаются экземпляры, в которых не соблюдается структура либо на некоторые пункты анкеты ответы отсутствуют. Поэтому для корректной статистической обработки в подобных случаях в поле проставляются вместо необходимой информации значки «0» или же ячейка оставляется пустой.

В сведениях, изложенных репатриантами, изначально присутствуют признаки, заданные числом (год рождения, дата угона, цена на бирже, количество рабочих часов в сутки, заработная плата). Это количественные признаки, легко поддающиеся измерению с помощью соответствующих методов. Однако данные опросных листов содержат также признаки другого типа, так называемые качественные, выраженные словами (социальный статус, организация угона и направление, условия пути, оценка условий работы, оценка отношения и т.д.). Эти характеристики без предварительной формализации достаточно сложно подвернуть анализу. Необходимо соответственно преобразовать их, чтобы они также поддавались измерению. Таким образом, текстовые данные, выражающие качественные признаки, были преобразованы в цифровые. Например, данные о социальном статусе репатрианта до вывоза на работы в Германию, были сгруппированы для удобства пользования в несколько групп и закодированы соответствующим числом: 1 – представители крестьянства, занятые трудом в сельском хозяйстве; 2 – рабочие, занятые в промышленности, строительстве, на транспорте, включая железнодорожный; 3 – интеллигенция (работники умственного труда, учащиеся, студенты,); 4 – военнослужащие (включая срочников); 5 – домработники (как правило, касается только женщин); 6 – другие (отдельная категория для тех, кто по каким-то причинам не вошел в предыдущие). Аналогичным образом преобразованы и другие характеристики. Такая формализация данных позволила просчитать наличие связи (корреляции) между отдельными признаками, а также провести статистический анализ.

Анализ опросных листов

Методы расчета корреляции дают возможность количественно выразить тесноту взаимодействия одного признака с другим. Если сравнение указывает, что при изменении численных значений одного признака одновременно изменяются и значения другого признака, то можно говорить о наличии линейной взаимосвязи между признаками, теснота которой выражается одним числом в пределах от –1 до 1. Чем ближе коэффициент R_{xy} к 1, тем теснее взаимосвязь признаков. Значение «0» в данном случае будет показателем отсутствия связи. Знаки «+», «–» говорят о направлении отмеченной взаимосвязи, т.е. указывают, является ли имеющаяся связь прямой или обратной. При «+» она прямая, т.е. с возрастанием (убыванием) значений одного признака возрастают (убывают) значения другого. Минус свидетельствует об обратной связи: с возрастанием значений одного признака убывают значения другого и наоборот [2, с. 76; 3, с. 253].

Коэффициент линейной корреляции определяется по следующей формуле:

$$R_{xy} = \sum (x_i - x_{cp})(y_i - y_{cp}) / \sqrt{(x_i - x_{cp})^2 (y_i - y_{cp})^2}, \quad (1)$$

где x_i и y_i – значения признаков x и y;

x_{cp} и y_{cp} – их средние величины, равные $x_{cp}=1/n\ \Sigma x_i$; $y_{cp}=1/n\ \Sigma y_i$;

n – общее число наблюдений.

Возможности используемых ЭТ и СУБД позволяют это сделать автоматически. Для корреляционного анализа в представленном исследовании были выделены определенные пары признаков (таблица 1). Даже небольшая по своему объему выборка позволяет сделать интересные наблюдения.

Незначительный коэффициент наблюдается для пары «время работы : оплата труда», что является само по себе достаточно странным явлением, но позволяет сделать вывод что заработная плата в большей мере зависела не от времени работы, а от других факторов, возможно личных отношений между хозяином и работником. Этот вывод подтверждает коэффициент взаимосвязи между сферой занятости на принудительных работах и оплатой труда, из которого ясно видно, что оплата труда, в большинстве, не зависела также и от вида работ, выполняемых остарбайтером.

Более значимые показатели коэффициента корреляционной связи были выявлены для пар «обеспеченность питанием : обеспеченность одеждой и обувью», и «сфера занятости на принудительных работах : наличие надзора при работе». В первом случае очевидно, что хозяева, удовлетворительно относящиеся к своим рабочим, обеспечивали их необходимыми вещами; в последнем – есть смысл говорить об определенной зависимости присутствия наблюдения со стороны хозяев, надзирателей, полиции от места работы и сферы занятости. Стоит принимать во внимание также тот факт, что большинство молодых мужчин были призваны в действующую армию или рабочие батальоны прямо в Германии и тем самым избежали необходимости заполнения опросных листов.

Таблица 1 – Показатели коэффициента корреляции для пар признаков

Пары признаков	Коэффициент корреляции, k
возраст : довоенный социальный статус	0,03
дата депортации в рейх : возраст	0,05
довоенный социальный статус : дата депортации в рейх	0,31
возраст : сфера занятости на принудительных работах	0,1
дата депортации в рейх : сфера занятости на принудительных работах	−0,25
сфера занятости на принудительных работах : оплата труда	−0,2
время работы : оплата труда	−0,25
сфера занятости на работах : наличие надзора при работе	−0,51
сфера занятости на принудительных работах : обеспеченность питанием	−0,27
сфера занятости на работах : обеспеченность обувью и одеждой	0,16
обеспеченность питанием : обеспеченность одеждой и обувью	−0,33
отношение : сфера занятости на принудительных работах	−0,11

Изучение данных, сгруппированных в таблицы, требует нахождения обобщенных количественных характеристик, свойственных всей изучаемой совокупности или отдельным ее частям. В науке существуют 2 группы таких показателей: меры среднего уровня (дают усредненную характеристику совокупности объектов по определенному

признаку) и меры рассеяния (показывают, насколько хорошо средние значения представляют данную совокупность).

В исторических исследованиях применяются такие меры среднего уровня, как средняя арифметическая, мода и медиана.

Простая среднеарифметическая используется для изучения источников, заданных в виде анкет или формуляров, и равна отношению суммы всех значений определенного признака к общему числу наблюдений.

$$x_{ср} = \frac{(x_1 + x_2 + x_3 + \ldots + x_n)}{n} \quad (2)$$

Взвешенная среднеарифметическая равна сумме произведений каждого значения признака на его частоте, деленной на сумму всех частот. Взвешенная среднеарифметическая дает более точный результат.

$$x_{ср} = \Sigma_{xp}/\Sigma_p \quad (3)$$

Для описания наиболее общей картины использование этих величин вполне оправдано и позволяет выявить средние характеристики депортированных в рейх жителей Брестской области (таблица 2).

Таблица 2 – Средние показатели для контингента вернувшихся советских граждан

Возраст, лет	Пол	Социальный статус до депортации	Дата вывоза	Сфера занятости на работах в Рейхе	Заработная плата (в месяц)
28,7	жен.	крестьянин	апрель 1943	сельское хозяйство	21,5 DM

Более интересными показателями являются мода и медиана. Среднее арифметическое является хорошей мерой центральной тенденции для количественных данных, не имеющих выбросов, но для изучения этой тенденции при наличии выбросов необходимы другие показатели. Медиана используется для изечения порядковых и количественных данных, в том числе при наличии выбросов. Подобная характеристика нужна и для номинальных данных. Такой характеристикой является мода. Она применяется как для неупорядоченных категорий, так и для упорядоченных, а также для количественных данных [6].

Мода – наиболее типичное значение признака внутри данной совокупности объектов, т.е. наиболее часто встречающееся значение. Поэтому моду иногда называют модальным (преобладающим, главным, типичным) значением, в основном отличающимся от средней арифметической [6]. В случае дискретных рядов достаточно найти варианту, которая имеет наибольшую частоту, это и будет мода.

Для вычисления моды в интервальных рядах, сначала определяется модальный класс (интервал), а затем делается расчет по формуле:

$$Mo = x_0 + k\frac{(n_2 - n_1)}{(n_2 - n_1) + (n_2 - n_3)}, \quad (4)$$

где x_0 – нижняя граница модального класса;

k – величина интервала;

n_1 – частота класса, предшествующего модальному;

n_2 – частота модального класса;

n_3 – частота класса, следующего за модальным.

Так, например, возраст типичного репатрианта Брестской области в 1945 году составлял 21 год; до вывоза он работал вместе с родителями на собственном хозяйстве в деревне, был депортирован на работы в мае 1943 года. Очевидно, что модальные показатели отличаются от средней арифметической. В некоторых случаях, когда совокупность неоднородна, целесообразно использовать медиану, поскольку она не так чувствительна к средним значениям ряда. Медиана – это вид меры уровня, представляющий собой серединное значение варьирующего признака в упорядоченном (ранжированном) ряду. Это «серединное» значение признака в том смысле, что у половины объектов значения этого признака меньше медианы, а у другой половины объектов – больше медианы. Таким образом, найти медиану – значит определить значение признака, приходящееся на середину упорядоченной совокупности [6].

$$Me = \frac{x_n + x_{n+1}}{2}, \quad (5)$$

где x_n – начало модельного интервала; n – объем совокупности.

Либо для интервального ряда:

$$Me = x_0 + k\frac{\left(\frac{\Sigma_p}{2} - \Sigma_{m-1}\right)}{pm},$$

где x_0 – нижняя граница интервала;
k – величина интервала;
Σ_p – сумма частот;
Σ_{m-1} – сумма частот интервалов, предшествующих медианному;
pm – частота медианного класса [2, с. 58].

Для возрастных характеристик репатриантов Брестской области медиана, например, равна 22 годам; таким образом, более показательными, представляющими совокупность, в этом случае являются значения не средней арифметической, а моды и медианы. Поэтому, рассматривая различные признаки, характеризующие репатриантов, мы будем использовать все три меры среднего уровня, а также изучать частотные распределения признаков. Для возрастных показателей были определены частотные интервалы и исследованы распределения признаков в них (таблица 3).

Таблица 3 – Распределение возрастных показателей остарбайтеров по частотным интервалам

Возрастные интервалы остарбайтеров (на 1943 г.), лет	Распределение, %	Возрастные интервалы репатриантов (на 1945 г.), лет	Распределение, %
14–17	24	16–18	10,7
18–20	26,7	19–22	40
21–30	18	23–30	16
31–40	14	31–40	14,7
41–50	12	41–50	11
51–60	4,7	51–60	6,7
61–70	0,7	61–70	0,7

При анализе данных выявлено, что по подсчету возраста на 1943 г. почти ¼ увезенных в рейх на работы были несовершеннолетние, и более ½ – в возрасте до 20 лет включительно. Достаточно много было вывезено в возрасте от 21 года до 50 лет (44 %). Количество депортированных в возрасте старше 50-ти лет резко уменьшается, что легко объясняется экономической нецелесообразностью их транспортировки и трудового использования. На момент возвращения более 50 % репатриантов составляла молодежь от 16 до 22 лет.

Более интересная картина получается при анализе половозрастной структуры в целом. Наблюдается некоторое различие в показателях между репатриированными мужчинами и женщинами. Так, если общий показатель среднего арифметического возраста равен 28,7 лет, то отдельно для мужчин он равен 34,6 годам, а для женщин – 26,1. Несмотря на то, что крайние значения возраста для депортированных граждан отличаются незначительно (для мужчин *min* = 15 лет и *max* = 62 года, а для женщин соответственно 14 и 58 лет) и значения моды равны для мужчин 19 и для женщин 17, значения модальных интервалов в двух данных совокупностях абсолютно разные. Большинство женщин, вывозимых на работы в Германию и страны-сателлиты, было в возрасте от 17 до 20 лет (более 50 %), в то время как для мужчин на первом месте стоит возрастной интервал 41–50 лет (24,4 %), а на втором – 21–30 лет (20 %). В отношении категории мужчин данные, скорее всего, недостаточно репрезентативны, поскольку значительное их число было мобилизовано в армию и трудовые батальоны еще на территории Германии, и, вернувшись домой в конце 1940-х – начале 1950-х годов, большинство из них опросных листов, по-видимому, не заполняло. Именно так, на наш взгляд, объясняется относительно небольшое количество опрошенных репатриантов-мужчин (процентное соотношение мужчин и женщин в изучаемой совокупности – 30/70).

Социальный статус остарбайтеров до депортации представлен достаточно однородно. Крестьяне составляют 82,7 % вывезенных на работы; в сфере промышленности, строительства и транспорта работало 6 %; 4 % составляли военнослужащие. Следует сказать, что большинство военнослужащих – это солдаты, мобилизованные в 1938 и 1939 годах в польскую армию и попавшие в плен в сентябре–октябре 1939 года. Данный факт является особенностью Брестской области, входившей до сентября 1939 года в так называемые «крэсы всходне» польского государства.

Рассматривая хронологию вывоза населения из Брестской области на основании информации опросных листов, можно сделать вывод, что распределение количества отправленных на работы по временным периодам не равномерно (рисунок 1). Наблюдается увеличение потока рабочих в весенние и летние месяцы 1942 г., в весенние месяцы 1943 г. и в мае–июле 1944 г. Вероятно, увеличение объемов вербовки и принудительного угона именно в весенне-летний период связано с интенсивностью сезонных работ. Более половины остарбайтеров Брестской области было вывезено в 1943 г. и более 40 % в марте–мае. Только в мае 1943 г. было отправлено на работы в Германию 30,1 % от общего количества угнанных. Возможно, это также было связано с усилением вербовки молодежи, для чего как раз весной 1943 г. был даже создан молодежный отдел в генеральном комиссариате Беларуси. Его возглавил банфюрер Шульц. По заданию восточного министерства из Берлина в Минск прибыла группа эмигрантов для организации Союза белорусской молодежи (СБМ) и в рамках СБМ – рабочей группы «Германия», которая должна была выступить инициатором создания молодежного потока рабочей силы в Германию [4, с. 76].

Наиболее ранняя дата вывоза, которую называют репатрианты, – 1 сентября 1939 г., т.е. начало Второй мировой войны. Это коснулось тех, кто был мобилизован в польскую армию и попал в плен. Началом вывоза рабочих с советских территорий в 1941 г. назывались август–сентябрь. Другой крайний рубеж – июль 1944 г., когда от-

ступающая немецкая армия уводила рабочую силу для строительства укреплений и других вспомогательных работ. Также уезжали те, кто сотрудничал с оккупационными властями либо не видел для себя смысла оставаться в Советском Союзе. Так, например, был эвакуирован вместе с лесной жандармерией О.И., заведующий складом леса в г. Ивацевичи [7, л. 15].

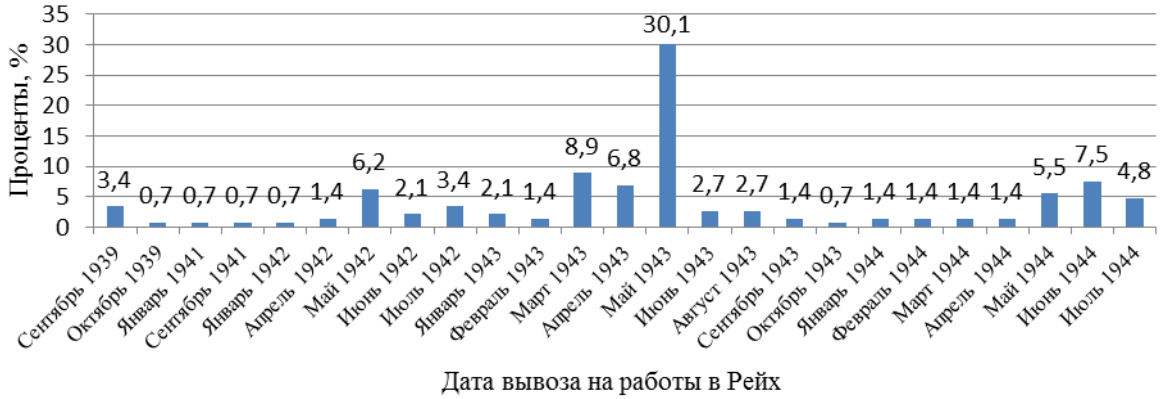

Рисунок 1 – Распределение потока остарбайтеров по временным периодам

Достаточно интересными являются данные об организации вывоза населения в рейх, представленные репатриантами. В большинстве своем эти сведения субъективны, они отражают видение данного процесса изнутри, глазами самих депортируемых с территории области. Так, 38 % репатриантов причастными к организации отправки на принудительные работы считают немецкое военное командование и гражданскую администрацию; почти столько же (37,3 %) отмечают, что в этом участвовали как немцы, так и местная коллаборационная администрация. 18 % угнанных видят в данных процессах руку местной администрации: старост, агрономов, бригадиров, полицейских. В ряде анкет указаны фамилии тех, кто содействовал направлению на работы в Германию. В некоторых опросных листах среди лиц, виновных в эксплуатации и издевательствах, не было указано ни одного немца, но были названы представители местной администрации, участвовавшие в вывозе [7, л. 69об.].

Условия пути в Германию большинство репатриантов в анкетах освещает одинаково, так что усредненный стандартный вариант описания выглядит следующим образом: «ехали в закрытых товарных вагонах, выходить не разрешали, продуктами не снабжались, питались своими, взятыми из дома». Некоторые сообщения были более обширными и включали сведения о конвоировании к месту сбора, проведении санобработки. Так, репатриантка Е.М. рассказывает: «Путь в Германию был под охраной. До города Бреста сопровождала полиция, а от Бреста до места назначения – немцы» [8, л. 8об.]. Бывшие остарбайтеры указывали на недостаточность питания: «200 грамм хлеба и 20 маргарина. Двери вагона открывали только тогда, когда давали кушать». Однако среди относительно похожих по содержанию ответов встречаются и весьма необычные. Репатриантка Д.А., жительница местечка Дивин, сообщает, что они следовали в Германию в открытых вагонах и без охраны и побегов не было [9, л. 5]. Совсем необычным являются свидетельства о следовании на работу в пассажирском вагоне [10, л. 26об.] и при наличии проводника, который ехал в вагоне вместе с остарбайтерами до места назначения [10, л. 42 об.].

После приезда на место назначения большинство остарбайтеров распределялось на работу на биржах (30 %) и в лагерях(30 %). Причем 24,7 % из них были отданы хозяевам за определенную сумму. Выявленная минимальная сумма равняется 5 маркам,

максимальная – 20. Наиболее часто предлагаемая за работника сумма составляла 10 марок. Около 15 % всех остарбайтеров направлялись на работу непосредственно, часто прямо со станции, где их разбирали хозяева. Владельцы предприятий пользовались чаще всего услугами биржи или сборного лагеря.

При анализе данных опросных листов выяснилось, что большинство угнанных жителей Брестской области (71,3 %) были заняты в сельском хозяйстве. Выполняли они различную работу по хозяйству, досматривали скот, работали в поле, убирали дом, помогали на кухне. Репатрианты утверждают, что работавшие в сельском хозяйстве жили лучше, чем остальные [11]. Однако их также можно условно разделить на 2 группы: работавшие у фермеров и работавшие в больших имениях. У последних условия жизни были значительно хуже [12]. 13,3 % остарбайтеров работали в промышленности, а остальные были заняты в пищевой промышеленности, строительстве, на транспорте и др. Были также нестандартные варианты. Например, в анкете репатриантки Н.А. из Жабинковского района указано, что она работала у хозяев в качестве домработницы с 6 утра до 12 часов дня и на часовой фабрике, принадлежавшей этим же хозяевам, за станком с 12.30 до 18.30 [7, л. 4].

Как отмечалось выше, суточная продолжительность работы не зависела от места работы и варьировалась от 8 до 21 часа. Средняя продолжительность рабочего дня составляет 13,2 часа, а модальный показатель равен 12 часам. По продолжительности работы в сутки подавляющее большинство остарбайтеров распределилось в интервале 11–15 часов. Очень возможно, что, пытаясь не противоречить господствовавшей в СССР идее о рабском подневольном труде, репатрианты при ответах увеличивали количество отработанных часов, чтобы подтвердить тезис о жестокой эксплуатации и нечеловеческом отношении. В устных беседах бывшие остарбайтеры отмечают, что после работы было свободное время и выходные дни [12].

Заработная плата была выплачиваема почти всем репатриантам за небольшим исключением (2,7 %) (рисунок 2). Минимальная месячная плата, выявленная в изучаемой совокупности, составила 3 марки, в то время как максимальная равнялась 120. Средняя заработная плата, по сведениям репатриантов Брестской области, составляла 21,5 марки в месяц. Подавляющее большинство остарбайтеров получало в месяц 10–30 марок. Были случаи, когда рабочие на руки деньги не получали, потому что всем были обеспечены, но зарплата им начислялась. Так, совсем юный житель деревни Завершье Кобринского района, вывезенный в 1942 г. на работы, только к концу пребывания в Германии узнал, что хозяева каждый месяц откладывали ему в комод его зарплату [11].

Рисунок 2 – Месячная оплата труда восточных рабочих

Питание репатриантов было проблемой и для немцев, и для восточных рабочих. Для немцев необходимо было сэкономить на рабочем и в то же время не допустить полного его истощения, что не позволило бы ему трудиться. Для репатриантов важнее

всего было выжить в таких условиях. Питание распределялось между остарбайтерами неравномерно, и уровень обеспеченности зависел, скорее всего, от отношения хозяина, поскольку корреляция между сферой занятости и обеспечением питанием очень небольшая. 32 % репатриантов, заполняя опросные листы, обозначили уровень своего питания во время принудительных работ как недостаточный, 30 % – как средний и только 18,7 % – как достаточный. Некоторые репатрианты свой дневной рацион определяли как 200 гр. хлеба и суп [10, л. 160], в то время как другие говорят о том, что «дома даже на праздники не кушали так, как там каждый день» [12; 13]. Многие называют брюкву одним из основных продуктов питания. Проще было тем, кто был занят в сельском хозяйстве, так как там почти всегда существовала возможность чем-то дополнить скудный рацион. В более сложной ситуации находились работавшие в промышленности.

Одеждой и обувью снабжены были далеко не все остарбайтеры. Только 26,7 % принудительных рабочих получали за время работы обувь и лиши 21,3 % снабжались одеждой. Обувь, как правило, представляла собой ботинки с деревянной подошвой. Около 40 % репатриантов в своих ответах на вопросы анкеты не представили сведений о снабжении их одеждой и обувью, поэтому сделать окончательные выводы нельзя. Возможно, многие из них были снабжены, но, не желая представить свое пребывание в Германии в положительном ракурсе, предпочли умолчать вообще.

Более 30 % остарбайтеров из Брестской области проживали в домах либо квартирах вместе с хозяевами либо рядом с ними, 20 % в бараках в лагерях. В бараках жили, как правило, те, кто трудился на заводах либо в больших имениях. Местом своего проживания 5,3 % репатриантов назвали сарай, а не представили информации более 36 % заполнявших опросные листы.

Одним из самых сложных вопросов является изучение отношениий между хозяевами и их рабочими, поскольку это затрагивает личностный аспект. Учитывая цель, с какой создавались опросные листы, достаточно сложно ожидать объективности от ответов граждан. Еще со времен СССР в историографии утвердилось мнение о нечеловеческом отношении и издевательствах со стороны немцев по отношению к восточным рабочим. Работникам ПФП и ПРП была дана обязательная установка нацелить политико-просветительскую работу на выявление фактов зверств со стороны немцев [14, л. 28]. Однако анализ опросных листов показал, что 33,3 % репатриантов отрицали наличие фактов издевательств, насилия, истязаний, побоев и других преступных действий со стороны немцев по отношению к себе. Еще 24 % опрошенных воздержались от освещения данной стороны своей жизни в неволе, более 16 % испытывали побои, 5,3 % назвали среди фактов издевательств тяжелую работу (рисунок 3).

Анкеты содержат во многом неоднозначную информацию. Некоторые репатрианты при характеристике отношений используют очень осторожные формулировки: «отношение со стороны хозяев было не очень плохое» [10, л. 39об.], «не совсем плохое» [10, л. 41об.], «хозяева относились средне» [8, л. 142об.], «отношение их было не плохое» [10, л. 144об.]. В отдельных опросных листах содержится противоречивая информация. Например, репатриантка С.Я. сообщает: «Питанием была обеспечена хорошо. Жилище было хорошо оборудовано. Одеждой снабжалась нормально. Охраны не было никакой. Состав семьи хозяина 5 человек, отношение было хорошее», а в другом пункте отмечено: «Избивали до полусмерти, за малейшее преступление – 100 гум (резиновая дубинка)» [10, л. 144]. В анкете репатриированной Г.Е. из д. Смуга Брестского района в пункте 14 указано: «Питание было хорошее,… были издевательства», а следующий пункт гласит: «Издевательств не было никаких, насилия и побоев тоже» [15, л. 11]. Такие же несоответствия можно найти в анкете бывшей остарбайтерки К.Е.: «Жила с хозяином в одном доме, питание то самое, что и хозяин, с одного кот-

ла», «издевательств не было, побоев тоже не было», а в другом месте анкеты: «Отношение хозяина было плохое» [15, 23–23об.].

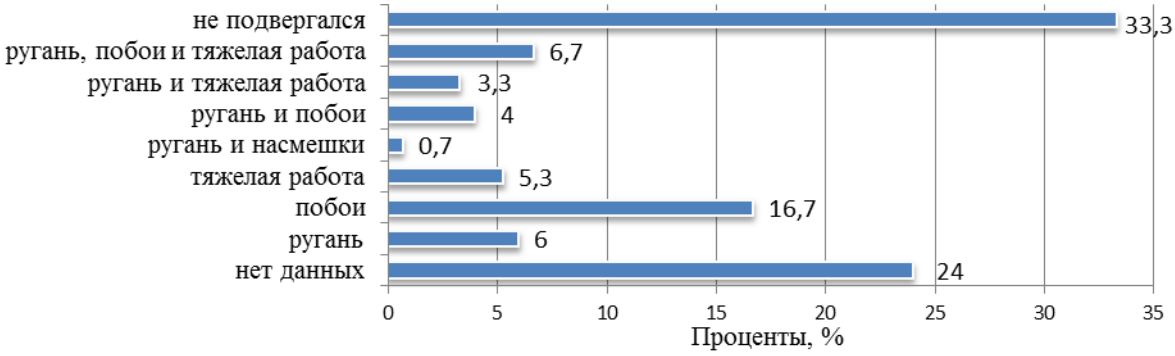

Рисунок 3 – Определение репатриантами отношения к ним немецких хозяев

Такие нестыковки в ответах в одном и том же листе наталкивают на мысль, что репатрианты, зная, что их будут контролировать на предмет лояльности к советской системе, пытались маскировать истинное положение дел. Однако случаи, когда отношения между хозяином и рабочим были напряженные из-за незнания последним языка или по другим причинам, действительно, были нередки. Так, рабочая Т.М. из Березовского района была избита сыном хозяина за то, что однажды летом обула туфли, а он сказал ей их снять, чтобы не снашивать до зимы. Она ему ответила, что «до зимы, может быть, умрет», а он из ее немецкой речи понял, что «на него было сказано, что это он до зимы умрет» [10, л. 162об]. Необходимо отметить, что отношения между рабочими и хозяевами регулировались Arbeitsamt (рабочими отделами). Например, остарбайтер Н.Г. терпел издевательства от сыновей хозяина, и, когда терпение закончилось, пожаловался в рабочий отдел. Туда был вызван хозяин, и после этого, со слов Н.Г., он стал «лепш за батька родного» [12].

Заключение

Таким образом, специальный анализ опросных листов репатриантов Брестской области показал необходимость дальнейшего глубокого изучения этих документов. Незаметная при беглом просмотре информация выявляется с помощью методов квантитативной истории и исторической информатики. Отчетливо вырисовывается портрет типичного репатрианта-остарбайтера. К сожалению, отсутствие сведений в опросных листах о большинстве молодых мужчин-репатриантов обедняет общую картину, однако изучение опросных листов интересно тем, что содержащаяся в них информация субъективна, а значит, позволяет исследовать не только внешние характеристики социальной группы «репатрианты», но и заглянуть во внутренний мир этих людей. В анкетах нашли отражение страхи, неуверенность репатриированных, попытки скрыть «опасную информацию». Очевидно, что сведения, полученные при анализе, разрушают некоторые устоявшиеся стереотипы о жизни репатриантов-остарбайтеров за границей и их возвращении. Так, например, об удовлетворительном отношении немцев к восточным рабочим свидетельствует более 30 % изученных анкет, а 24 % опрошенных попытались обойти этот вопрос. Небольшие коэффициенты, полученные при корреляционном анализе, свидетельствуют либо о недостоверной информации, представленной репатриантами, либо о том, что их жизнь в Германии значительно отличалась от «официальной версии», которая была представлена советскому обществу. Вполне возможно, что, опасаясь репрессий со стороны государства, многие подсознательно

или преднамеренно, повинуясь инстинкту самосохранения, искажали информацию. Это обстоятельство не умаляет ценности такого источника, как опросные листы. Наоборот, изучение их в контексте объективной истории позволяет выйти на уровень микроистории и поставить в центр исследования саиого человека, что соответствует тенденциям мировой исторической науки.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Пилипович, В. Опросные листы репатриантов как исторический источник / В. Пилипович // Крыніцазнаўства і спецыяльныя гістарычныя дысцыпліны : навук. зб. Вып. 6 / рэдкал.: С.М. Ходзін (адк. рэд.) [і інш.]. – Мінск : БДУ, 2010. – С. 120–129.

2. Сидорцов, В.Н. Методология истории: количественные методы и информационные технологии : учеб.-метод. пособие / В.Н. Сидорцов. – Минск : БГУ, 2003. – 143 с.

3. Гмурман, В.Е. Теория вероятностей и математическая статистика : учеб. пособие для вузов / В.Е. Гмурман. – 9-е изд., стер. – М. : Высш. шк., 2003. – 479 с.

4. Белорусские остарбайтеры: историко-аналитическое исследование / Г.Д. Кнатько [и др.]; под ред. Г.Д. Кнатько. – Минск : НАРБ, 2001. – 336 с.

5. Полян, П.М. Жертвы двух диктатур : Жизнь, труд, унижение и смерть советских военнопленных и остарбайтеров на чужбине и на родине / П.М. Полян. – М. : Росспэн, 2002. – 894 с.

6. Прикладная математика : справочник [Электронный ресурс]. – 2006–2009. – Режим доступа: http://www.pm298.ru/mediana6.php. – Дата доступа: 01.12.2008.

7. Опросные листы граждан, возвратившихся из германской неволи на родину по Высоковскому району // Государственный архив Брестской области (ГАБО). – Фонд Р514. – Оп. 1. – Д. 339.

8. Опросные листы граждан, возвратившихся из германской неволи на родину по Березовскому району // ГАБО. – Фонд Р514. – Оп. 1. – Д. 338.

9. Опросные листы граждан, возвратившихся из германской неволи на родину по Дивинскому району // ГАБО. – Фонд Р514. – Оп. 1. – Д. 121.

10. Опросные листы граждан, возвратившихся из германской неволи на родину по Каменецкому району // ГАБО. – Фонд Р514. – Оп. 1. – Д. 330.

11. Личный архив автора. Интервью № 004 с Г.У. З-м (Тевли, 2009 г., апрель).

12. Личный архив автора. Интервью № 002/3 с Г. и П. Н-й (Брест, 2009 г., март).

13. Личный архив автора. Интервью № 010 с В.С. К-й (Девятки, 2009 г., апрель).

14. Материалы по репатриации населения (протоколы, докладные записки, справки и др.) // ГАБО. – Фонд 1-П. – Оп. 2. – Д. 44.

15. Опросные листы граждан, возвратившихся из германской неволи на родину по г. Бресту и Брестскому району // ГАБО. – Фонд Р514. – Оп. 1. – Д. 291.

16. Опросные листы граждан, возвратившихся из германской неволи на родину по Кобринскому району // ГАБО. – Фонд Р514. – Оп. 1. – Д. 335.

Pilipovich V. **Questionnaires of the Repatriates of Brest Region: Quantitative Analysis**

This article is devoted to the studying of the repatriates of the Second World War on the basis of quantitative analysis of data, which is contained in questionnaires. There is a description of the process of making a database of the questionnaires. With the help of the quantitative methods the social characteristics of studying contingent are investigating, and there is also a try to reconstruct the inner state repatriates, as they returned to their Homeland.

Рукапіс паступіў у рэдкалегію 02.12.2011

УДК 94(476) «1921/1939»

В.М. Мярчук

ЭМІГРАЦЫЯ НАСЕЛЬНІЦТВА З ЗАХОДНЕБЕЛАРУСКАГА РЭГІЁНА Ў ПРАВІНЦЫІ АРГЕНЦІНЫ Ў 20–30-я гг. XX ст.

У артыкуле прадастаўлена інфармацыя аб перасяленчым руху заходнебеларускага насельніцтва ў Аргенціну ў міжваенны перыяд. Прадметам даследавання з'яўляецца эміграцыйныя працэсы 1921–1939 гг. з Заходняй Беларусі ў Аргенціну. У даследаванні прааналізавана заканадаўча-прававая база эміграцыі, дакументальна-візавае забеспячэнне і транспарціроўка эмігрантаў, статыстыка эміграцыйных рухаў, а таксама вывучана адаптацыя заходнебеларускіх эмігрантаў у правінцыях Аргенціны. Зроблена выснова аб тым, што Аргенціна з'яўлялася самай папулярнай краінай для эміграцыі заходнебеларускага насельніцтва ў 20-я гг. XX ст. Эміграцыя ў аргенцінскія правінцыі насіла пераважна аграрны характар і была прадстаўлена сельскагаспадарчымі сем'ямі і рабочымі. З Навагрудскага, Віленскага і Палескага ваяводстваў у Аргенціну выехала вялікая колькасць беларусаў ў пошуках добрага заробку і лепшай долі.

Уводзіны

Эміграцыйныя працэсы 20–30-х гг. XX ст. адыгралі вялікую ролю ў аграрна-эканамічнай і дэмаграфічнай гісторыі Заходняй Беларусі. На працягу 1921–1939 гг. з заходнебеларускага рэгіёна выехала вялікая колькасць беззямельных і малазямельных сялян, якія імкнуліся палепшыць сваё матэрыяльнае становішча шляхам працаўладкавання за мяжой. Адной з галоўных краін эміграцыі заходнебеларускага насельніцтва ў 1921–1939 гг. з'яўлялася Аргенціна. Нягледзячы на значныя памеры эміграцыі з Заходняй Беларусі ў 1920–1930-х гг. сельскагаспадарчых і прамысловых рабочых, у айчыннай гістарычнай навуцы дадзеная праблематыка пакуль не знайшла свайго адлюстравання. Эміграцыйная праблематыка вывучалася польскімі вычонымі, аднак пытанне эміграцыі менавіта заходнебеларускага насельніцтва таксама засталося недаследаваным. Па-першае, эміграцыйныя плыні разглядаліся імі ў кантэксце агульных польскіх эміграцыйных працэсаў, а па-другое – польскія даследчыкі ў сваіх навуковых працах не вылучалі беларусаў сярод эмігрантаў як самастойны этнас (Е. Каладзей, М. Кула, А. Яцэвіч, М. Парадоўска, З. Дабасевіч, В. Румэль, Я. Влодэк і інш.) [1–6]. Менавіта таму аб'ектам дадзенага навуковага даследавання выступае эміграцыя з Заходняй Беларусі ў Аргенціну ў 1921–1939 гг., а мэтай даследавання з'яўляецца комплекснае вывучэнне польска-аргенцінскай міграцыйнай палітыкі, выяўленне статыстычных паказчыкаў эміграцыі з Заходняй Беларусі і аналіз працэсу працаўладкавання і адаптацыі перасяленцаў.

Заканадаўча-прававая база, дакументальна-візавае забеспячэнне эміграцыі і транспарціроўка эмігрантаў у Аргенціну (1921–1939 гг.)

Асаблівае месца ў эміграцыйных працэсах Заходняй Беларусі займала эміграцыя ў Аргенціну, якая атрымала распаўсюджанне ў выніку дзяржаўнай палітыкі дзвюх краін. З аднаго боку, гаспадарчая структура Аргенціны была прадстаўлена сялянамі-арандатарамі (68 %) і земляўласнікамі (38 %): у правінцыі Буэнас-Айрэс налічвалася 985 індывідуальных гаспадарак агульнай плошчай 9 088 947 га (1/3 тэрыторыі правінцыі), з якіх 232 336 га зямлі валодалі шэсць сямей Люро, 377 999 га зямлі – 19 членаў сям'і Анчорэны; 104 621 га зямлі агульным коштам у 18 млн. песа

Навуковы кіраўнік – А.М. Вабішчэвіч, доктар гістарычных навук, загадчык кафедры гісторыі славянскіх народаў Брэсцкага дзяржаўнага ўніверсітэта імя А.С. Пушкіна

знаходзіліся ва ўласнасці Мерсэдэс Анчорэн. Амаль палова правінцыі Санта Фэ была падзелена паміж 380 земляўласнікамі, сярод якіх вядучае месца належала англійскай кампаніі «Ля Форесталь» (838 000 га) [7, с. 3]. Такая гаспадарчая структура Аргенціны патрабавала прытоку таннай замежнай рабочай сілы, якая была прадстаўлена сельскагаспадарчымі рабочымі-эмігрантамі.

У эміграцыйнай заканадаўча-прававой базе Аргенціны галоўным з'яўляўся закон «Аб іміграцыі» № 817 ад 6 (19) кастрычніка 1876 г., які рэгуляваў працэсы і механізмы міграцыі [6, с. 334; 8, с. 110]. Закон дзейнічаў на працягу ўсяго міжваеннага перыяду і быў адным з самых ліберальных сярод краін Амерыкі. Згодна з эміграцыйным законам, у Буэнас-Айрэсе была адкрыта Генеральная іміграцыйная дырэкцыя, а ў Еўропе – шматлікія канторы па вярбоўцы мясцовых жыхароў у гэтую лацінаамерыканскую краіну[6, с. 336].

У першай палове 20-х гг. XX ст. эміграцыйная палітыка Аргенціны мела ліберальны характар, які праяўляўся ў магчымасці аплаты праезду эмігрантаў не толькі з ўласных сродкаў і дзяржаўнага бюджэта Аргенціны, але і праз пасрэдніцтва прыватных мараходных прадстаўніцтваў, якія дзейнічалі ў сферы эміграцыі і каланізацыі [9, с. 139].

У 1927 г. прэзідэнт Аргенціны Марсела дэ Альвэара ў сваім выступленні адзначаў, што каланізацыя новых тэрыторый Аргенціны з'яўляецца важнай з'явай у гісторыі краю: па-першае, пачалі ствараццa асадніцкія эміграцыйныя суполкі, па-другое, грамадзянства мог атрымаць кожны 18-гадовы перасяленец, які бесперапынна пражыў у краіне на працягу 2-х гадоў [10, с. 4; 11, л. 28].

З 1930-х гг. у выніку разгортвання сусветнага эканамічнага крызісу і павышэння аргенцінскіх візавых аплат ў 10 разоў (з 1 студзеня 1931 г. замест 30 аргенцінскіх песа за візу патрабавалі 300, прычым у аргенцінскіх консульствах канверсія ажыццяўлялася па самым вялікім курсе) назіраўся спад эміграцыйных плыняў з Заходняй Беларусі [12, с. 186; 13, л. 21].

У выніку станоўчай і актыўнай іміграцыйнай палітыкі аргенцінскіх улад на працягу ўсяго міжваеннага часу ў Аргенціне існавала шмат аргенцінскіх і міжнародных каланізацыйных таварыстваў і зямельных кампаній, якія ажыццяўлялі разнастайныя зямельныя аперацыі. Сярод найбольш распаўсюджаных можна выдзяліць наступныя: кампанія Казіміра Фрыча «Estacion Atahona» ў правінцыі Тукуман, Каланізацыйная кампанія «Vistula» ў правінцыях Камандзіта, Пасадас і Міс'ёнес (утворана 14 лютага 1932 г.), Марская і каланіальная Ліга, Варшаўскае Каланізацыйнае таварыства (утворана ў 1926 г.), каланізацыйнае таварыства «Compania Colonizadora del Norte S.A.» (валодала тэрыторыяй калоніі «Ванда», якая была ўтворана ў 1936 г. для эмігрантаў з Польшчы; калонія названа ў гонар дачкі маршала Ю. Пілсудскага Ядвігі), зямельная кампанія «Eldorado Colonizacion y Explotacion de Bosques Leda» ў Буэнас-Айрэсе (карысталася падазронымі адносінамі афіцыйных польскіх эміграцыйных улад) [14, л. 2; 15, л. 1, 2, 4, 5, 9, 10; 16, л. 4].

У выніку актыўнай эміграцыйнай палітыкі Польшчы, зацікаўленасці аргенцінскіх улад у асваенні новых тэрыторый і каардынаванай дзейнасці каланізацыйных і мараходных таварыстваў эміграцыя заходнебеларускага насельніцтва ў Аргенціну атрымала небывалы размах. Пачынаючы з 1921 г. колькасць эмігрантаў, якія пакідалі родныя мясціны ў пошуках лепшай долі і выязджалі на працу ў сельскагаспадарчыя правінцыі Аргенціны, складала 2 257 чалавек, у 1922 г. – 3 311 чалавек, у 1923 г. – 4 977 чалавек, у 1924 г. – 5 590 чалавек, у 1925 г. – 8 820 чалавек. Агульная колькасць польскіх эмігрантаў за 1921–1925 гг. складала 24 955 чалавек [17, с. 113].

Паводле звестак польскай эміграцыйнай статыстыкі, эміграцыя з Польшчы ў Аргенціну атрымала самае вялікае распаўсюджанне на тэрыторыі заходнебеларускага рэгіёна (пасля тэрыторыі Заходняй Украіны): за 1927–1937 гг. у правінцыі Аргенціны выехала каля 28 тыс. чалавек: з Палескага ваяводства 11 тыс., Віленскага – 6,9 тыс., Беластоцкага – 6,7 тыс., Навагрудскага – 3,4 тыс. чалавек. У той жа час з польскіх ваяводстваў выехала толькі каля 25 тыс. чалавек [18, с. 57].

Аднак пры выяўленні статыстычных паказчыкаў эміграцыі ў Аргенціну ўзнікаюць цяжкасці, звязаныя з працэсам падліку колькасці эмігрантаў у польскіх і аргенцінскіх дзяржаўных аддзелах статыстыкі. Па-першае, аргенцінскае і польскае заканадаўства прызнавалі нацыянальную прыналежнасць эмігрантаў па той краіне, дзе яны пражывалі, і фіксавалі толькі веравызнанне; па-другое, амаль да 30-х гадоў XX ст. у Аргенціне праваслаўных прыпісвалі да рускіх, а каталікоў – да палякаў. Так, калі па дадзеных польскай афіцыйнай статыстыкі агульная колькасць заходнебеларускіх эмігрантаў, якія выехалі ў правінцыі Аргенціны на працягу 1920–30-х гг., складала каля 53 тыс. чалавек, то, згодна дадзеных беларускіх даследчыкаў, на пачатку XX ст. у аргенцінскіх правінцыях пасялілася амаль 70 тыс. беларусаў, а ў 1930-х гадах іх налічвалася ўжо каля 200 тыс. чалавек [8, с. 110–115]. Статыстычныя паказчыкі аргенцінскіх улад былі яшчэ больш заніжаныя: паводле дадзеных Дырэкцыі па справах міграцыі ў Буэнас-Айрэсе, лічба эмігрантаў за 1921–1924 гг. складала толькі 4 433 чалавекі [5, с. 51].

Нелегальная агітацыя і прапаганда эміграцыі прадстаўнікамі мараходных кампаній, якія атрымлівалі 5 долараў з кожнага завербаванага эмігранта, з'явілася прычынай распаўсюджання ў Польшчы так званай «аргенцінскай гарачкі» [1, с. 96]. Збяднелае і беззямельнае насельніцтва Заходняй Беларусі распрадавала сваю маёмасць і на апошнія сродкі накіроўвалася ў аргенцінскія калоніі, дзе працэс працаўладкавання не заўжды насіў лёгкі характар. У сувязі з гэтым прадстаўнікі Эміграцыйнага ўпраўлення папярэджвалі насельніцтва, што без дастатковых матэрыяльных сродкаў на выезд эмігранты мелі вельмі малы шанец на добрае жыллёвае ўладкаванне. Толькі на перыяд жніва і збору ўраджаю, які працягваўся з лістапада па красавік, арандатары зямельных латыфундый наймалі на працу рабочых і прадастаўлялі ім жылыя памяшканні. У астатнія месяцы зямельны работнік пражываў у будынках, зробленых з дошак і кардону – «кардонных вілах» [19, с. 159]. Такім чынам, самотныя эмігранты для сацыяльнай і матэрыяльнай адаптацыі павінны былі мець на руках па 150 долараў, сем'і – па 300 долараў, сельскагаспадарчыя рабочыя на ўласнай зямлі – па 1 000 долараў [19, л. 15].

З боку аргенцінскага ўраду для імігрантаў, пазбаўленых капіталу, аказвалася дапамога ў якасці прадастаўлення падчас прыбыцця і працаўладкавання месца ў Іміграцыйнай гасцініцы Буэнас-Айрэса (на 5 дзён): у 1929 г. з Іміграцыйнай гасцініцы на працу па збору ўраджаю выехала 19 % італьянцаў, 22 % іспанцаў і 55 % імігрантаў з Польшчы. Акрамя таго, эмігранты атрымлівалі бясплатны праезд па чыгунцы да месца працы.

Асноўнымі катэгорыямі грамадзян, якія маглі эмігрыраваць у Аргенціну, былі аргенцінцы па нацыянальнасці, а таксама людзі, якія мелі «affidavit argentyński» (дазвол аргенцінскіх эміграцыйных улад на ўезд у краіну), запрашэнне, атрыманае праз польскае консульства ў Буэнас-Айрэсе, і лісты да аргенцінскага пасольства, якія выдала Яўрэйскае таварыства дапамогі эмігрантам «Soprotimis», сельскагаспадарчыя сем'і, яўрэйскія работніцы [20, л. 4].

Не маглі эмігрыраваць у аргенцінскія правінцыі хворыя, з судовым пакараннем за апошнія 5 гадоў, жабракі, асобы старэйшыя за 60 гадоў (выключэнне складалі эмігранты, якія выязджалі ў кампаніі сваякоў, якія бралі на сябе ўсе выдаткі), замужнія жанчыны без мужа і з дзецьмі да 18 гадоў, дзеці да 18 гадоў [21, с. 37–38].

У асноўным аргенцінскія візы выдаваліся людзям, якія яшчэ не дасягнулі шасцідзесяцігадовага ўзросту. Асобы старэйшага ўзросту, павінны былі мець «affidavit argentyński», які дзейнічаў на працягу аднаго года з моманту выдачы і зацвярджаўся ў польскім консульстве. Незамужнія жанчыны і жанчыны з дзецьмі да 15 гадоў таксама павінны былі прадастаўляць аргенцінскае запрашэнне. На падставе такога запрашэння інспектар Эміграцыйнага сіндыкату ў Варшаве выдаваў пасведчанне на атрыманне эміграцыйнага пашпарту і аргенцінскай візы. Нярэдка неабходна было праводзіць легалізацыю дакументаў праз Эміграцыйны сіндыкат. Эмігранты, якія не дасягнулі 18 гадоў, незамужнія жанчыны і людзі, старэйшыя за 60-гадоў, не маглі эмігрыраваць без суправаджэння сваякоў [22, л. 4].

Кошт аргенцінскай візы для дарослага (з 15 гадоў) складаў 305 злотых 60 грошаў, для дзецей да 15 гадоў – 43 злотыя 60 грошаў, дзеці да 1 года атрымлівалі візу бясплатна [20, л. 10; 23, л. 3].

Транспарціроўка эмігрантаў у Аргенціну ажыццяўлялася караблямі другога і трэцяга класаў сусветных мараходных кампаній «Chargeurs Reunis», «Cosulich Line», «Królewska Holenderski Lloyd», «Navigatione Generale Italiana», «Nelson Line», «Royal Mail Line», «Societe Generale de Transports Maritimes a Vapeur». Месцам адплыву караблёў былі парты Гдыня, Гданьск, Амстэрдам, Генуя, Трыест, Ліверпуль, Марсель. Кошт дарожнага білета трэцяга класа складаў 950–1030 зл. Праезд дзяцей 5–10 гадоў аплачваўся напалову, ад 1 да 5 годощ – ¼ ад агульнага кошту дарожнага білету, а дзеці да 1 года ехалі бясплатна [21, с. 42–44]. Падарожжа морам працягвалася каля чатырох тыдняў. Падчас падарожжа эмігрант меў права правесці з сабой да 150 кг багажу, які не абкладаўся дадатковым падаткам. Рэчы асабістага карыстання коштам да 400 злотых таксама падаткаабкладанню не падлягалі [24, л. 39].

Працаўладкаванне сельскагаспадарчых і прамысловых эмігрантаў у правінцыях Аргенціны

Заходнебеларуская эміграцыя ў Аргенціну насіла пераважна аграрны характар. Акрамя сельскай гаспадаркі, перасяленцы былі заняты таксама ў прамысловасці і сферы абслугоўвання. Паводле статыстычных звестак, у 1927–1937 гг. асноўную кольскаць эмігрантаў складалі сельскагаспадарчыя рабочыя – каля 59,4 тыс. чал., у той час як прамысловых работнікаў налічвалася каля 10,4 тыс., а работнікаў сферы абслугоўвання – каля 1,2 тыс. [18, с. 56]. Такая сітуацыя на працоўным рынку Аргенціны была характэрнай на працягу ўсяго міжваенага перыяду: перавага надавалася сельскагаспадарчаму накірунку працы, якая заключалася ў апрацоўцы зямлі, зборы ўраджаю, працах на плантацыях матэ, цукровага трыснягу і інш. [4, с. 27].

Прамысловасць у Аргенціне была слабаразвітай, таму прамысловая эміграцыя не была асабліва распаўсюджанай сярод эмігрантаў з Заходняй Беларусі [11, л. 75]. Насельніцтва, якое накіроўвалася ў гарады Аргенціны, працаўладкоўваліся на невялікія заводы і фабрыкі. Штодзённая заработная плата эмігрантаў на прадпрыемствах Буэнас-Айрэса складала ў сярэднім 6,5 песа: для столяра – 6,77 песа, гарбарнага рабочага – 6,7 песа, электрамеханіка – 6,33 песа, каваля – 6,62 песа, механіка – 6,71 песа, паліроўшчыка мэблі – 8,16 песа, маляра і трактарыста – 6,55 песа [11, л. 79]. Аплата працы была невялікай, а ў выпадках неабходнасці арэнды пакою, за які ў месяц у сярэднім прыходзілася плаціць па 32–52 песа, яна ўвогуле была нязначнай [21, с. 20]. Дзённая аплата працы сельскагаспадарчых рабочых у сярэднім складала 6–8 песа, пры зборы кукурузы – 4 песа, цукравага трыснягу – 9–12 песа. Аднак аплата жаночай працы была ніжэйшай прыкладна на 2 песа. Па дадзеных Дырэкцыі статыстыкі, прыбыткі сельскагаспадарчых рабочых і іх сямей складалі ў 1923 г. 2 516 песа [21, с. 19].

Прамысловым работнікам каменаломняў у дзень плацілі па 3,5, а чугуначнікам – па 2,4–3,5 песа. Становішча жанчын-эмігрантак на прамысловых прадпрыемствах было даволі складаным: акрамя нізкай заработнай платы і дрэнных умоў працы, назіраліся дыферэнцыраваныя адносіны да эмігрантаў [25, с. 4]. Напрыклад, у прэсе неаднаразова адзначалася складанае палажэнне эмігрантак на мясным індустрыяльным сіндыкаце «Ля Блянка» ў горадзе Фрыгарыфіка [26, с. 5].

Параўнанне штомесячных прыбыткаў прамысловых і сельскагаспадарчых работнікаў паказвае, што яны ў сярэднім атрымлівалі аднолькавую заработную плату: месячная заработная плата каваля складала 80–90 песа (без уліку выдадкаў на ўтрыманне), сельскагаспадарчага работніка з жонкай-кухаркай – 90–100 песа [11, л. 89].

Для больш яскравага ўяўлення аб заработнай плаце заходнебеларускіх эмігрантаў прывядзём кошты прадуктаў першай неабходнасці ў Буэнас-Айрэсе (1 кг): хлеб каштаваў 35–40 санцісімаў, мяса – 55–62, бульба – 8–12, соль – 10–15, цукар – 35–38, рыс – 40–43; за 1 літр малака плацілі 20 санцісімаў, а дзесятак яек – 8–9. Рабочая вопратка ў сярэднім каштавала каля 80 песа, а абутак ад 13 да 50 [21, с. 22].

Уся зямельная ўласнасць у Аргенціне падзялялася на прыватную і дзяржаўную. 1 га зямлі ў сярэднім каштаваў 1–2 долара, ў правінцыі Місьёнес – 9,27 долара. На сельскагаспадарчую сям'ю адводзілася па 25–50 га ў правінцыі Місьёнес, у правінцыі Чака і Фармоса – па 50–100 [19, л. 12]. Пры пакупцы зямлі давалася адтэрміноўка на 6 гадоў, аднак на працягу двух гадоў неабходна было пабудаваць дом, пасадзіць некалькі дрэваў, выкарыстаць у зямельнай гаспадарцы не менш за 50 % канцэсіённай зямлі. Прадаваць такую зямельную гаспадарку было забаронена. Прыватная зямля была даражэйшай і каштавала 150–600 песа за 1 га, аднак на пакупку такой зямлі магчыма было атрымаць фінансавую дапамогу ад Іпатэчнага банку, які прадастаўляў 80 % аплаты на крэдытных умовах [19, л. 13].

Спачатку беларусы разам з рускімі і ўкраінскімі пасяленцамі асвойвалі пампу – паўднёваамерыканскую зямлю з неабсяжнымі прасторамі нявыкарыстаных ўрадлівых зямель. Аргенцінскія ўлады ўсяляк заахвочвалі «аграіміграцыю», бо яшчэ ў 1880-х гадах было афіцыйна заяўлена аб намеры пераўтварыць Аргенціну ў аднаго з сусветных лідэраў па вытворчасці і экспарце сельскагаспадарчых прадуктаў. Гэтая задача была вырашана за 20–25 гадоў у значнай ступені дзякуючы заходнебеларускім перасяленцам [8, с. 110–115].

Эмігранты, якія накіроўваліся ў Аргенціну, рассяляліся амаль па ўсёй тэрыторыі краіны, аднак найбольш шчыльная канцэнтрацыя назіралася ў Буэнас-Айрэсе, правінцыях Буэнас-Айрэс і Місьёнес, Парана, Чака, Мендоза, Тукуман, Санта Фэ, Рыа Негра, Фармоса, Карыентэс, Кардоба [22, л. 160]. У 1929 г. вялікая колькасць каланістаў назіралася ў правінцыях Місьёнес – каля 20 000 чалавек, Санта Фэ – 8 000, Кардоба – 7 000, Буэнас-Айрэс – 6 000, Тукуман – 3 000, Мендоза – 1 000 [27, л. 2]. Эміграцыйная палітыка аргенцінскіх уладаў складалася такім чынам, што правінцыя Місьёнес стала месцам пасялення для палякаў, а Тукуман і Кардоба – для меншасцяў з Польшчы [28, л. 100; 29, л. 14].

Адной з найбольш папулярных правінцый Аргенціны, куды эмігрыравала насельніцтва з Заходняй Беларусі, была Кардоба [30, л. 7–9]. Транспарціроўка эмігрантаў у Кардобу была калектыўнай і адбывалася ў тэрміны, устаноўленыя Эміграцыйным сіндыкатам. Да выезду эмігранты падрыхтоўвалі ўсе неабходныя дакументы і запаўнялі анкеты на выезд у калонію прадпрымальнікаў Я. Палацыо і П. Зукермана. У цэнтральнай і ўсходняй частках Кардобы пераважалі раўнінныя і стэпавыя землі. Менавіта ў гэтых раёнах найбольш спрыяльным заняткам было земляробства. Чацвёртая частка ўсіх зямель Кардобы была пакрыта лясамі. Галоўным заняткам насельніцтва гэтых тэрыторый з'яўлялася земляробства і жывёлагадоўля.

У 1929 г. 2 млн 172 тыс. га зямлі было выдзелена пад пасевы пшаніцы, 2 млн га – пад люцэрну, 609 тыс. га – пад кукурузу, 79 тыс. га – пад садавіну. У жывёлагадоўлі найбольшае распаўсюджанне атрымала развядзенне буйной рагатай жывёлы. Па статыстычных дадзеных 1929 г., у правінцыі Кардоба гадавалася 4 млн 104 тыс. галоў буйной рагатай жывёлы, 775 тыс. авечак, 211 тыс. свіней, 1 млн. 300 тыс. коней, 821 тыс. коз і інш. [31, л. 37].

Асноўная частка эмігрантаў, якія выязджалі ў правінцыю Кардоба, працаўладкоўвалася на прадпрыемствы і землі каланіяльных інжынераў Юйосе Палацыо і Педро Зукермана, якія знаходзілася ў 14 гадзінах падарожжа на цягніку ад Буэнас-Айрэса ў акругах Тотурал, Талумба, Рыа Сека і Кандэлярыя. У першыя месяцы побыту дазвалялася вывозіць лес на продаж, а грошы, атрыманыя ад продажу драўніны, накіроўваліся на добраўпарадкаванне гаспадаркі. Да моманту пабудовы каланістамі на набытай зямлі дому ці памяшкання адміністрацыя калоніі бясплатна засяляла іх у гігіенічныя баракі [31, л. 44].

Сем'і каланістаў у асноўным складаліся з трох асоб, двое з якіх павінны былі быць здольнымі да сельскагаспадарчый працы. Зямельны надзел ў памеры 33 га набывалі актам куплі-продажу, які заключаўся паміж каланістам і каланіяльнымі прадстаўнікамі. Кошт зямлі залежаў ад адлегласці надзела да чугуначнай станцыі і ў сярэднім складаў 80–100 аргенцінскіх песа за 1 га [31, л. 45]. Першапачатковы грашовы ўзнос раўняўся 330 песа, астатак падзяляўся на чатыры роўныя часткі і выплачваўся пасля трэцяга году побыту. Ад сумы, якую павінен быў выплаціць каланіст, бралася дадатковая плата ў памеры 7 %, якая падлягала аплаце пасля трох гадоў. Зямельны надзел каланіста павінен быў быць ачышчаны ад лесу на 1/3 ад усёй тэрыторыі і мець дастатковую меліярацыю. Каланіст ці сям'я каланіста абавязваліся вычысціць і ўпарадкаваць болей 2/3 агульнай тэрыторыі зямельнага надзелу на працягу першых двух гадоў. Сям'я эмігранта павінна была мець 60 песа на першыя тры месяцы пражывання. Кожны каланіст павінен быў набыць у адміністрацыі калоніі на суму 120 песа, якія выдаваліся наяўнымі грашыма пры выплаце кошту за карабельны білет, 2-х рабочых коней, карову і 2-х свіней [30, л. 9].

Кошт карабельнага білета да Буэнас-Айрэса для членаў сельскагаспадарчых сямей складаў 75 дол. з кожнага дарослага чалавека. Аргенцінская віза для такіх асоб была па 5 дол. (43 злотых 70 грошаў). Блізкія сваякі плацілі па 35 амерыканскіх долараў з асобы (305 злотых 60 грошаў) [23, л. 42а]. Праезд з Буэнас-Айрэса да зямельнага надзела для сям'і каланістаў быў бясплатны. Перасяленцам дазвалялася браць з сабой багаж, які не перавышаў 100 кг на кожны карабельны білет. Такім чынам, акрамя грошай на дарожны білет і аргенцінскую візу, сям'я каланістаў, якая накіроўвалася ў Кардобу з мэтай уладкавання на зямлі, павінна была мець 330 песа на зямлю, 120 песа на закупку інвентару, 60 песа на першыя месяцы побыту [31, л. 36].

У правінцыі Місьёнес існавалі калоніі «Азара» польскага тававарыства імя Я. Сабескага, калонія «Корпус» польскага таварыства імя Ю. Пілсудскага, калонія «Пасадас», «Cerro Cora», «San Josse», «San Javier», «Bompland» і інш. [21, с. 35]. У Паўднёвай Аргенціне (Патагонія) распаўсюджанымі сельскагаспадарчымі тэрыторыямі былі Тэрыт і Рыа Нэгра, якія размяшчаліся ў даліне ракі Рыа Нэгро і працягваліся ўздоўж чыгуначных станцый В'едма – Сан Антоніо, Кармэн дэ Патагонес – В'едма, Сан Антоніо – Барілоче [32, с. 61].

Санітарная апека ў сельскагаспадарчых калоніях Аргенціны і медыцынскае абслугоўванне рабочых было на нізкім узроўні. У сакавіку 1927 г. у федэральнай калоніі Кандзіду-дзі-Абрэў, дзе размяшчалася каля 200 сямей эмігрантаў, успыхнула эпідэмія малярыі, у выніку якой за тыдзень памёрла 7 чалавек [33, с. 2–3; 34, л. 3].

Грамадская і сацыяльна-культурная дзейнасць перасяленцаў у Аргенціне

Польскае пасольства, консульства і патранат ў Буэнас-Айрэсе, а таксама польскія таварыствы (Саюз польскіх таварыстваў і арганізацый у Аргенціне, таварыства «Польскі дом», таварыства «Вольная Польшча») займаліся каардынацыяй сацыяльнай апекі эмігрантаў [23, с. 33]. 1 снежня 1931 г. у Буэнас Айрэсе быў адкрыты філіял Польскай касы апекі – «Banko Polacy Polska kasa opieki» [35, л. 1].

Грамадскае і сацыяльна-культурнае жыццё беларусаў у Аргенціне адбывалася ў цесным кантакце і сувязі з прадстаўнікамі ўкраінскай эміграцыі. У 1920-я гг. быў створаны Аргенцінскі саюз беларускіх і ўкраінскіх рабочых арганізацый, які ў канцы 1930-х гадоў быў расфарміраваны. У 1925 г. было падпісана пагадненне аб узаемадзеянні беларускай і ўкраінскай дыяспар Аргенціны. Абедзве дыяспары разам дабіваліся ад аргенцінскіх улад сацыяльнай дапамогі, ліквідацыі дыскрымінацыі пры працаўладкаванні, атрыманні вышэйшай адукацыі, надзялення часовым бясплатным жыллём, ільгот на плацяжы за выдавецкую, культурна-асветную, гуманітарную дзейнасць. Былі пацверджаны правы пажылых (больш за 65 гадоў) беларускіх, украінскіх і расійскіх эмігрантаў, што былі бежанцамі ці перамешчанымі асобамі [8, с. 114].

Сярод тых, хто выехаў у Аргенціну ў 1925–1939 гг., былі прадстаўнікі і члены Кампартый Заходняй Беларусі. Менавіта таму першае нацыянальнае незалежнае беларускае культурна-асветніцкае таварыства, якое было заснавана ў снежні 1934 г., насіла назву «Беларуская грамада». У 1930-я гады былі заснаваны таксама таварыствы «Культура», «Бібліятэка імя І. Луцкевіча», «Белавежа». Гэтыя чатыры таварыствы ў 1939 г. аб'ядналіся ў Федэрацыю беларускіх арганізацый у Аргенціне. У склад Управы федэрацыі ўвайшлі Міхась Мярэчка, Уладзіслаў Гайлевіч, Пятрушак і іншыя. Сацыяльна-эканамічныя, палітычныя і культурныя бакі жыцця эмігрантаў з Заходняй Беларусі асвятляліся ў часопісах «Голас польскі» і «Эмігрант у Аргенціне», якія выдаваліся ў Буэнас-Айрэсе [8, с. 115].

У беларускіх асяродках праводзілася мастацкая аматарская работа. Эміграцкая і аргенцінская публіка ўпершыню ўбачыла спектакль на беларускай мове «Мікітаў лапаць», пачула беларускія песні і вершы, танцы. Мастацкі гурток культурна-асветніцкага таварыства «Бібліятэка імя І. Луцкевіча» апрача выступленняў у Нацыянальным тэатры Буэнас-Айрэса і правінцыях Аргенціны выязджаў таксама на гастролі ў суседні Уругвай.

У таварыствах працавалі курсы арыфметыкі, бухгалтэрыі, іспанскай мовы, збіраліся кнігі для грамадскіх бібліятэк. Камісія Федэрацыі па справах культуры наладзіла ў 1939 г. выданне «Белорусскога иллюстрированного календаря» на рускай мове. На жаль, беларуская эміграцыя ў большасці сваёй не выкарыстоўвала родную літаратурную мову [8, с. 115].

Нягледзячы на станоўчыя моманты эміграцыйных працэсаў, амаль усе эмігранты не ведалі мовы, мясцовых законаў, назіралася адарванасць ад аргенцінскага рабочага класа, а таксама адсутнасць элементарных палітычных правоў – гэта ўскладняла цяжкае сацыяльна-эканамічнае і культурнае становішча заходнебеларускіх перасяленцаў, асабліва на працягу першых гадоў эміграцкага жыцця.

Заключэнне

Такім чынам, масавая эміграцыя беларусаў у Аргенціну на працягу 1920–30-х гг. прывяла да таго, што напярэданні Другой сусветнай вайны былі сфарміраваны каланіяльныя асяродкі заходнебеларускіх эмігрантаў у Буэнас-Айрэсе, Кардобе, Місьёнесе, Тукумане, Чака і іншых рэгіёнах гэтай краіны. Закон «Аб іміграцыі» ад 6 (19) кастрычніка 1876 г. быў галоўным іміграцыйным юрыдычным дакументам Аргенціны, а Генеральная іміграцыйная дырэкцыя з'ялялася цэнтральнай ўстановай,

якая рэгулявала міграцыйныя працэсы. На працягу 1921–1939 гг. з тэрыторыі Заходняй Беларусі выехала ў правінцыі Аргенціны каля 53 тысяч чалавек. Эміграцыя насіла пераважна аграрны характар і была прадстаўлена сельскагаспадарчымі сем'ямі і рабочымі. Для большасці эмігрантаў набыццё зямельнага надзела з'яўлялася складанай задачай па прычыне высокага кошту зямлі: толькі 30 % эмігрантаў маглі набыць зямельныя надзелы. Акрамя таго, у большасці выпадкаў для каланізацыі вылучаліся аддаленыя незаселеныя тэрыторыі ў трапічным лесе з дзяржаўнага зямельнага фонду. Цяжкасці з набыццём зямлі, якая ў асноўным знаходзілася ў руках латыфундыстаў, прывялі да распаўсюджання арэнднай формы землеўладання. Адаптацыя эмігрантаў была складанай, яна залежала ад сацыяльных і эканамічных умоў працы. Аргенцінскія прадпрымальнікі эксплуатавалі эмігрантаў шляхам інтэсіфікацыі працы, павелічэння працягласці працоўнага дня, эканоміі пры жыллёвым будаўніцтве, забеспячэнні аховы працы і сацыяльным страхаванні.

СПІС ЛІТАРАТУРЫ

1. Kołodzej, E. Wzchodźstwo zarobkowe z Polski. 1918–1939 / E. Kołodzej. – Warszawa : Książka i wiedza, 1982. – 291 s.
2. Kula, M. Dzieje Polonib w Ameryce Łacińskiej / M. Kula. – Wrocław – Warszawa–Kraków–Gdańsk–Łódź : Zakład narodowy im. Ossolińskich, 1981. – 484 s.
3. Jacewicz, A. Santa Rosa / A. Jacewicz. – Lonynie : Veritas. – 1934. –74 s.
4. Paradowska, M. Podróżnicy i emigranci / M. Paradowska. – Warszawa : Interpress, 1984. –218 s.
5. Polonia w Ameryce Łacińskiej / Red. nauk. Z. Dobosiewicz, W. Rómmel. – Warszawa : –248 s.
6. Włodek, J. Argentyna i emigracja / J. Włodek. – Warszawa : M. Arcta, 1923. – 516 s.
7. Кризис в цифрах // Рабочая правда. –1933. – 1 октября.
8. Беларуская дыяспара : нарысы гісторыі і сучаснага стану / М.М. Бацян [і інш.] / Мінск : БДУ, 2006. – 160 с.
9. Emigracja z ziem polskich w czasach nowożytnych i najnowszych (XVIII–XX) / Pod. red. A. Pilcha. – Warszawa : Państwowe wyd-wo Naukowe, 1984. – 537 s.
10. Głos. – 1927. – 5 сакавіка.
11. Archiwum Akt Nowych (AAN). – Zespół MSZ. – K. 9792.
12. Janowska, H. Emigracja zarobkowa w Polsce. 1918–1939 / H. Janowska. – Warszawa. – 186 s.
13. AAN. – Zespół MSZ. – K. 9796.
14. Лісты Галоўнага эміграцыйнага ўпраўлення ў Варшаве, польскага пасольства ў Аргенціне і польскага патронату ў Іспаніі аб папярэджанні эмігрантаў аб карыстанні паслугамі каланізацыйнага таварыства «Эльдарада» ў Аргенціне (1931) // Дзяржаўны гістарычны архіў у г. Львове (ДГАЛ). – Фонд 422. – Воп. 1. – Спр. 607.
15. AAN. – Zespół MSZ. – K. 9790.
16. AAN. – Zespół MSZ. – K. 9777.
17. Szawleski, M. Kwestja emigracji w Polsce / M. Szawleski. – Warszawa : Polske Towarzystwa Emigracyjne, 1927. – 208 s.
18. Mały rocznik statystyczny. – Warszawa, 1938. – 406 s.
19. AAN. – Zespół MSZ. – K. 9616.
20. Цыркуляры і ўказанні эміграцыйнага сіндыкату аб эміграцыі ў Аргенціну і Бразілію // Дзяржаўны архіў Брэсцкай вобласці (ДАБВ). – Фонд 2082. – Воп. 1. – Спр. 9.
21. Wskazówki dla wychodźstwa do Argentyny (Mała biblioteka emigranta polskiego № 2). – Warszawa, 1929. – 64 s.

22. Брашура мараходнага таварыства «Галандска-каралеўскі Лойд» аб умовах эміграцыі ў Аргенціну, Бразілію, Уругвай пры пасрэдніцтве дадзенага таварыства // ДГАЛ – Фонд 422. – Воп. 1. – Спр. 558.

23. Цыркуляры Эміграцыйнага сіндыкату і перапіска з ім па пытаннях дзейнасці аддзелаў // ДАБВ – Фонд 2082. – Воп. 1. – Спр. 3.

24. Цыркуляры і пастановы Эміграцыйнага сіндыкату па пытаннях эміграцыі // ДАБВ – Фонд 377. – Воп. 1. – Спр. 2.

25. Слово женщины работницы // Рабочая правда. –1933. – 1 октября.

26. Как эксплуатируют рабочих женщин в г. Фригорифрика на фабрике «Ля Блянка» // Рабочая правда. – 1933. – 9 июля.

27. AAN – Zespół MSZ. – K. 9577.

28. AAN – Zespół MSZ. – K. 9617.

29. AAN – Zespół MSZ. – K. 9794.

30. Інфармацыйныя бюлетэні Эміграцыйнага сіндыкату ў Варшаве (1932) // ДГАЛ – Фонд 799. – Воп. 1. – Спр. 9.

31. Цыркуляры Эміграцыйнага сіндыкату // ДАБВ. – Фонд 377. – Воп. 1. – Спр. 1.

32. Kwartnik Instytutu Naukowego do badań emigracyjnych i kolonizacyjnych. – 1928. – T. 2, 3.

33. Wychodźstwo. – 1927. – № 18.

34. AAN. – Zespół MSZ. – K. 9799.

35. Лісты Галоўнага эміграцыйнага ўпраўлення ў Варшаве аб адкрыцці філіяла Польскай касы апекі ў Аргенціне (1931) // ДГАЛ – Фонд 422. – Воп. 1. – Спр. 608.

Miarchuk V.M. **Emigration of the Population from the Territory of West Belarus Region in the Province of Argentina in the 20-30s of the XX Century**

In the article the information about the population movement to Argentina during the intermilitary periов is presented. The subject of this survey is the migratory process of the 1921s–1939s from Western Belarus. In the research the documentary-legal base of emigration, the visa policy and transportation, and the statistics of emigratory processes, and also adaptation of West Belarus emigrants in the provinces Argentin is analyzed. The conclusions is made that in search of good salary and the best destiny a considerable quantity of Western Belorussians left for Argentina – the country which was the most popular among emigratory directions of the 20s–30s of the XX century.The emigration to Argentina provinces was mostly of agrarian character and was presented by agricultural families and workers. From the territory of Novogruskaye, Vilenskaye, Polesskaye, Belastokskaye vojevodstva a considerable quantity West Belarusian emigrants in search of better life went to Argentina.

Рукапіс паступіў у рэдкалегію 25.11.2011

УДК 001 : 004

Н.Е. Дядичкина

НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ ОРГАНИЗАЦИИ МЕЖДУНАРОДНОГО СОТРУДНИЧЕСТВА АКАДЕМИИ НАУК БССР (вторая половина 1950-х – 1980-е гг.)

Статья посвящена отдельному аспекту исследовательской работы по изучению международного сотрудничества академической науки БССР в период второй половины 1950-х – 1980-е гг. Показаны проблемы и недостатки, которые имели место в организации международного сотрудничества Академии наук БССР, негативно влиявшие на его эффективность.

Система международного сотрудничества Академии наук БССР, посредством которой осуществлялось профессиональное общение белорусских учёных и сообществ научных деятелей других стран и обеспечивалось движение научного знания между ними, сформировалась и получила развитие во второй половине 1950-х – 1980-е годы. В организационном плане, являясь частью единой общесоюзной государственной системы координации и управления наукой, она выступала как особая подсистема в системе международного сотрудничества советской академической науки. Международные связи АН БССР осуществлялись в основном через Академию наук СССР в соответствии с её планами сотрудничества с зарубежными странами. Определённая часть контактов (командировки в промышленные и неакадемические учреждения) осуществлялась через Государственный комитет Совета Министров СССР по координации научно-исследовательских работ (в 1965 г. преобразован в Государственный комитет Совета Министров СССР по науке и технике).

Во второй половине 1950-х – 1960-е г. происходило становлением системы международного научного сотрудничества академической науки, сформировался её организационно-правовой механизм, возникли формы международного взаимодействия, обеспечивавшие обмен научной информацией между белорусскими учёными и их зарубежными коллегами. В отличие от этого периода, когда международные научные контакты носили в основном ознакомительный, эпизодический характер, в 1970–1980-е годы они приобрели характер стабильного, долгосрочного, систематичного сотрудничества, причём в отношениях как с социалистическими, так и с капиталистическими странами. Если предшествующие годы в значительной степени были периодом взаимного ознакомления с исследовательскими работами и научными центрами, то в 1970–1980-е гг. международное сотрудничество АН БССР поднялось на качественно новый уровень своего развития: происходил процесс перемещения сотрудничества из сферы обмена готовыми результатами научных работ в область координации и непосредственной кооперации в осуществлении научных исследований. Переход к долгосрочному планированию связей, рост масштабов сотрудничества, постепенное переключение на кооперацию сил при разработке совместных проблем в системе двух-и многостороннего сотрудничества стало характерной приметой научного сотрудничества АН БССР в 1970–1980-е гг., свидетельствующей о развитии взаимосвязанных процессов расширения и углубления интеграции отечественной науки в мировое научное пространство.

Участие в международном сотрудничестве посредством разнообразных форм взаимодействия, получение оперативной информации о состоянии актуальных научных работ за рубежом (научных результатах, методиках исследований, экспериментальной аппаратуре) позволяло белорусским учёным, рационально используя кадровые, матери-

ально-технические и финансовые ресурсы, корректировать и активизировать собственные научные исследования: увеличивать или уменьшать объём тех или иных работ, сокращать сроки их проведения, ускорять выполнение плановых работ, избегать параллелизма в исследованиях; проводить исследования на более высоком научном уровне, используя необходимую информацию или уникальные экспериментальные установки; избегать затрат на приобретение дорогостоящего оборудования или создавать его с минимальными затратами; определять и развивать новые перспективные направления исследований. Благодаря международному сотрудничеству белорусским учёным удалось достигнуть немалых успехов в исследованиях по математике, физике твёрдого тела, спектроскопии, оптике, квантовой электронике, теоретической физике, тепло- и массообмену, физике и механике металлополимеров, атомной энергетике, технической кибернетике, химии неорганических соединений, физиологии человека и животных, биологии и другим направлениям, имевшим важное значение для научно-технического прогресса республики.

Особенно значительных успехов позволило добиться проведение совместных работ с зарубежными научными центрами. Их результатом было освоение новых перспективных научных направлений, создание новых материалов, механизмов и т.п., имевших большое практическое значение. Например, совместные работы лаборатории структурной механики и трения полимеров Института механики металлополимерных систем АН БССР и лаборатории механики поверхностей Национального центра научных исследований Франции, проводившиеся с 1972 г. по теме «Исследование структурных превращений, происходящих при трении твёрдых тел, разработка научных приборов для изучения этих процессов», привели к созданию новых фрикционных материалов с повышенной износостойкостью для узлов сухого трения сельхозмашин и автомобилей, использовавшихся в народном хозяйстве республики [1, л. 14; 2, л. 19, 20; 3, л. 25, 26]. Итогом сотрудничества Института физики АН БССР и Института биофизической химии М. Планка (Гёттинген, ФРГ) по теме «Исследование органических красителей и лазеров на их основе» (1981–1984 гг.) стало освоение нового научного направления – лазерной спектроскопии сверхохлажденных органических молекул [4, л. 127; 5, л. 143; 6, л. 103; 7, л. 65].

Однако в организации международного научного взаимодействия белорусских учёных имели место определённые проблемы и недостатки, которые негативно влияли на его эффективность. Об этом в работах советских авторов, посвящённых проблеме международного сотрудничества БССР, не принято было писать. Анализ каких-либо проблемных, негативных моментов в них полностью отсутствует. Написанные в условиях партийно-идеологического контроля над наукой, в традициях советской исторической науки, они выдержаны в рамках официальных политико-идеологических схем. Желание показать преимущество социалистической системы привело к тому, что внимание авторов, как правило, было сосредоточено только на успехах, в то время как трудности, недостатки и ошибки традиционно игнорировались. Но, задавшись целью объективного исследования проблемы международного сотрудничества белорусской академической науки, нам необходимо выяснить недостатки, которые, безусловно, имели место в организации международных научных контактов.

Прежде всего, следует сказать о том, что, несмотря на повышение уровня участия АН БССР в международных интеграционных процессах на протяжении всего рассматриваемого периода, он, тем не менее, не соответствовал уровню её научного потенциала и потребностей. Своего рода универсальным показателем развития международного научного сотрудничества являются данные о количестве учёных Академии наук БССР, выезжавших в загранкомандировки, и принимаемых академическими учреждениями БССР иностранных специалистов, поскольку многие формы связей так или иначе были связаны с обменом специалистами для различных целей. Факты

показывают, что общий объём международных научных контактов, осуществлённых во второй половине 1950-х – 1960-е гг., был сравнительно невелик, хотя количество выезжавших за границу, а также принимаемых в академических учреждениях иностранцев ежегодно увеличивалось. Так, в 1957 г. за границу выезжали всего 12 научных сотрудников АН БССР, в 1965 г. – 36 сотрудников, а в 1969 г. в загранкомандировках побывало уже 90 человек [8, с. 125; 9, с. 115; 10, с. 74]. Если в 1959 году академические учреждения посетили 15 иностранных специалистов, в 1965 г. – 40 человек, то в 1969 г. уже 344 [9, с. 119; 10, с. 724; 11, с. 126;]. О масштабах и динамике международного сотрудничества АН БССР в 1970–1980 е гг. говорят следующие данные. Если в 1970 г. в научные центры зарубежных стран выезжало 87 учёных Академии наук БССР, а в 1980 г. в зарубежные научные командировки было отправлено 198 учёных и специалистов, то в 1989 г. – уже 687 сотрудников; если в 1970 г. в академических учреждениях БССР было принято 316 иностранных учёных и специалистов, в 1980 г. – 503 человека, то в 1989 г. уже 663 зарубежных учёных и специалиста [12, с. 114, 118; 13, с. 140; 14, с. 128]. Как видно, на протяжении рассматриваемого периода наблюдается увеличение и числа учёных, выезжавших в научные загранкомандировки, и количества иностранных специалистов, посещавших Академию наук БССР. При этом если во второй половине 1950-х – 1960-е гг. белорусские ученые в основном выезжали для участия в краткосрочных научных мероприятиях, то в 1970–1980-е гг. чаще стали выезжать с целью длительной специализации по актуальным проблемам, а также для выполнения работ в рамках совместных исследований.

Но, несмотря на ежегодное увеличение числа выезжавших за границу учёных АН БССР, их доля в отношении к общему количеству научных сотрудников академических учреждений всё же оставалась невысокой на протяжении всего рассматриваемого периода. Во второй половине 1950-х – 1960-е гг. она составляла, по нашим подсчётам, не более 3 %. Это говорит о том, что большая часть научных работников не имела возможности выезжать в загранкомандировки. Некоторые академические институты почти не имели зарубежных контактов. В основном в загранкомандировки направлялись специалисты, относящихся к категории руководителей (директора институтов, их заместители, заведующие лабораториями). Уровень участия отечественной академической науки в международных научных интеграционных процессах, в том числе и в рамках многостороннего сотрудничества социалистических государств во второй половине 1950-х – 1960-е гг., был весьма низким. В 1970–1980-е гг., несмотря на возраставшее количество выезжавших в загранкомандировки учёных, их доля в общей численности научных сотрудников Академии наук БССР, всё же оставалась невысокой, достигнув в 1987 г., по нашим данным, 4,9 %.

Это было обусловлено главным образом тем, что при планировании международных связей Академии наук БССР, являющихся составной частью общей системы международного сотрудничества академической науки СССР, в недостаточной мере учитывались интересы, потребности академий наук союзных республик, в том числе и АН БССР, допускался перекос в сторону академических научных учреждений Москвы и Ленинграда. В громоздком механизме единого научного комплекса СССР, построенном по принципу жёсткой иерархической централизации, роль АН БССР в осуществлении сотрудничества фактически сводилась к подготовке планов и осуществлению непосредственного руководства практической реализацией научных связей. Среди участников научного обмена по линии АН СССР учёные учреждений республиканских академий были представлены весьма слабо, в недостаточной мере. Их представители сравнительно редко направлялись в передовые зарубежные научные центры, им не предоставлялось достаточного числа мест в делегациях на международные научные конгрессы и конференции. Планы Академии наук БССР,

представленные в Академию наук СССР, как правило, существенно изменялись в сторону сокращения [15, л. 229]. Так, из 1 045 человек, направленных АН СССР в зарубежные командировки в 1965 г., от академий наук союзных республик вместе взятых выезжало лишь 102 человека (10 %) [16, л. 62]. В целом представительство советских учёных на международной арене, с нашей точки зрения, было недостаточным. Приведём такой пример. На XI Международный конгресс исторических наук, который проходил в августе 1960 г. в Стокгольме (Швеция), съехалось более 2 тысяч историков из 51 страны. Делегация АН СССР, в составе которой был директор Института истории АН БССР И.С. Кравченко, была слишком малочисленной – всего 16 человек; даже число советских учёных, ездивших на этот конгресс за свой счёт, в качестве туристов, было незначительным [17, л. 65].

На протяжении всего рассматриваемого периода расширялась и география связей. Она охватывала в основном европейские страны, а также США, Канаду, некоторые государства Азии. При этом большая часть научных контактов приходилась на европейские государства социалистического лагеря. Об этом говорит следующий факт: в 1966–1970 гг. за границу выезжало 386 научных сотрудников АН БССР, из них 239 – в социалистические, 147 – в капиталистические страны [18, л. 183]. Об этом же красноречиво говорят и цифры, показывающие количество научных работников, принятых в Академии наук БССР из капиталистических и социалистических стран. Научно-исследовательская интеграция и кооперация, достигшая наибольшего развития в многостороннем и двустороннем сотрудничестве с европейскими социалистическими странами, позволяла решать многие важные научные задачи, вызванные научно-техническим прогрессом. Однако доминирование ориентации международных научных контактов на страны социалистического лагеря, недостаточная представленность академических учреждений в сотрудничестве с передовыми в научно-техническом отношении странами мира во многом предопределили отставание республики, как и всего Советского Союза, от мирового уровня в развитии целого ряда научных направлений и новейших технологий (микроэлектроника, информационные и биотехнологии, вычислительная техника). Следует учитывать и то обстоятельство, что в условиях противостояния социалистической и капиталистической систем самые передовые высокотехнологичные научные области в индустриально развитых государствах были, как правило, закрыты для советских специалистов. Из-за опасения утечки секретных технологий правительство США, например, прибегало к ограничениям научных обменов путем отказа в визах советским учёным, проявляющим интерес к таким областям, как новейшие материалы, электроника, робототехника, аэрокосмическая техника, быстродействующие компьютеры. Часть заявок Академии наук СССР на участие в межакадемических программах отвергались НАН США совсем или принимались с условием посещения лишь тех научных учреждений, которые были разрешены [19, с. 649].

Эффективность международного сотрудничества снижали и другие недостатки, имевшиеся в его организации. Обращает на себя внимание низкая результативность ряда загранкомандировок. Для того, чтобы приобретённая в результате научных командировок информация анализировалась и учитывалась в работе академических учреждений, после возвращения из-за границы научные сотрудники должны были представлять подробные отчёты о проделанной работе и давать предложения по использованию зарубежного опыта. Результаты командировок затем рассматривались на Учёных советах институтов и Бюро Отделений, которые давали оценку командировкам и принимали решения о внедрении доложенных результатов и полезных предложений в работе научных учреждений. Однако отчёты выезжавших сотрудников зачастую носили поверхностный характер, не содержали предложений о внедрении полезного опыта и нередко сводились к изложению протокольных формальностей. Это может объясняться, кроме

прочего, недостаточной осведомлённостью специалистов о состоянии той или иной отрасли науки в стране, куда они командировались (наличии квалифицированных специалистов, возможностях использования зарубежной экспериментальной базы и т.д.). В подтверждение последнего предположения говорит то обстоятельство, что при планировании международных связей от академических учреждений зачастую поступало недостаточно или совсем не поступало предложений о направлении сотрудников в те или иные научные учреждения, что, в свою очередь, приводило к потере потенциальных возможностей международного сотрудничества. Эффективность ряда научных командировок могла значительно снижаться и по причине отсутствия должной языковой подготовки некоторых научных сотрудников: это не позволяло вести полноценный обмен мнениями по научным вопросам. Не всегда использовались возможности для получения полезной информации и во время посещения иностранными специалистами учреждений Академии наук БССР. Проблемы имелись и в организации внедрения уже приобретённого позитивного зарубежного опыта в исследовательскую работу академических учреждений. Результаты командировок не всегда обстоятельно обсуждались на Учёных советах институтов и Бюро Отделений. Нередко ограничивались информацией выезжавшего без оценки результатов поездки и принятия определённых решений по внедрению полезного опыта в научно-исследовательскую работу институтов. Несмотря на то, что Президиумом Академии наук БССР принимались меры для более оперативного использования в научных исследованиях результатов загранкомандировок и внедрения в производство научных разработок, полученных с применением зарубежного опыта, в целом, по нашему мнению, деятельность АН БССР, рассматриваемая в аспекте её международного сотрудничества, не в полной мере отвечала требованиям научно-технического прогресса.

Международное научное сотрудничество, являясь одним из важнейших рычагов повышения эффективности научных исследований АН БССР, способствовало наращиванию научно-технического потенциала республики. По результатам исследований, выполненных учреждениями АН БССР в сотрудничестве с зарубежными научными центрами, были созданы новые сорта сельскохозяйственных культур, образцы оборудования, материалы, разработаны новейшие технологические процессы, методы диагностики и лечения заболеваний, которые нашли своё применение на промышленных предприятиях, в сельском хозяйстве, здравоохранении и сфере обслуживания. Так, в 1983 г. по результатам сотрудничества Института тепло- и массообмена АН БССР и Государственного исследовательского института машиностроения ЧССР была создана вентиляционная установка с теплообменником на тепловых трубах УТ-Ф-12 для утилизации тепла удаляемого воздуха в животноводческих помещениях, которая была поставлена на серийное производство [20, л. 126]. Это позволило существенно экономить топливо, расходуемое на теплоснабжение (снижение на 50–60 % при сроке окупаемости 1–2 года). Установка имела различные преимущества, в т.ч. минимальные массогабаритные показатели и морозоустойчивость.

Разработки белорусских учёных находили применение не только в народном хозяйстве республики. АН БССР проводила работу и по коммерческой реализации своей научной продукции (высокоэффективные машины, приборы, материалы, технологии) за рубежом благодаря получившим развитие патентованию изобретений отечественных исследователей за рубежом и продаже лицензий на разработки академических институтов. На изобретения белорусских учёных были получены патенты во многих странах мира: США, Японии, ФРГ, Великобритании, Франции, Канаде, Швеции, Норвегии, Швейцарии, Австрии, Австралии и др. Это говорит о том, что они соответствовали уровню лучших мировых образцов. Определяющую роль в практике патентования играли те учреждения, где наряду с теоретическими исследованиями

широко велись и прикладные разработки. Процесс патентования за рубежом прошли многие изобретения учёных Института физики, Института физики твёрдого тела и полупроводников, Института механики металлополимерных систем, Физико-технического института АН БССР. Количество запатентованных разработок возрастало из года в год. Если в 1970 г. учреждениями АН БССР из разных стран было получено всего 8 патентов, то в 1987 г. уже 55 [12, с. 77; 21, с. 81]. Следствием патентования изобретений и разработок за рубежом было заключение лицензионных соглашений с иностранными фирмами. Заинтересованные в приобретении лицензий, зарубежные фирмы посылали своих специалистов в академические учреждения для ознакомления с лицензионной тематикой, процессами и инструментами в условиях опытного производства, проведения переговоров о приобретении лицензий. Им предоставлялась информация рекламного характера без раскрытия технической сущности того или иного способа или метода. Затем через внешнеторговые объединения «Лицензинторг» и «Внештехника» с зарубежными фирмами и организациями заключались лицензионные соглашения и контракты. Первое в практике АН БССР лицензионное соглашение было заключено в 1976 г. с Кремниковским металлургическим комбинатом (НРБ) на применение «Способа импульсно-локального магнитного контроля механических свойств листового проката сталей и устройства для осуществления контроля», разработанного в Отделе физики неразрушающего контроля АН БССР [18, с. 268]. Соглашения и контракты на разработки академических институтов (передачу знаний, опыта, права и оборудования, проведение работ) заключались с фирмами и организациями ГДР, ЧССР, СФРЮ, НРБ, ВНР, ПНР, СРВ, Австралии, Аргентины, Италии, Кубы, Швеции, Швейцарии, Финляндии, ФРГ, Японии.

Однако положение дел с внедрением результатов научных исследований в производство республики не отвечало задачам научно-технического прогресса. Академии наук БССР так и не удалось выйти на широкое промышленное внедрение научных разработок, полученных с применением зарубежного опыта, которые могли бы революционизировать производство. Уровень освоения научно-технических разработок в хозяйственной практике в целом оставался невысоким. Академическая наука слабо влияла на развитие таких ключевых отраслей экономики республики, как машиностроение и станкостроение, информатика и вычислительная техника, химическая промышленность и стройиндустрия. Отсутствовали ощутимые результаты в решении задач агропромышленного комплекса, а также решении проблемы ликвидации последствий аварии на Чернобыльской АЭС. Это, в свою очередь, приводило к растущему отставанию экономического потенциала республики, как и всего Советского Союза, от уровня ряда индустриально развитых государств. Главная причина того, что научные разработки слабо внедрялись в производство, заключалась в принципиальном дефекте советского народного хозяйства – отсутствии экономической заинтересованности производства в инновациях. Министерства и ведомства БССР, на предприятиях которых могли бы использоваться разработки институтов АН БССР, слабо вели работу по отбору этих разработок, не проявляли необходимого интереса к результатам деятельности научных учреждений, слабо привлекали научные силы для выявления и решения актуальных научно-технических проблем, не уделяли должного внимания повышению технического уровня производства, не принимали должных мер к сокращению сроков опытно-промышленной проверки результатов научно-исследовательских работ и организации их внедрения в производство, затягивали сроки проверки и промышленного внедрения научно-технических разработок. Академическая наука оставалась оторванной от реализации своих достижений в производственной сфере республики, которая не принимала этих достижений как дорогостоящих и требующих смены оборудования, переподготовки кадров и т.п. Нередко оказывалось так, что к тому моменту, когда науч-

но-технические разработки всё-таки внедрялись в производство, они уже «морально устаревали» и не соответствовали мировому уровню. Во многих случаях разработки, внедрённые на отдельных предприятиях, не находили широкого распространения во всей отрасли, что значительно снижало их экономическую эффективность. Зачастую ценные разработки белорусских учёных гораздо быстрее находили применение за рубежом (по купленным лицензиям), чем в своей стране.

Таким образом, в организации международного сотрудничества Академии наук БССР во второй половине 1950-х – 1980-е гг. имели место проблемы, негативно влиявшие на его эффективность. Несмотря на повышение уровня участия академической науки в международных интеграционных процессах на протяжении всего рассматриваемого периода, он, тем не менее, не соответствовал уровню её научного потенциала и потребностей. Доля выезжавших за границу в отношении к общему количеству научных сотрудников академических учреждений оставалась невысокой на протяжении всего рассматриваемого периода. Доминирование ориентации международных научных контактов на страны социалистического лагеря, недостаточная представленность академических учреждений в сотрудничестве с передовыми в научно-техническом отношении странами мира во многом предопределили отставание БССР, как и всего Советского Союза, от мирового уровня в развитии целого ряда научных направлений и новейших технологий. Это позволяет сделать вывод о том, что деятельность АН БССР, рассматриваемая в аспекте её международного сотрудничества, была успешной не в полной мере. А отсутствие экономической заинтересованности производства в инновациях привело к тому, что положение дел с внедрением результатов научных исследований в народное хозяйство республики также не отвечало требованиям научно-технического прогресса.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Отчёт Института механики металлополимерных систем АН БСР о научно-исследовательской деятельности (1973 г.) // Центральный научный архив НАН Беларуси (ЦНАНАНБ). – Фонд 82. – Оп. 1. – Д. 46.

2. Отчёт о научно-исследовательской и организационной деятельности Института механики металлополимерных систем АН БССР (1974 г.) // ЦНАНАНБ – Фонд 82. – Оп. 1. – Д. 51.

3. Отчёт Института механики металлополимерных систем АН БСР о научно-исследовательской деятельности (1975 г.) // ЦНАНАНБ – Фонд 82. – Оп. 1. – Д. 54.

4. Отчёт о научной деятельности Института физики Академии наук БССР за 1980 г. // ЦНАНАНБ – Фонд 42. – Оп. 1. – Д. 359.

5. Отчёт о научной деятельности Института физики АН БССР за 1982 г. // ЦНАНАНБ – Фонд 42. – Оп. 1. – Д. 390.

6. Отчёт о научной деятельности Института физики АН БССР за 1983 г. // ЦНАНАНБ – Фонд 42. – Оп. 1. – Д. 403.

7. Отчёт о научной деятельности Института физики АН БССР за 1984 г. // ЦНАНАНБ – Фонд 42. – Оп. 1. – Д. 421.

8. Отчёт о научной деятельности АН БССР за 1965 г. // ЦНАНАНБ – Фонд 1. – Оп. 1. – Д. 21.

9. Отчёт о деятельности АН БССР за 1969 г. // ЦНАНАНБ – Фонд 1. – Оп. 1. – Д. 29.

10. Отчёт о деятельности Академии наук БССР за 1957 г. // ЦНАНАНБ – Фонд 1. – Оп. 1. – Д. 793.

11. Отчёт о научной деятельности Академии наук БССР за 1959 г. // ЦНАНАНБ – Фонд 1. – Оп. 1. – Д. 927.

12. Отчёт о деятельности АН БССР за 1970 г. // ЦНАНАНБ – Фонд 1. – Оп. 1. – Д. 34.

13. Отчёт о деятельности АН БССР за 1980 г. // ЦНАНАНБ – Фонд 1. – Оп. 1. – Д. 70.

14. Отчёт о деятельности АН БССР за 1989 г. // ЦНАНАНБ – Фонд 1. – Оп. 1. – Д. 79.

15. Протоколы заседаний Президиума АН БССР (1960 г.) // ЦНАНАНБ – Фонд 1. – Оп. 1. – Д. 959.

16. Постановления, распоряжения АН СССР и другие руководящие материалы по научным связям с зарубежными странами (1966 г.) // ЦНАНАНБ – Фонд 1з. – Оп. 1. – Д. 75.

17. Постановления, распоряжения АН СССР и БССР и другие руководящие материалы по научным связям с зарубежными странами (1961 г.) // ЦНАНАНБ – Фонд 1з. – Оп. 1. – Д. 1.

18. Отчёты, справки, доклады о международных научных связях АН БССР за 1971–1976 гг. // ЦНАНАНБ – Фонд 1. – Оп. 1. – Д. 3682.

19. Данилин, Т.Д. Взгляд из США на советско-американское научное сотрудничество / Т.Д. Данилин // Вестник Академии наук СССР. – 1993. –№ 7. – С. 647–649.

20. Отчёты АН БССР о научном сотрудничестве за 1983–1989 гг. // ЦНАНАНБ – Фонд 1. – Оп. 1. – Д. 3683.

21. Отчёт о деятельности АН БССР за 1987 г. // ЦНАНАНБ – Фонд 1. – Оп. 1. – Д. 77.

Dyadichkina N.E. **Some Problems of Organization of International Cooperation of the Academy of Sciences of the Soviet Republic of Byelorussia (the second part of 1950–80 years)**

The article is dedicated to an individual aspect of research work about the international cooperation of academic science in the Soviet Republic of Byelorussia during the second part of the 1950–1980 years. The author shows the problems and demerits in the organization of the international cooperation of the Academy of Sciences of the Soviet Republic of Byelorussia which had a negative influence on its effectiveness.

Рукапіс паступіў у рэдкалегію 19.01.2012

УДК 338.47+164

А.В. Черновалов, В.Л. Клюня

ЛОГИСТИКА В ИНСТИТУЦИОНАЛЬНОЙ ЭКОНОМИКЕ

Получившая в последнее время широкое распространение новая институциональная экономическая теория расширяет свои предметные границы и охватывает все новые области практической хозяйственной деятельности человека, в том числе и логистическую. В статье представлены основные конструктивные элементы количественного метода в институциональной экономике, современная сетевая концепция логистики и приемы оценки эффективности внедрения логистических проектов в конкретную хозяйственную среду.

Введение

Термин логистика становится все более модным и популярным не только в научной среде, но и в группах предпринимателей и руководителей крупных предприятий. Однако каждый из участников логистического разговора вкладывает в это понятие свое собственное содержание, а иногда просто вырывает из общего контекста отдельные составляющие общей логистической концепции в неопределенных целях. Более того, встречаются случаи, когда логистикой называют обыкновенную транспортно-экспедиционную деятельность, осуществляемую в любых условиях хозяйствования, или пытаются присваивать статус логистических технологий стандартной деятельности оптовых организаций «старосоветского пошива», использующих складские процессы вековой давности. При этом забывается также, что во главу угла при организации хозяйствования некоторых фирм ставится концепция наращивания запаса, в то время как логистика внедряется для противоположного рода деятельности – снижения запаса до самого минимума (практически до нуля) и организации работы транспорта по методу «точно вовремя». Бесспорно, для подобных хозяйственных процессов необходима реальная, глубоко укоренившаяся в хозяйственную среду конкуренция и такие условия хозяйствования, которые активно используют антимонопольное законодательство. Поэтому возникают важные вопросы: все ли логистические технологии применимы к данному конкретному институциональному окружению в определенном государстве и какие технологии эластичны к действующим институтам, а какие нет. Ответить на них должна *институциональная логистика,* или логистика, рассматриваемая в рамках институциональной экономической теории.

Логистика в неоклассической и неоинституциональной экономиках

Тезис 1. Логистика, рассматриваемая с позиций неоклассической теории, направлена на снижение общих затрат, связанных с организацией и управлением цепью поставок. Логистика в институциональной экономике отвечает на вопрос: применимы ли в данных хозяйственных условиях современные логистические технологии?

Можно начать с простых гипотез, предполагающих, что применение логистических цепей поставок (с точки зрения неоклассического анализа) снижает для фирмы общие затраты и позволяет приобрести в условиях конкурентной среды преимущества, основанные на реализации поставок в срок с наиболее низкими производственными запасами. В противовес этому подходу институциональный анализ позволяет оценить существующие возможности для внедрения той или иной логистической цепочки в конкретные хозяйственные условия фирмы, региона, государства. Оказывается, что одного желания внедрить в фирменную среду логистики недостаточно; следует

оценить, насколько рассматриваемые технологии эластичны к действующим хозяйственным условиям, которые могут заставлять фирму не снижать запасы, а наоборот, наращивать их, и в этом случае мы имеем уже не логистику, а обыкновенное снабжение.

Если обратится к наследию неоклассической школы, то основу всех ее теоретических построений составляет так называемая *теорема «невидимой руки»* и развивающий ее *критерий Парето оптимальности*. В формулировке М. Блауга теорема представляется следующим образом: рыночный механизм позволяет индивидам лучше всех судить о своих собственных интересах и побуждает их действовать независимо от других индивидов, что приводит к коллективному результату, максимизирующему функцию общественного благосостояния на основе индивидуальных предпочтений [1, с. 210]. Здесь сформулированы основные постулаты неоклассического подхода, основанного на полной рациональности, максимизации полезности и методологическом индивидуализме, что применительно к логистике понимается как требование снижения затрат, функционирования организации в конкурентной среде с обязательным положительным эффектом при внедрении любых логистических проектов (последнее институциональная экономика ставит под сомнение). Критерий Парето-эффективности в интерпретации того же М. Блауга звучит так: «Совершенная конкуренция автоматически максимизирует коллективное счастье (полезность) в том смысле, что никакое перераспределение ресурсов не может улучшить положение одних агентов, не ухудшая положения других». Данный критерий привнес в мейнстрим основополагающие принципы равновесия и эффективности [1, с. 205]. На этой основе в неоклассике построен постулативный фундамент, дающий возможности для последующего развития количественного анализа с применением как равновесных алгебраических, так и графических моделей. Такую же логику следует использовать и в институционалистике. При этом за основу постулативного аппарата следует взять теорему Коуза, которая в нашей трактовке (более понятной студентам и сформулированной в последних работах самим Р. Коузом) можно сформулировать так: конечный результат, максимизирующий ценность производства, не зависит от юридической системы (правовых норм), если трансакционные издержки равны нулю и, наоборот, зависит от нее, если трансакционные издержки положительны [2, с. 115]. Применительно к логистике, находящейся в рамках контрактных отношений, эта теорема означает, что, кроме трансформационных или производственных издержек, непосредственно связанных с транспортировкой, анализу должны подвергаться и трансакционные издержки, т.е. издержки исполнения контрактов.

Однако нам представляется, что теорема Коуза, если использовать ее в исследовании хозяйственных процессов в славянских странах с определенными заданными параметрами ментальности, имеет определенные недостатки, на чем мы уже подробно останавливались [2, с. 115]. И все же содержание этой теоремы позволяет перейти к новому перечню постулатов, характерных для неоинституционального направления и включающего в себя требования ограниченной рациональности, ценности информации и наличия трансакционных издержек, принципу целеустремленности в индивидуальной ориентации на результат. Кроме того, логика развития институционального знания (по аналогии с неоклассикой) требует наличия методологического критерия оптимальности, или эффективности, решающего такие задачи научного знания, которые разрешил в неоклассике подход Парето. И здесь мы предлагаем использовать теорему институциональной эффективности для разрешения методологической проблемы расчета критериев институциональной эффективности, которая лежит в области формулирования моделей, использующих *принцип эластичности институциональной системы* по отношению к институциональной среде. Теорему институциональной эффективности можно сформулировать следующим образом: *если трансакционные издержки по-*

ложительны (TRC > 0), то их относительная экономия есть критерий институциональной эффективности при условии, что применяемая в экономической системе модель институционального проекта обладает параметрами эластичности по отношению к институциональной среде (наблюдается снижение размера колебаний ценовых норм) [2]. Применительно к логистике, это означает, что не каждый проект цепи поставок или логистической технологии непременно заработает в любых хозяйственных условиях: для этого необходимо либо приспосабливать проект к особенностям хозяйственных условий, либо подтягивать сами условия до такого состояния, чтобы была обеспечена безусловная эластичность данного проекта.

Современная логистическая концепция

Тезис 2. Логистика как наука предметом своего изучения имеет сетевую организацию цепей поставок, а основой экономико-математического моделирования – теорию графов.

Довольно часто можно наблюдать на рынках такую ситуацию, когда спрос на новые товары повседневного спроса сначала резко возрастает, но затем замедляется. Это происходит, когда достигается определенный уровень насыщения, сверх которого рост прекращается (асимптота y = a). Исследователи описывают подобные явления при помощи так называемой S-образной логистической функции [1]

$$f(x) = \frac{a}{1 + b \cdot e^{-cx}}, \text{ где } (a; b; c) > 0,$$

которая описывается следующей моделью (рисунок 1):

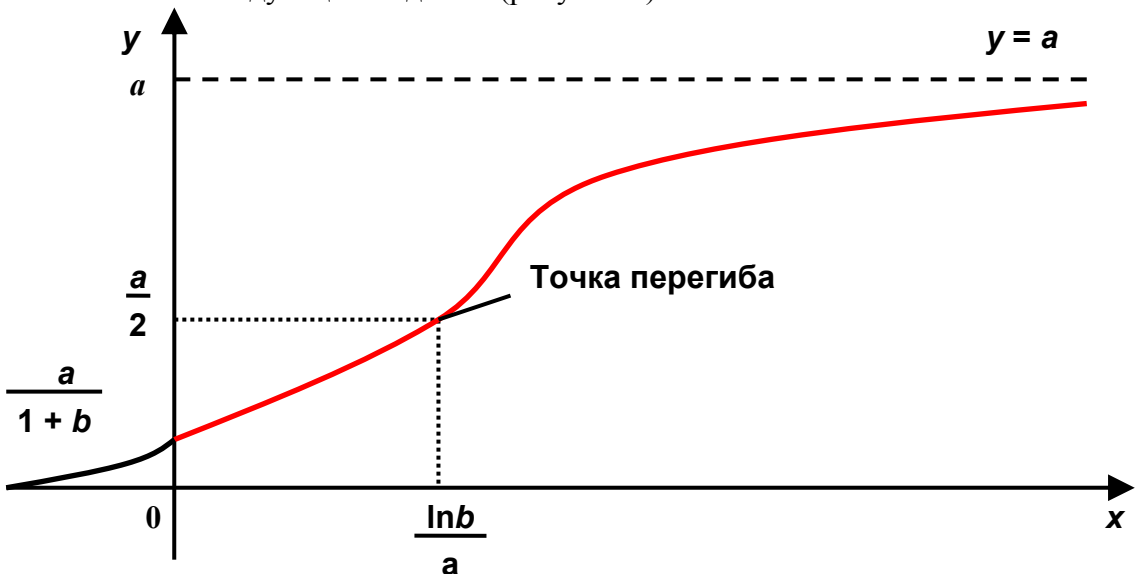

Рисунок 1 – Логистическая функция

Исходя из определения логистики, смысл логистической функции можно определить следующим образом: каждая положительная точка данной функции, устанавливающая определенный уровень спроса на конкретный товар, должна обеспечиваться бесперебойным функционированием материальных финансовых и информационных

[1] Логистическая функция имеет следующие свойства: кривая функции всегда принимает положительные значения, имеет две асимтоты и точку перегиба, является постоянно растущей кривой, не имеет экстремумов; осуществляя экономическое моделирование при помощи данной функции, следует рассматривать только положительную часть кривой – участок кривой обозначенный красным цветом.

потоков, реализующих доставку товара от производителя к потребителю. М. Христофер рассматривает логистические потоки, реализующие перемещение товаров от производителя к потребителю, как сеть взаимосвязанных и взаимозависимых организаций, которые функционируют на принципах сотрудничества, контролируют, организуют и совершенствуют материальные потоки от производителей к потребителям. Графически эти взаимосвязи представляются как абстрактная логистическая сеть (рисунок 2).

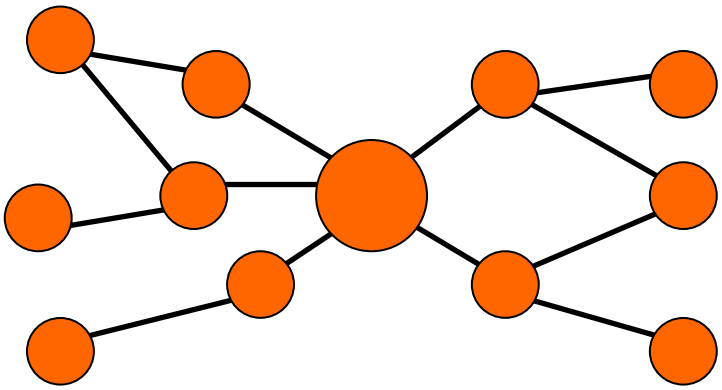

Рисунок 2 – Абстрактная логистическая сеть М. Христофера

Если соединить логистическую функцию и абстрактную логистическую сеть, то можно получить следующую графическую модель, которая объясняет большинство логистических процессов (рисунок 3). Экономическая модель логистической деятельности основана на том, что передвижение товаров и услуг, сохранение соответствующего уровня запасов, а также функционирование всей логистической инфраструктуры требует соответствующих финансовых затрат, являющихся причиной появления расходов (издержек) обслуживания логистических процессов. Перемещение логистических объектов между двумя логистическими объектами можно представить в виде модели сети:

$$f(x) = \frac{a}{1 + b \cdot e^{-cx}}, \text{ где } (a;b;c) > 0.$$

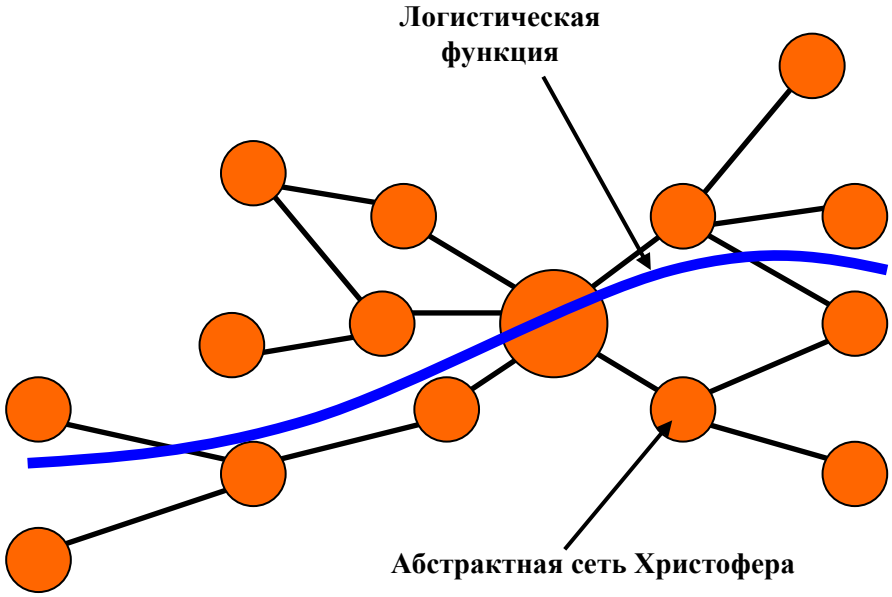

Рисунок 3 – Абстрактная сеть М. Христофера и логистическая функция

Абстрактная сеть М. Христофера интерпретируется при помощи графа, благодаря чему появляется возможность описания направлений движения перемещаемых логистических объектов (ПЛО) (паллеты, контейнеры, грузовые полуприцепы, корабли, вагоны и пр.). Подобно абстрактной сети в соответствующей физической сети можно определить направление перемещений ПЛО в существующей транспортной инфраструктуре, как это происходит в случае перемещения указанных объектов между терминалами. В физической сети функционирует транспортная отрасль народного хозяйства, предоставляющая фирмам и предприятиям средства транспорта для перемещения ПЛО в логистической точечной и линейной инфраструктуре.

Цепь поставок как проект

Тезис 3. Каждая планируемая логистическая цепь поставки должна быть представлена в виде проекта, или бизнес-плана, составленного по специальным правилам.

Под логистической сетью можно понимать группу конкурирующих и кооперирующих независимых фирм, использующих ее в целях повышения эффективности и усовершенствования процессов перемещения потоков товаров, сопутствующей информации в соответствии с ожиданиями клиентов. Такое определение сети соответствует определению интегрированной цепи поставок, данному М. Христофером. В этой связи цепь поставок более точно можно определить как «сеть связанных и взаимозависимых организаций, которые, действуя на принципах совместной деятельности, общими усилиями контролируют, управляют и усовершенствуют физические и информационные потоки от поставщиков к конечным потребителям» [3. с. 17]. Широко используемый сегодня термин «Supply Chain Management» («Управление цепями поставок») был предложен системным интегратором компанией «i2 Technologies» и консалтинговой компанией «Артур Андерсен» в начале 1980-х годов. Синтетическое определение цепи поставок, основанное на обобщении мнения большинства зарубежных ученых и специалистов, звучит в настоящее время так*: «Цепь поставок – это три или более экономические единицы (организации или лица), напрямую участвующих во внешних и внутренних потоках продукции, услуг, финансов и/или информации от источника до потребителя».*

Наиболее общий подход к проблемам функционирования сетей предприятий представляют *модель промышленных сетей* и *модель «пяти партнерских групп»*[2]. Для целей данной работы наиболее интересна канадская модель, которую рассмотрим несколько подробнее. Модель «*пяти партнерских групп*» представляет собой структуру управления, которая функционирует на основе кооперационных связей между независимыми предприятиями и другими субъектами. Такая сеть предприятий включает в себя пять партнерских групп с различающимися позициями и уровнем контроля в данной сетевой системе (рисунок 4). Ведущую позицию в такой сети занимает стоящая во главе «флотилии» сетевых единиц «флагманская фирма» (flagship firm) или «фокальная компания» (fokal company). Остальные участники сети – это главные поставщики, главные получатели, избранные конкуренты, другие участники неэкономической инфраструктурной сферы.

Такой подход основывается на концентрации у флагманской фирмы всех видов деятельности, связанных с ключевыми компетенциями, тогда как другие виды деятельности (с точки зрения затрат или стратегии) передаются для реализации кооперирующимся предприятиям (аутсорсинг). Кроме того, этот подход позволяет применять современные методы управления физическими и информационными потоками в цепях

[2] Создателями первой модели являются шведские исследователи Г. Хакассон, Дж. Джохансон, А. Лундгрен, Л. Маттсон, Г. Эстон. Вторую модель принято называть канадской, так как ее авторами являются представители этой страны (Дж. Д-Круз и А. Ругман).

поставок, такие как Just-in Time, Quick Response, ECR (Effective Consumer Response), и концепции управления outsoursing, lean management, lean logistics.

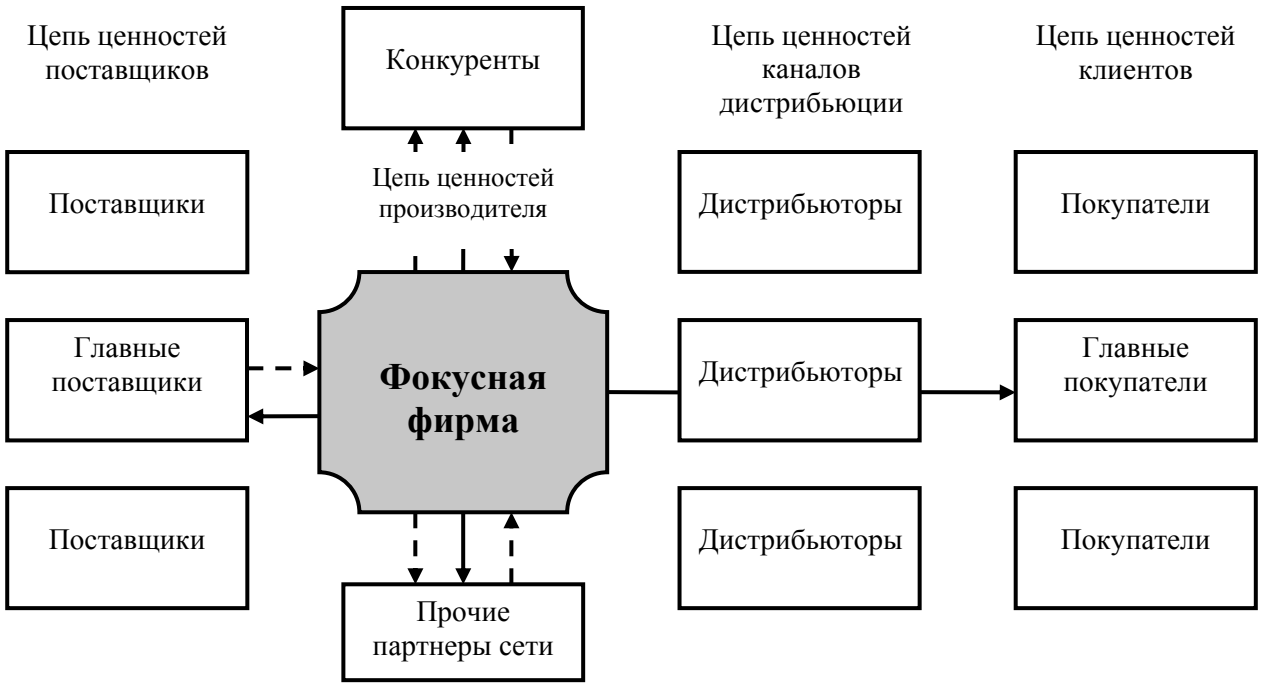

Рисунок 4 – Структура канадской модели сети

Проект каждой цепи поставок начинается с прогнозирования возможного спроса на товары и выбора основного поставщика этой продукции. Следующий этап построения цепи поставок связан с выбором фокусной фирмы, вокруг которой и будет стоиться логистическая структура. В качестве такой фирмы рекомендуется выбирать опытного логистического оператора, обладающего соответствующими компетенциями. Важным этапом проектирования цепи поставок является также выбор оператора перевозчика и складского оператора. Процедура выбора перевозчика, как и производителя, может использовать бально-рейтинговый метод.

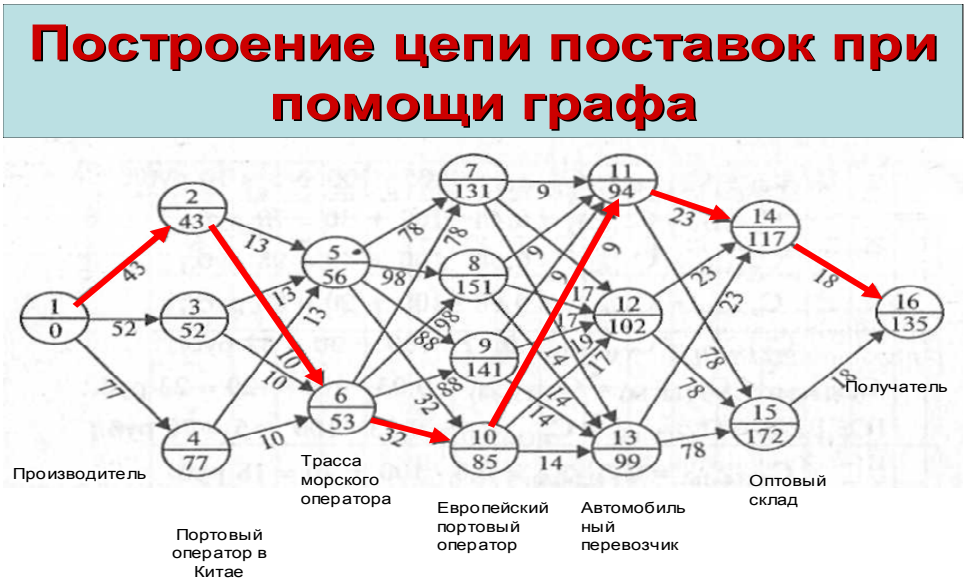

Рисунок 5 – Модель цепи поставок из Китая в Европу в виде графа

Завершение процедуры выбора перевозчика позволяет применить метод ориентированного графа в целях оптимизации различных возможных решений при построении модели основного варианта цепи поставок. Окончательный выбор логистических операторов и производителя дает возможность использовать метод графов для построения основного маршрута доставки, рассматривая различные варианты участия в цепи поставки транспортных фирм, морских операторов, консолидирующих складов и прочее (рисунок 5). Рассматриваемый рисунок показывает основные направления материального потока цепи поставок, а следующий рисунок 6 представляет его маршрутную карту: от выбранного производителя в морской порт Китая, оттуда выбранным маршрутом (через Суэцкий канал) в порт Западной Европы, затем разгрузка, доставка автомобильным транспортом на склад фирмы заказчика.

Основные параметрические характеристики цепи поставок бытовой техники из Китая в Западную Европу рассчитываются на основе стандарт-плана функционирования цепи поставок (рисунок 7). Как следует из рисунков 5–7, критический путь графа представляет собой наименее затратный путь следования от производителя к потребителю при заранее рассчитанном наименьшем объеме запаса на выбранном для проекта пути из реальной логистической инфраструктуры, характеризующей физическую глобальную сеть. Все описанное – это требования к организации цепи поставок, предъявляемые неоклассическим направлением в экономической теории.

Элементы оптимальной цепи поставок	Переменные издержки долл/1000	Постоянные издержки долл/1000
I. Доставка партии товаров от производителя в морской потр Китая 1. Автомобильный транспорт	0,33	10
II. Загрузка партии товаров на корабль-контейнеровоз: • operator 2	0,05	5
III. Доставка морским маршрутом в порт Западной Европы • Траса 4	0,02	30
IV. Разгрузка в порту назначения: • оператор 1	004	5
V. Доставка партии товаров на склад фирмы: 1. Автомобильный транспорт	0,73	5
VI. Документальное оформление партии и размещение в месте хранения	0,08	10

Рисунок 6 – Маршрутная карта цепи поставок из Китая в Европу

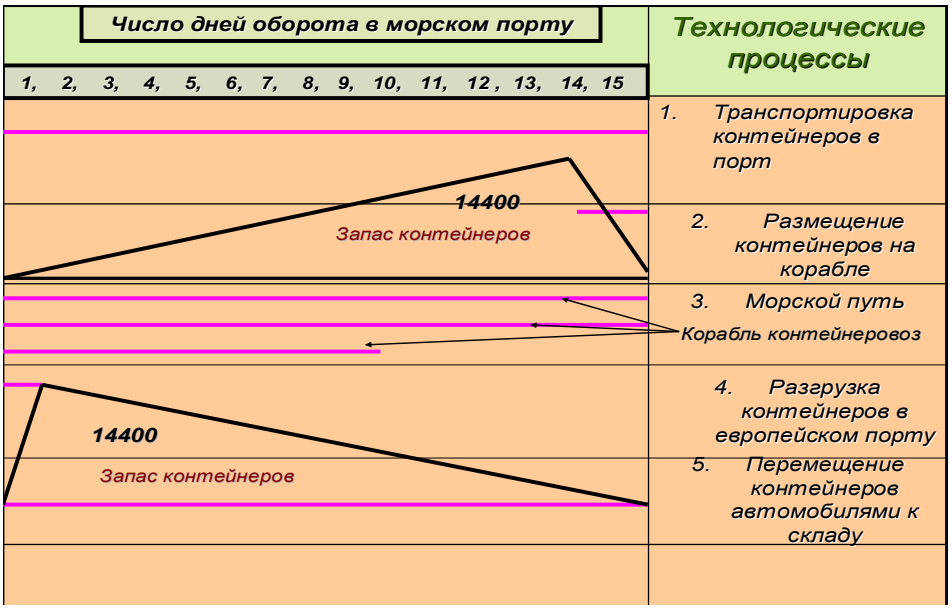

Рисунок 7 – Стандарт-план цепи поставок

Оценка эластичности цепи поставок к хозяйственной среде

Тезис 4. Внедрению подлежит такой проект, который может преодолеть хозяйственно-правовые барьеры и эластичен к хозяйственной среде.

В общем виде институциональное проектирование можно подразделить на несколько самостоятельных сфер знания, которые, несмотря на это, все же применяются при проектировании логистических цепей поставок совместно. Это организационно-правовое проектирование цепей поставок, контрактно-технологическое проектирование цепей поставок, организационно-мотивационное проектирование цепей поставок.

Характерной особенностью правового регулирования доставки товаров в международной торговле является то, что основные вопросы решены в международных соглашениях, содержащих унифицированные нормы, единообразно определяющие условия транспортировки и другие операции по поставке товаров. Такие соглашения содержат требования сопроводительным документам, определяют нормы приема грузов к перевозке, выдаче его в пунктах назначения, условия ответственности перевозчика, процедуру предъявления к перевозчику претензий и исков. При отсутствии единообразных международных правил обращаются к нормам национальных законодательств. При этом подлежащие к применению нормы права могут указываться в транспортных документах или инструкциях (система GS1), выдаваемых перевозчикам. Таким образом, источниками институциональных ресурсов для целей логистического проектирования являются международные договоры и соглашения; резолюции международных организаций по вопросам, связанным с логистическими операциями; система сертификатов ISO; национальные законодательства стран; судебная и арбитражная практика; традиции и обычаи, а также особенности национально-культурного и религиозного менталитета граждан стран; доктрины различных государств.

Таблица 1 – Содержание проекта цепи поставок из Китая в Европу

Направления деятельности	Барьеры	Виды трансакционных издержек	Эффекты
Совершенствование информационных систем	Низкий уровень знания правового обеспечения хозяйственных процессов в странах транзита	Информационные	Минимизация издержек

Продолжение таблицы 1

Развитие правовых основ в управлении собственностью	Барьеры в управлении собственностью	Издержки по охране прав собственности	Минимизация издержек
Упрощение и сокращение таможенных процедур	Процедурные и технические	Издержки управления и контроля	Минимизация издержек

Внешне институциональный проект цепи поставок может выглядеть в виде таблицы (таблица 1), в которой представлены данные о тех составляющих хозяйственно-правового обеспечения цепи, которые создают дополнительные барьеры для ее функционирования, что в конечном счете приводит к росту трансакционных издержек. Экономия этих издержек на основе повышения эластичности проекта к существующей хозяйственной среде является критерием институциональной эффективности. Далее осуществляются операции по оценке содержания представленного проекта на его эластичность к полученным условиям хозяйствования, для чего среди всех направлений совершенствования проекта выбираются максимум два основных направления деятельности (возможности нелинейного моделирования позволяют использовать большее число направлений совершенствования проекта), значимость которых оценивается с привлечением экспертов (таблица 2). Это позволяет установить значение коэффициентов корреляции и спроектировать математический профиль проекта в виде прямой линии или многомерных моделей.

Таблица 2 – Теснота связи некоторых характеристик проекта цепи поставок

Эксперт	Совершенствование информационных систем	Упрощение и сокращение таможенных процедур
1	35	25
2	25	15
3	30	45
4	45	50
5	40	35

Полученные в результате анализа модели сравниваются на координатной плоскости визуально (рисунок 8), а также рассчитывается коэффициент эластичности, на основе которого делается вывод об общей эластичности проекта [2].

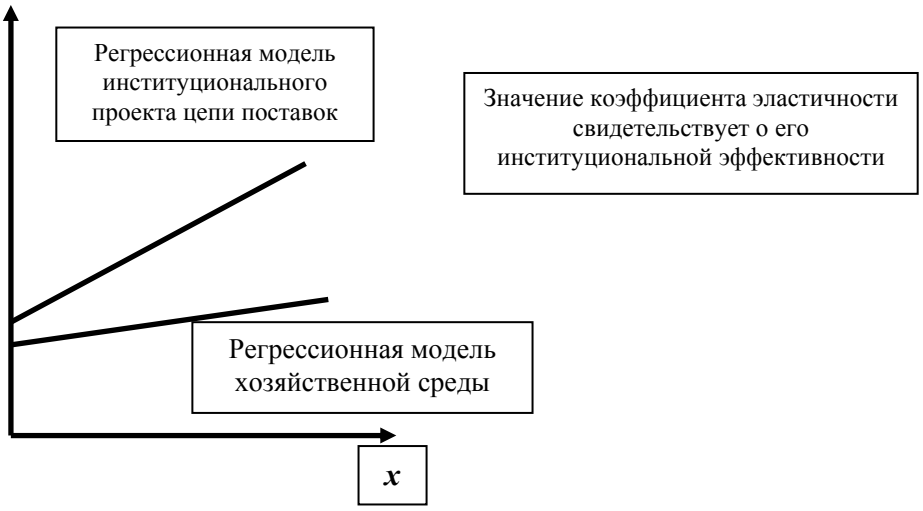

Рисунок 8 – Анализ эластичности проекта цепи к условиям хозяйствования

В дальнейшем таким же методам анализа подвергаются и характеристики хозяйственной среды тех национально-территориальных составляющих проекта, инфраструктура которых используется для реализации материальных потоков рассматриваемого проекта.

Заключение

Итак, материалы статьи показывают, что правильно спроектированная цепь поставок (как с точки зрения неоклассических правил, позволяющих обеспечить экономию трансформационных издержек, так и с точки зрения требований новой институциональной экономической теории, где минимизируются трансакционные издержки на основе принципа эластичности) позволяет логистическому оператору (фирме) обеспечить снижение рисков функционирования цепи и получить ценовые конкурентные преимущества.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Блауг, М. Методология экономической науки / М. Блауг. – М. : ЖВЭ, 2004. – 415 с.

2. Черновалов, А.В. Институционалистика : монография / А.В. Черновалов. – Брест : БрГУ имени А.С. Пушкина, 2010. – 214 с.

3. Черновалов, А.В. Логистика: современный практический опыт / А.В. Черновалов. – Минск : Изд-во Гревцова, 2008. – 296 с.

Charnavalau A.V., Klunya V.L. **Logistics in the Institutional Economics**

Being very widespread recently new institutional economic theory broadens its subject scope and covers new spheres of human economical activities, including logistics. The article describes basic elements of quantitative method in institutional economics, modern network concept in logistics and methods used for assessment of effectiveness of implementation of logistic projects into particular economic environment.

Рукапіс паступіў у рэдкалегію 22.02.2012

УДК 338.124.4

Б.В. Салихов, Е.В. Лунева

ЦИВИЛИЗАЦИОННЫЕ АСПЕКТЫ, ИЛИ ЦЕННОСТНО-СМЫСЛОВАЯ ОНТОЛОГИЯ СОВРЕМЕННОГО СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО КРИЗИСА

В статье показаны глубинные основания современного глобального системного социально-экономического кризиса; выявлены финансовые, когнитивные, познавательные, экономические, институциональные и другие основания кризисных явлений в хозяйственной действительности. Обосновано основное противоречие в системе современных социально-экономических отношений как противоречие между вещественным и человеческим капиталом. Охарактеризованы финансово-экономические, социальные и институциональные последствия цивилизационного кризиса, определяемого экономической теорией неолиберализма для российской экономики. Предложен общий вектор преодоления отечественного системного кризиса и развития экономических инноваций, связанный с формированием новой ценностно-смысловой системы экономических взаимодействий. Обосновано ключевое значение смысловых оснований социально-экономического развития и формирования хозяйственных инноваций. Показаны уровни становления инновационной экономики: производство созидательных смыслов, производство инновационных экономических знаний, создание конечных инновационных потребительских продуктов. Выявлена базовая роль соответствующих элитарных групп общества: политико-экономической элиты, креативной элиты и элиты в сфере производства. Охарактеризованы инновации в развитии системного метода исследования современной экономики и осуществлении инновационной деятельности.

Временно благоприятная конъюнктура на мировом рынке природных ресурсов, с одной стороны, формирует внешнее благополучие отечественной экономики и является фактором некоторой социальной стабильности общества. С другой стороны – высокие нефтегазовые цены становятся очевидной «удавкой» для формирующихся инновационных социально-экономических интенций, пролонгируя пагубность «ресурсного проклятия» в форме прежде всего развития идеологии *экономического собирательства* и рентоориентированного экономического менталитета. Отечественная экономика постепенно превращается в привычного поставщика природных экономических ресурсов, все более оказываясь на периферии наукоемких производств и все менее испытывая потребность в масштабных социально-экономических инновациях. Продолжающийся системный кризис лишь усиливает негативные тенденции складывающегося вектора отечественной хозяйственной динамики. При этом некоторые попытки властных структур противостоять тенденциям социально-экономической, образовательной и научно-технической деградации носят, к сожалению, весьма фрагментарный характер.

Цель данной статьи заключается в обнаружении путей качественного обновления научно-практической парадигмы управления социально-экономическим развитием нашей страны. Достижение поставленной цели предполагает последовательное решение следующих исследовательских задач. Во-первых, необходимо выявить глубинные основания современного системного социально-экономического кризиса. Во-вторых, следует предметно охарактеризовать современное содержание отечественных социально-экономических проблем, предопределяемых объективацией либерально-рыночной модели хозяйствования. В-третьих, предполагается выявить ключевые направления деятельности отечественной элиты в сфере формирования и развития основ инновационного вектора расширенного воспроизводства.

Онтология современного системного кризиса

Современный социально-экономический кризис – это кризис ценностей действующей либеральной (неолиберальной, либертарианской) научно-практической модели развития западной экономической цивилизации. Напомним ключевые ценности экономического либерализма: приоритет интересов эгоистического индивида; невмешательство государства в механизм рынка; основная цель воспроизводства – получение прибыли и рост денежного богатства. Результат экономического либерализма состоит в том, что в условиях масштабной и всеохватывающей монетаризации и финансиализации хозяйственных взаимодействий закономерно формируется и развивается денежный фетишизм, проникающий во все «поры» социальной действительности. По сути кризис стал закономерной реакцией экономической идеологии денежного фетишизма на действительные вызовы-императивы современности: глобализацию, когнитивизацию и интеллектуализацию экономики с предметной актуализацией роли мировых и национальных финансовых систем. Отсюда вытекают следующие уровни современного кризиса.

Во-первых, речь идет о продолжающемся глобальном финансовом кризисе, в основе которого обнаруживается воспроизводящееся противоречие между накоплением финансового богатства у одних экономических агентов и растущими потребностями производства новых знаний и продуктов. Пагубность денежного фетишизма здесь проявляется наиболее отчетливо, поскольку мировые и национальные финансовые институты и соответствующие субъекты давно «живут своей жизнью», которая все слабее корреспондируется с целями и задачами всего воспроизводственного цикла. Общим результатом является не только растущий паразитизм целых государств, осуществляющих непрерывный поиск «плохой» ренты, но и утрачивающаяся ясность понимания главного предназначения денежного рынка, призванного быть не инструментом финансиализации и деривативизации экономики, а основным транслятором, проводником мировых и национальных сбережений в инвестиционный сектор экономики.

Во-вторых, можно вполне обоснованно говорить о разворачивающемся глобальном когнитивном кризисе, содержание и динамика которого определяются обостряющимся противоречием между «продуктовой» и «знаниевой» экономикой, а также противоречием вещественного и человеческого капитала. При этом человеческий капитал до сих пор «стыдливо» считается затратным фактором производства, а не сферой первостепенных инвестиций. Между тем возрастание значения новейших знаний объективно предопределяет актуализацию нового «человеческого измерения» в социально-экономическом развитии, поскольку именно человек является единственным создателем новейших знаний и организатором их производительного применения. Поэтому можно утверждать, что *современный кризис не столько является кризисом перепроизводства товаров и услуг, сколько кризисом перепроизводства устаревших экономических знаний.* Таким образом, шумпетерианское «созидательное разрушение» следует увязывать не столько с обновлением вещественного капитала, сколько с диверсификацией и формированием нового качества человеческого капитала.

В-третьих, все отчетливей проявляется глобальный интеллектуальный кризис, если под действительно интеллектуальной экономикой понимать такую систему социально-экономических взаимодействий, которая обеспечивает расширенное воспроизводство на основе использования воспроизводимых экономических ресурсов. Отсюда следует, что глобальный интеллектуальный кризис имеет в своей основе противоречие между экономическим созиданием, основанным на воспроизводимых ресурсах, и экономическим производством в традиционном смысле, основанном на невоспроизводимых ресурсах. В онтологическом смысле речь идет о глубинном противоречии между антропоцентризмом и вульгарно-экономическом технократизмом, в рамках которого человек рассматривается лишь как средство достижения утилитарных целей. В этом же

контексте можно обозначить и противоречие между природной («плохой») и интеллектуальной («хорошей») рентой.

Сущность теоретико-методологического концепта экономического антропоцентризма заключается в том, что всестороннее развитие человека становится ключевой целевой функцией экономики; здесь технократическая «качественная количественность» преобразуется в гуманистическую «качественную целостность». Подробное содержание экономического антропоцентризма включает в себя, как минимум, следующие положения. Во-первых, в экономике «эпохи» человеческого и интеллектуального капитала сам человек определяет цели и задачи социально-экономического развития; здесь экономический товарно-денежный фетишизм уступает место созидательно-экономическому разуму человека. Во-вторых, не «продуктовая» экономика, а экономика знаний становится хозяйственной основой человеческого развития и социально-экономического прогресса в целом; при этом «человек-цель» объективно предопределяет формирование расширенного воспроизводства не всяких, а исключительно созидательных, гуманистически нацеленных знаний. В-третьих, в системе экономических интересов исчезает противопоставление интересов общества и интересов индивида; формируется парадигма гармонии интересов человека, выступающего одновременно как личность, член различных организаций, общества и мирового сообщества; здесь формируется методологический концепт, в рамках которого личность предстает как «свернувшееся общество», а общество выступает как «развернутая личность».

Если под кризисом понимать некий переломный момент или этап принятия определенных судьбоносных решений, то суть современного системного кризиса заключается в актуализации выбора: *либо экономика созидательных смыслов, либо экономика денежного фетишизма*. Человечество в целом и национальные экономики столкнулись с некой «кризисной вертикалью»: а) финансовый кризис; б) экономический кризис; в) социально-экономический кризис; г) ценностно-ментально-смысловой кризис. Именно ценностно-ментально-смысловой уровень системного кризиса чаще всего обходится стороной, поскольку он либо вовсе не обнаруживается, либо исследователи по-прежнему считают, что данный уровень должен находиться вне сферы социально-экономического анализа.

Теперь можно сделать следующие предварительные умозаключения из краткой характеристики масштабных последствий господства экономического либерализма образца «основного течения». Во-первых, выход из системного кризиса может быть обеспечен исключительно за счет научной разработки и масштабного использования такой системы мер, которая охватывала бы комплекс ментальных, ценностно-смысловых, социально-экономических, институциональных, а также собственно экономических механизмов. Во-вторых, применительно к отечественной экономике, находящейся в состоянии системного кризиса, возникает как минимум два взаимосвязанных вопроса: а) насколько сильно она поражена «вирусом» денежного фетишизма и б) существуют ли у общества иммунные силы, способные обеспечить масштабную интеллектуализацию и инновационную направленность социально-экономического развития?

Идеология либерализма «по-российски» и содержание ключевых проблем отечественной экономики

Основная причина кризиса отечественной экономики заключается в том, что в 90-е годы прошлого столетия российская государственная элита сделала сознательный выбор в пользу «заокеанской» модели хозяйственного развития. Кризисные последствия этого решения были предопределены отсутствием в экономике адекватной либеральной модели хозяйствования системы ценностей и «конкурентно-рыночного» экономического менталитета хозяйственных агентов. Отсутствовала также адекватная система образования и в целом требуемая социально-экономическая инфраструктура;

в нашей стране не было класса высокоэффективных собственников-созидателей и соответствующих управленческих и «рыночно-креативных» элит. Кроме того, общая структура экономики не была ориентирована на массового потребителя и не была способна к высокоэффективному восприятию инноваций. Таким образом, в нашей стране был реализован иррациональный вариант насильственного импорта либеральных ценностей и институтов, что привело к масштабной социально-экономической деструкции и общим «провалам» отечественной экономики. Отмеченные «провалы» охватывают финансово-экономические, социально-экономические и духовно-нравственные (созидательно-смысловые) аспекты деятельности.

Финансово-экономические аспекты системного кризиса российской экономики связаны прежде всего с «разрыхлением» основной функции денежного рынка, а именно с трансформацией национальных сбережений в национальные инвестиции. Суть денежного фетишизма в том и состоит, что погоня за «золотым тельцом» закономерно приводит к методологии и методике формирования финансовых пирамид. Добавим сюда непрерывное «бегство» и «увод» денежных активов за рубеж, и картина финансовых возможностей обеспечения инвестиций станет еще более нелицеприятной. Отметим также общий хронически невысокий объем сбережений российских домохозяйств: сберегаемая часть денежных доходов российских семей постоянно «колеблется» в пределах 12–14 % [1]. Но при существующем недоверии граждан институтам денежного рынка даже эти мизерные сбережения едва ли «пробиваются» в инвестиционный сектор экономики.

С экономической точки зрения, системный характер кризиса проявляется прежде всего в продолжающейся деструкции отечественной наукоемкой промышленности, что свидетельствует о подрыве научно-технической безопасности страны. Мы являемся свидетелями дальнейшего углубления инерционно-ресурсного сценария развития национального хозяйства, что грозит потерей интеллектуально-когнитивной безопасности, поскольку лучшие человеческие ресурсы «откачиваются» в сферу разведки, добычи и последующей распродажи национальных природных богатств, а не направляются на создание интеллектуальных продуктов. Растущая зависимость российской экономики от состояния и перспектив развития мирового хозяйства в целом несет прямую угрозу потери Россией экономической и военно-экономической безопасности.

Крайне низкий уровень нефинансовых инвестиций в нематериальные активы и в НИОКР (научно-исследовательские, опытно-конструкторские и технологические работы), которые в 2010 году составили 0,7 % от общего объема нефинансовых инвестиций в отечественной экономике, свидетельствует о господстве у отечественных субъектов хозяйствования крайних форм «технократического менталитета». Инвестиции в основной капитал носят, с одной стороны, «технократический характер»: строительство нежилых помещений втрое превышает объемы строительства жилых зданий. С другой стороны, имеет место устойчивая тенденция к деиндустриализации экономики: объемы инвестиций в машины и оборудование падают. Кроме того, низкий удельный вес долгосрочных финансовых вложений организаций (с 2005 по 2010 гг. долгосрочные финансовые вложения предприятий составляют всего около 20 %) свидетельствует о продолжающемся недоверии хозяйственных агентов как государству, так и действующим институтам отечественного рынка.

Предпринимательский сектор экономики по-прежнему демонстрирует «угасающую» активность. Внутренние затраты организаций на исследования и разработки хронически имеют очень невысокий удельный вес по отношению к ВВП (в 2006 г. – 1,07 %; в 2009 г. – 1,24 %). Это обстоятельство свидетельствует не только о «консервации» старых технологий производства и управленческих алгоритмов, но и о постоянном недоверии хозяйственных агентов действующим институтам. Настораживает то, что в обрабатывающей промышленности только 11,5 % предприятий осуществляют инновации; этого

явно недостаточно для инновационного развития экономики в целом. Добавим сюда продолжающуюся *руинизацию аграрного сектора* экономики [2], и общая картина отечественной хозяйственной деградации станет еще более печальной.

Социально-экономические аспекты системного кризиса российского хозяйства наиболее обобщенно выражены в сокращении численности населения РФ, в ухудшении качественно-количественных показателей человеческого капитала. В течение почти пятнадцати лет в российском обществе наблюдается постоянное углубление социальной дифференциации домохозяйств по уровню дохода и качеству жизни. Коэффициент фондов (коэффициент дифференциации доходов) в 2010 г. составил 16,5 раз, что превышает уровень 1995 г. на три пункта. Коэффициент Джини (индекс концентрации доходов) в 1995 г. составлял 0,39, что уже достаточно напряженно, а в 2010 г. он вырос до 0,42. Это свидетельствует о перманентном росте социального напряжения в обществе и свидетельствует о неспособности государства обеспечить социальную справедливость не только в доступе к экономическим ресурсам, но и в доступе к равным правам в сфере творчески-трудовой самореализации.

В социально-экономическом плане мы обнаруживаем растущее недоверие граждан государственной власти, что уходит «корнями» еще в несправедливую приватизацию и неправовое использование природных богатств. Это приводит к мультипликации социальных противоречий, связанных с различиями в «стартовых» возможностях молодежи и, следовательно, с грубыми нарушениями экологии личности, социальных групп, организаций, общества и природы. Очевидно, что существующие правила игры неадекватны императивам формирования достойной жизни домохозяйств; требуется новый механизм институционального предпринимательства государства и соответствующих экономических структур. Можно заключить, что в экономике социальной несправедливости невозможно создать коалиции для инноваций как в масштабе национального хозяйства, так и в рамках отдельных экономических и других организаций.

Стратегическим фактором социальной нестабильности является неправовая «стерилизация» природной ренты, что не только провоцирует формирование рентоориентированного менталитета, но и приводит к растущим масштабам получения монопольной ренты монополистами и административной ренты государственными чиновниками. Массовый поиск «плохой» (природной, монопольной, административной) ренты и угнетенное положение искателей «хорошей» (интеллектуальной) ренты предстает как глубинное социально-экономическое противоречие, предопределяющее реальную угрозу интеллектуальной безопасности России. А поскольку ключевые «роли» в поиске «плохой» ренты уже распределены между участниками присвоения государственных полномочий, то у оставшейся части населения растут эмигрантские настроения, проявляющиеся в массовом оттоке из страны интеллектуального капитала.

Духовно-нравственные аспекты современного кризисного состояния российской экономики также предопределяются идеологией либерального рынка, вызывающей эрозию общих и экономических ценностей. Во-первых, идеология либертарианства привела к тому, что у растущей части российских экономических агентов стал формироваться рентоориентированный экономический менталитет, что является прямым следствием утверждения ценностей экономики собирательства, а не экономики созидания. Во-вторых, отчетливо просматривается утилитаризация человеческих потребностей и экономических целей: мы становимся свидетелями того, как высокий дух «растворяется» в материальных благах, как концепция «уровня жизни» становится выше концепции «достойной жизни» человека. Отсюда онтологию кризиса «следует искать в духовно-нравственных аспектах, в предании забвению моральных норм, тысячелетиями культивируемых человечеством, являющихся своеобразным иммунитетом цивилизации, государств, народов» [3].

Таким образом, основные негативные цивилизационные и социально-экономические последствия российского системного кризиса заключаются в следующих положениях. Во-первых, в обществе и экономике утверждается идеология и практика *денежного фетишизма*, не только проникшего в систему экономических взаимодействий, но и приведшего к коммерциализации всего общественного сектора экономики. Во-вторых, осуществляется институционализация *инерционно-ресурсного сценария* развития экономики, что закономерно приводит к интеллектуальной деградации общества. В-третьих, укрепляется экономический менталитет «собирательства», а также формируются прочные интенции *рентоориентированного поведения*, что нацеливает на «добычу и получение» благ и дохода, а не на соответствующее «производство и зарабатывание». В-четвертых, сформирован и институционализируется общенациональный *пессимизм*, предопределяющий неспособность социума к инновационному сценарию развития. В-пятых, идеология и практика воинствующего либерализма объективно обусловила *коммерциализацию государства* и его превращение в чиновничье-бюрократическую корпорацию (своеобразную «фирму») по производству и присвоению административной ренты в форме огромных доходов, получаемых за счет «купли-продажи запретов и разрешений».

Отмеченные социально-экономические последствия заокеанского рыночного либерализма «по-российски» нацеливают по крайней мере на следующие умозаключения. Прежде всего, становится понятно, что преодоление отмеченных негативных социально-экономических последствий едва ли возможно, если политическая элита страны будет по-прежнему придерживаться ценностей либертарианства. Отсюда императивом является разработка новой ценностно-идеологической концепции социально-экономического развития российсокого хозяйства: следует учесть опыт мирового сообщества и использовать креативный потенциал и созидательные интенции общества.

От экономики «собирательства» – к экономике «созидательных смыслов»

Сегодня очевидно, что преодоление экономики, где приоритетом является поиск «плохой» ренты на основе эксплуатации природных ресурсов и преимущественно обменно-распределительных трансакций, требует новой социально-экономической идеологии и системы ценностей. Поиск и обнаружение этой системы ценностей, а также разработка соответствующей экономико-идеологической концепции объективируются самой социально-экономической действительностью, где непрерывно усиливаются интеллектуальные, когнитивные и другие тенденции. Очевидно, что в экономической науке следует исходить из *первичности экономического сознания* относительно вещественных форм хозяйственной действительности. Однако первичность экономического сознания является функцией *«предпервичности» ценностно-смысловых* оснований человеческих решений. Востребованное знание о том, как формировать гуманистическую направленность ценностно-смысловых оснований, может быть определено как *созидательно-смысловой, или духовно-нравственный капитал*.

Созидательно-смысловой капитал является специфическим эндогенным фактором производства в экономике созидательных смыслов. Сама же экономика созидательных смыслов может быть определена как экономика, в которой социально-экономические отношения воспроизводятся на основе требований принципов, возводящих хозяйственную действительность к ценности добра, что означает следующее. Во-первых, всестороннее развитие человека объективируется как высшая цель социально-экономической динамики, поскольку именно человек является производителем нового экономического знания. Во-вторых, утверждается безусловный приоритет ценности творчески-трудового созидания, то есть производственно-созидательной фазы воспроизводства. В-третьих, фиксируется базисность творчески-трудового способа

присвоения благ по отношению к распределительному способу присвоения ценностей; именно трудовая природа собственности всегда считалась в народе справедливой.

Отсюда формируется императив методологии экономического антропоцентризма, релевантной требованиям возрастающей актуализации ценностно-смысловых моделей человека. Если *в* «продуктовой» экономике экономический рост был функцией взаимодействия увеличивающихся объемов прежде всего вещественного капитала, то в «знаниевой» экономике расширенное воспроизводство есть функция в первую очередь человеческого капитала. В современных условиях необходимо не только обеспечить высокие темпы экономического роста, но и придать ему действительно гуманистическую направленность. Отсюда возникает императив «ценностно-ментально-смысловой» экономики, или *экономики «созидательных смыслов»*, требующей своего описания, категориального аппарата, факторов развития и т.д. Схематично уровни экономической динамики в рамках концепции экономического антропоцентризма можно показать следующим образом (рисунок 1).

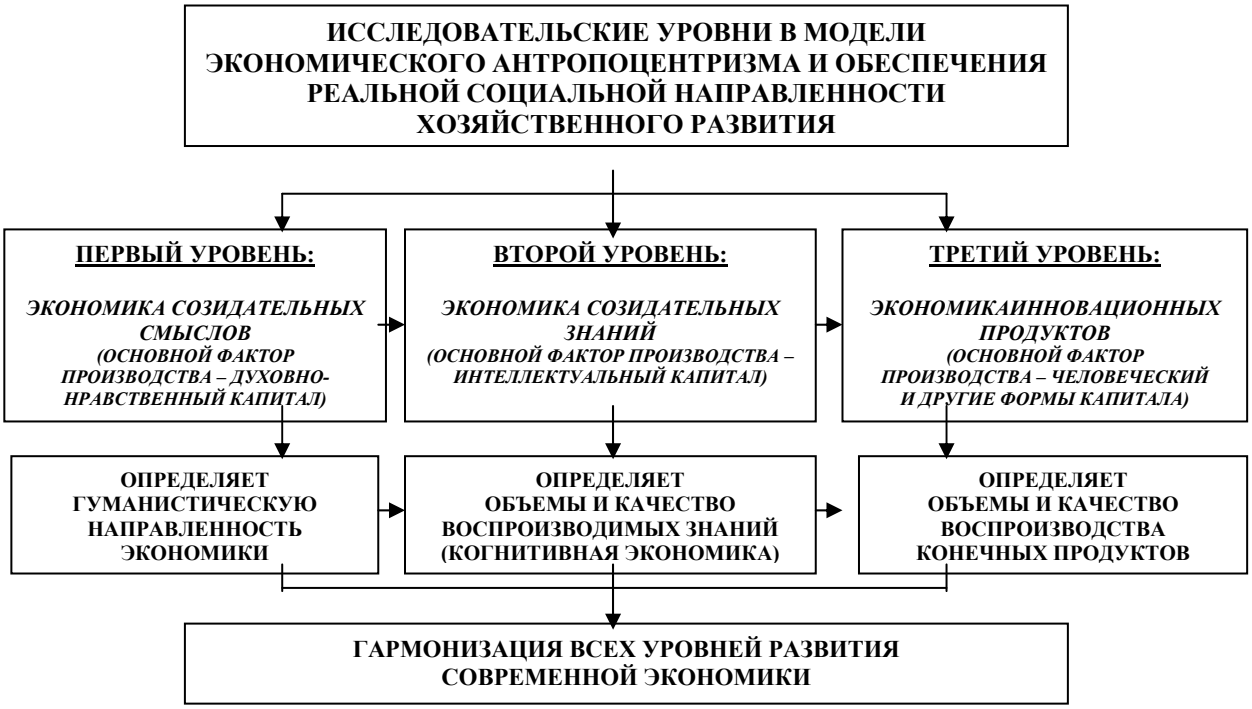

Рисунок 1 – Уровни конструктивной хозяйственной модели в рамках концепции экономического антропоцентризма

Из схемы видно, что формирование инновационной экономики имеет своим основанием воспроизводство созидательных экономических смыслов, определяющих основы качественных характеристик когнитивной экономики и экономики конечных продуктов. Если мы всерьез говорим об актуализации роли и значения человека в современной хозяйственной действительности, то начинать следует с формирования динамической смысловой системы его предполагаемой экономической деятельности. Если не обращать внимания на отмеченную выше трехзвенную модель экономического антропоцентризма (и особенно на ее смысловую составляющую) то можно легко оказаться в состоянии экономической бессмыслицы. Например, современная отечественная экономика «собирательства», как следствие «ресурсного проклятия» и неспособности власти преодолеть соблазн легкой «денежной добычи», есть не что иное, как экономическая бессмыслица, если даже не чей-то «злой умысел».

Отмеченные исследовательские уровни модели экономического антропоцентризма «вписываются» в разрабатываемую современными учеными системно-интеграционную парадигму, в соответствии с которой системный анализ в экономике включает в себя систему среды, процесса, проекта и систему объекта [4]. В дополнение к системно-интеграционному подходу резонно позиционировать *системно-междисциплинарный концепт*, в соответствии с которым социально-экономические явления рассматриваются через общенаучную призму, где могут использоваться методы как гуманитарных, общественных, так и естественных дисциплин. Кроме того, системно-междисциплинарная исследовательская парадигма должна «втягиваться» в орбиту определенного аттрактора («поля» притяжения), роль которого призван играть набор определенных ценностей, содержание которых задается действующей экономической идеологией. В результате формируется *системно-синергетическая концепция* исследования современной экономики (рисунок 2).

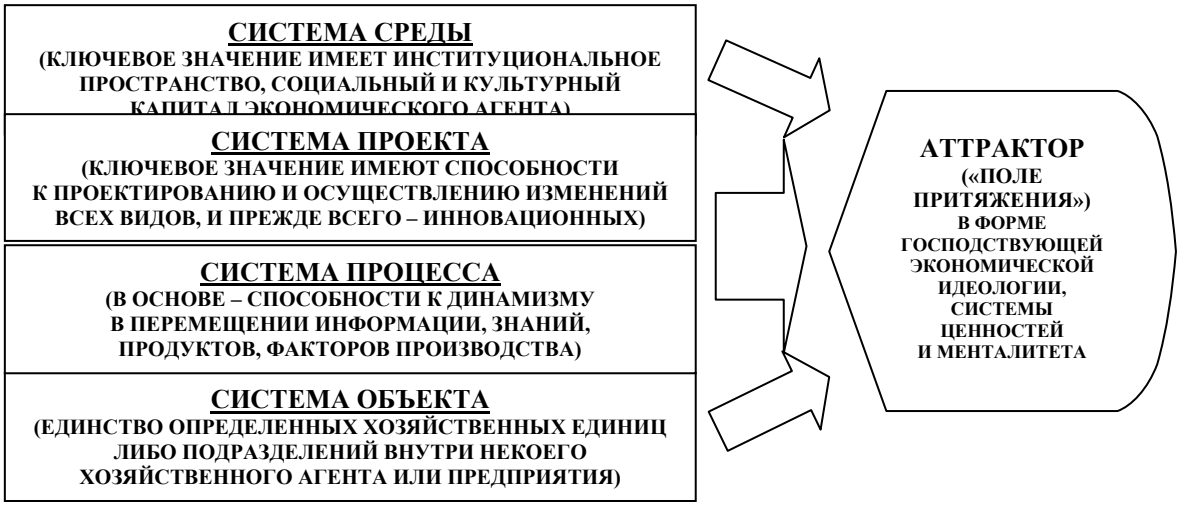

Рисунок 2 – Системно-синергетический подход к исследованию современной экономики и формированию инновационного вектора ее развития

Таким образом, если политико-экономическая элита осуществляет выбор в пользу идеологии экономического этатизма (советский период), то отмеченная система четырех типов рано или поздно обнаруживает на себе «родимые пятна» экономики государственного монополизма. Однако если этот выбор осуществляется в пользу воинствующего либерализма, то в качестве аттрактора выступает «антиэтатизм», или идеология свободного рынка. В этом случае возникает денежный фетишизм, и товарно-денежные отношения проникают во все сферы человеческого бытия, разрушая духовные основания развития социума. Мы полагаем, что сознательный выбор политико-экономической элиты в пользу экономического антропоцентризма будет означать начало реального воплощения идеологии экономического гуманизма и творческого созидания, поскольку основой системы ценностей становится человеческий и интеллектуальный капитал личности и общества.

Для производства созидательных смыслов экономической деятельности одного лишь *ценностно-идеологического выбора*, осуществляемого политической элитой, явно недостаточно, хотя именно «сигналы», идущие от источника из официальных институтов, имеют ключевое значение; требуется еще радикальная реформа системы образования, призванной формировать у человека духовно-нравственный капитал. Основная задача образования как целостного института заключается не в формировании у обучаемых пресловутых «прочных знаний», а в формировании и развитии у них способности к созидательному смыслопроизводству. Можно рассчитывать, что идеологический вы-

бор, осуществляемый политико-экономической элитой страны в органическом единстве с созидательно-смысловой направленностью системы образования, реализуемой креативной элитой, являются ключевыми факторами создания «поля» нового синергетического аттрактора, способного качественно обновить систему среды, процесса, проекта и объекта (рисунок 2).

Представители научно-креативной элиты, действующей в системе современного образования, призваны осуществить серьезные изменения процесса воспитания и обучения. Способствовать развитию созидательных смыслов у обучаемых призваны следующие целевые установки образовательного процесса. Во-первых, в рамках университетов необходимо организовать проведение междисциплинарных исследований в сфере выявления сущности и характеристики содержания духовно-нравственных оснований современной экономики. Во-вторых, это формирование у обучаемых идеологической установки и менталитета созидателя новых ценностей вместо современного менталитета экономического «собирательства». В-третьих, современное образование должно нацелить обучаемых на самостоятельное производство новейших экономических знаний.

Сказанное свидетельствует о том, что формирование инновационной экономики является делом сложным и отнюдь не краткосрочным. Это видно из таблицы, показывающей временны*е* затраты наиболее развитых государств на осуществление масштабных инноваций.

Таблица – Инновационные модели: сроки строительства национальных инновационных систем [5].

Страна	Начало осознанных действий правительства	Вход в устойчивое развитие	Длительность периода «разгона», лет
США	Начало 1960-х гг.	1980-е гг.	25
Тайвань	Начало 1970-х гг.	Конец 1990-х гг.	25
Израиль	1980-е гг.	Начало 2000-х гг.	20
Южная Корея	1980-е гг.	Начало 2000-х гг.	20
Сингапур	1980-е гг.	Начало 1990-х гг.	10
Финляндия	1980-е гг.	2000-е гг.	20

Очевидно, что даже при самом благоприятном развитии отечественных институциональных инноваций нам предстоит отнюдь не легкий путь системного обновления экономики, ценностных ориентиров, ментальных моделей и общего экономического сознания. Между тем активно и целенаправленно действовать необходимо уже сейчас. При условии, что управленческая и научно-креативная элита страны сумеет создать очерченное выше «поле притяжения» в форме идеологии творчески-трудового созидания и экономического гуманизма с присущими ей соответствующими ценностями, мотивами и ментальными моделями, тогда и хозяйственно-профессиональная элита будет способна реализовать ключевые меры, направленные на инновационное развитие отечественной экономики.

Дадим краткую характеристику этим основным практическим мерам, являющимся предметной областью для деятельности хозяйственно-профессиональной элиты.

1. Формирование общенационального оптимизма путем высокоэффективного решения ключевых социально-экономических задач. Для этого необходимо прежде всего организовать массовое жилищное строительство, обеспечив бесплатный доступ домохозяйств к земле, расширив возможности арендных правомочий собственности. Здесь также важно обеспечить реальную конкуренцию на рынке проектов современного жилья, создать кластеры в сфере жилищного строительства, постепенно уменьшив рыночную власть действующих здесь монополий жилищно-коммунального хозяйства. Фор-

мированию и укреплению общенационального оптимизма как интегральной формы социального капитала общества способствовало бы также полностью бесплатное образование, беспрепятственное развитие малого бизнеса, а также национализация ключевых естественных монополий.

2. «Точечно-инъекционное» (в инвестиционном смысле) развитие инновационного сектора национального хозяйства. Прежде всего следует качественно обновить действующие «островки» высоких технологий, связанных с наукоемкими отраслями, где у нас традиционно был определенный приоритет (отрасли оборонной промышленности, производство космической техники, авиастроение и др.). Необходимо ускоренно развивать научно-производственные комплексы, имеющие целевые задания и, следовательно, получающие целевое финансирование инвестиционных проектов. Именно эти комплексы, имеющие четкие цели деятельности, могут рассматриваться как своеобразные «аттракторы» масштабных социально-экономических инноваций, а не «сколковские» структуры, потребляющие огромнейшие объемы финансовых и интеллектуальных ресурсов без четко очерченных целевых установок и созидательных функций.

3. Всемерное развитие экономики интеллектуальных знаний и расширенное воспроизводство интеллектуального капитала как основного фактора создания экономических инноваций. Главное здесь в том, чтобы повсеместно создать систему не только непрерывного, но и опережающего образования, что актуализирует прогностическую функцию научной и научно-производственной деятельности. Не только учебные заведения, как ключевые институциональные структуры собственно экономики знаний, но и любые другие организации и предприятия должны стать самостоятельными производителями нового знания. Для решения этой задачи менеджмент интеллектуального капитала любой современной фирмы должен предусматривать создание множества социальных сетей, предназначенных для широкого когнитивного дискурса, призванного расширенно воспроизводить инновационные знания.

4. Скорейшее решение аграрного вопроса в отечественной экономике прежде всего путем возрождения российского как кооперативного, так и фермерского крестьянства. Для этого необходимо прекратить грабительское отношение к сельскому хозяйству, обеспечив реальную поддержку аграриев со стороны государства. Финансово-материальная помощь селу должна возрасти в несколько (если не в десятки) раз, иначе мы рискуем очень скоро превратиться в нацию «беспочвенников». Строго следуя пониманию того, что земля является объектом не частного, а общественного (именно общественного, а не государственного) присвоения, необходимо на конституционном уровне закрепить положение о том, что единственным правовым субъектом собственности на землю является общество. В связи с этим любые попытки «ввести» частную собственность на землю в принципе являются внеправовыми.

Подчеркнем, что ключевую роль в преодолении системного кризиса отечественной экономики и одновременном формировании системных оснований для масштабного развития экономических инноваций призвана сыграть *российская управленческая (политико-экономическая), креативная (научно-образовательная) и профессиональная (производственно-функциональная) элита*. Эти три уровня отечественной элиты образуют так называемый *социально-элитарный слой нашего общества, призванный стать системным социальным основанием воспроизводства масштабных экономических инноваций и управления инновационной деятельностью*. Способность отечественного социально-элитарного слоя к организации инновационного процесса определяется прежде всего качественными параметрами, связанными с умением воспроизводить созидательные ценностно-смысловые конструкты.

Таким образом, идеология и практика неолиберализма «по-российски» едва ли могут характеризоваться как основания успешной модели хозяйственного развития

отечественной экономики. Закономерная антропологизация и социализация экономики третьего тысячелетия объективно предопределяет возникновение, наряду с экономикой знаний, также экономики созидательных смыслов. Важно понимать, что сегодня продуктовые инновации являются функцией инновационного знания и умения это знание использовать; однако сами эти инновационные знания являются функцией созидательных смыслов, определяемых глубинными сущностными силами человека, миром его ценностей, ментальных конструктов, мотивов и жизненных целей.

Поэтому формирование инновационного вектора развития российской экономики непосредственно определяется качеством смыслового капитала личности и общества. Основополагающим субъектом развития данного капитала является социально-экономическая элита общества, посылающая обществу соответствующие смысловые сигналы, адекватные требованиям конкретной научной парадигмы. Но при этом важно подчеркнуть, что «парадигма управляет не областью исследования, а группой ученых-исследователей. Любой анализ исследования, направляемого парадигмой или ведущего к потрясению ее основ, должен начинаться с определения ответственной за проведение этого исследования группы» [6]. Сегодняшняя «сигнальная система» воинствующего либерализма должна быть решительно заменена на «сигнальную систему» экономического антропоцентризма, где не разрушительная стихия свободного рынка, а разумно управляемое экономическое созидание является качественной определенностью бытия.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. www.gks.ru – офиц. сайт Федеральной службы государственной статистики.
2. Буздалов, И. Униженный класс: о социальном статусе и экономическом положении российского крестьянства / И. Буздалов // Вопросы экономики. – 2011. – № 4. – С. 144–145.
3. Яшин, А.Н. Сдвиг парадигмы, или «перезагрузка» ценностей / А.Н. Яшин // Арктика: общество и экономика. – 2009. – № 1. – С. 44.
4. Клейнер, Г.Б. Системный ресурс экономики / Г.Б. Клейнер // Вопросы экономики. – 2011. – № 1. – С. 89–101; Инновационное развитие: экономика, интеллектуальные ресурсы, управление знаниями / Под ред. Б.З. Мильнера. – М. : ИНФРА-М, 2010. – С. 82–106; Макаров, В.Л. Микроэкономика знаний / В.Л. Макаров, Г.Б. Клейнер. – М. : ЗАО «Экономика», 2007.
5. Вопросы экономики. – 2011. – № 1. – С. 121.
6. Кун, Т. Структура научных революций / Т. Кун; пер. с англ. И.З. Налетова. – М. : АСТ МОСКВА, 2009. – С. 269.

Salihov B.V., Lyneva E.V. **Civilized Aspects, or Value-logical Ontology of Modern Social-Economic Crisis**

The deep bases of modern global systematic social and economic crisis are shown; financial, informative, economic and other bases of the crisis phenomena in the economic validity are revealed in the article. The basic contradiction in the system of modern social and economic relations as the contradiction between the material and human capital is proved. Financial, economic and social consequences of the crisis defined by the economic theory of neoliberalism for Russian economy are characterized. The general vector of overcoming of domestic system crisis and the development of economic innovations, connected with the formation of new value-logical system of economic interactions is offered. Key value of logical bases of social and economic development and the formation of economic innovations is proved in the article. The levels of formation of innovative economy are shown: manufacture of creative senses, manufacture of innovative economic knowledge, and creation of final innovative consumer products. The base role of corresponding elite groups of a society is revealed: political-economical elite, creative elite and elite in manufacture sphere. Innovations in the development of a system method of research of modern economy and the realization of innovative activity are characterized.

Рукапіс паступіў у рэдкалегію 22.02.2012

УДК 658.7

Н.И. Сухонос

ТРАНСПОРТНЫЙ КОМПЛЕКС РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ И ТРАНЗИТНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ: СОСТОЯНИЕ, РАЗВИТИЕ И ПЕРСПЕКТИВЫ

В статье проанализированы состояние и перспективы дальнейшего развития транспортного комплекса Республики Беларусь, структура доходов от транзита через территорию страны. Определено, что Республика Беларусь располагает необходимой инфраструктурой для стимулирования роста грузовых и пассажирских перевозок как на территории республики, так и за ее пределами, а также для эффективной реализации транзитного потенциала на базе интеграции в европейскую транспортную систему. Намечены пути дальнейшего совершенствования транспортного комплекса Республики Беларусь.

Введение

Для Республики Беларусь как внутриконтинентального государства, не имеющего выхода к морям, а также не обладающего значительным сырьевым ресурсом, особое значение приобретают транзит и поиск новых перспективных рынков транспортных услуг. Если придавать важное значение транзиту как важнейшему потенциалу национальной экономики, то, благодаря привлекательности географического положения, Республика Беларусь может стать интегрирующим звеном в торговле между странами Европейского Союза и Азиатско-Тихоокеанского региона. Показателем интегрирования транспортной системы нашей страны в мировую экономику является рациональное использование существующих транспортных сетей, реализация преимуществ их географического положения, обеспечивающих кратчайший путь и минимальные временные затраты при прохождении грузов между странами Европейского Союза и Азиатско-Тихоокеанского региона.

Транспортный комплекс Республики Беларусь имеет значительный потенциал для увеличения своего вклада в общий объем валового национального продукта. В первую очередь, это относится к международным перевозкам, эксплуатации транспортных коридоров. Транспортный сектор, удельный вес которого в ВНП страны составляет 7 %, обеспечивает значительные поступления в доходную часть бюджета за счет транзитных услуг, способствует развитию внутренней и внешней торговли и вносит вклад в платежный баланс страны, в котором по статье «услуги» имеется положительное сальдо [1, с. 308]. На современном этапе увеличение объемов транзита по территории республики является важным фактором стабилизации и структурной перестройки экономики страны. При этом необходимо учитывать, что транзит является одним из наиболее эффективных видов экспорта услуг, а инвестиции в данную сферу деятельности отличаются быстрой отдачей.

Характеристика транспортного комплекса Республики Беларусь

Территорию нашего государства пересекают два трансъевропейских транспортных коридора, определенных по международной классификации под номерами II – «Берлин – Варшава – Минск – Москва – Нижний Новгород», и IX – «Хельсинки – Санкт-Петербург/Москва – Киев – Кишинев» с ответвлением IX «Калининград/Клайпеда – Вильнюс – Минск – Киев – Кишинев».

В 2010 году транзитом через территорию Республики Беларусь перевезено 11,2 млн. тонн грузов автомобильным транспортом, что в 5,7 раза больше, чем через территорию Латвии (1,955 млн. тонн), в 2,4 раза больше, чем через территорию Украи-

ны (4,649 млн. тонн). Транзит грузов железнодорожным транспортом составил 45,6 млн. тонн и также (хоть и незначительно) превышает транзит через эти страны [2].

По уровню развития дорожной сети Республика Беларусь занимает одно из первых мест среди стран СНГ. Транспортные услуги осуществляются железнодорожным, автомобильным, воздушным, водным и трубопроводным видами транспорта. Основные транспортные потоки проходят в направлениях на восток – в Россию и страны Азиатского региона, на север – в порты Балтийского моря, на запад – в страны Европы и на юг – в страны Черноморского региона.

Основную часть перевозочной работы в республике выполняет *железнодорожный транспорт*, который представлен Белорусской железной дорогой. Транспортно-экспедиторскую и логистическую деятельность осуществляет транспортно-логистический центр Белорусской железной дороги – Белинтертранс. Железнодорожный транспорт республики является частью евроазиатского железнодорожного комплекса и обслуживает макрологистическую систему внешней торговли. Белорусская железная дорога соединяется через Польшу с железнодорожной сетью стран Балтии, СНГ и Западной Европы.

По территории Беларуси проложены следующие международные магистрали: «Брест – Минск – Орша» (главная ось транспортного коридора «Лондон – Париж – Берлин – Варшава – Минск – Москва) и «Гомель – Бобруйск – Минск – Молодечно – Лунинец – Барановичи – Лида» (соединяет Украину со странами Балтии). Через республику проходит транзитный грузопоток из Центральной России в Калининградскую область. Эксплуатационная длина Белорусской железной дороги составляет 5,5 тыс. км. Наиболее значимые железнодорожные узлы: Минск, Молодечно, Орша, Барановичи, Гродно, Волковыск, Лида, Лунинец, Брест, Гомель, Могилев, Осиповичи, Витебск, Полоцк – работают на 2–6 направлениях. Плотность белорусских железных дорог достигает 27 км на 1 000 км^2, что позволяет обеспечивать достаточно эффективное функционирование экономики страны [1, с. 303–304].

Благоприятные условия для перевозки грузов и пассажиров создает двухпутная электрифицированная железнодорожная линия Брест – Минск – граница Российской Федерации протяженностью 894 км, которая обеспечивает движение грузовых поездов со скоростью до 100 км/ч и пассажирских – до 160 км/ч.

Пограничная инфраструктура железной дороги на западных границах развита с учетом того, что здесь стыкуются железнодорожные линии с различной шириной колеи. Для обеспечения всего комплекса транспортных услуг на пограничных переходах дорога имеет необходимые обустройства, способные переработать всю номенклатуру перевозимых грузов. Основные перегрузочные мощности расположены в Брестском и Гродненском железнодорожных узлах.

Особое внимание уделяется контейнерным перевозкам – транзитным, экспортно-импортным, внутриреспубликанским. На станциях имеется более 20 контейнерных терминалов по переработке крупнотоннажных контейнеров, 19 терминалов по переработке среднетоннажных контейнеров. Большое внимание уделяется не только техническому оснащению терминалов, но и совершенствованию существующих услуг, оказываемых грузовладельцам с целью организации доставки грузов по принципу «от двери до двери» либо по принципу «железнодорожная станция – склад получателя».

Белорусская железная дорога активно сотрудничает с железными дорогами России, Польши, Германии, Литвы в реализации ряда проектов по организации перевозок грузов специализированными контейнерными и грузовыми поездами. Одним из приоритетных направлений интеграции Белорусской железной дороги в общеевропейскую транспортную сеть является ее сотрудничество с международными транспортными организациями: Советом по железнодорожному транспорту государств СНГ и стран Бал-

тии, Межправительственной организацией сотрудничества железных дорог, Международным Союзом железных дорог и др.

Экономико-географическая компактность территории республики обусловливает широкое использование *автомобильного транспорта.* Важнейшим элементом логистической инфраструктуры Беларуси является сеть автомобильных дорог общего пользования. Их протяженность составляет более 80 тыс. км. Основную роль играют дороги республиканского значения (протяженность около 15,4 тыс. км), по которым перевозится более 70 % всех грузов. Автомобильные дороги с твердым покрытием составляют 74 тыс. км, или 86 % автомобильных дорог общего пользования. Плотность автомобильных дорог на 1 км^2 территории республики составляет 0,4 км [1, с. 307].

Количество автобусных и грузовых парков в структуре Министерства транспорта и коммуникаций республики – 155, среднесписочное количество грузовых автомобилей – 4 613 единицы, автобусов – 5 982 единицы. Услуги по перевозке пассажиров и грузов на автотранспортном рынке республики оказывают 36 240 субъектов хозяйствования (автомобильным транспортом) и 8 организаций коммунальной формы собственности (городским электрическом транспортом) [3].

Автомобильная дорога М-8/Е-95 граница Российской Федерации – Витебск – Гомель – граница Украины пересекает территорию республики с севера на юг, имеет протяженность 456 км и является участком Критского транспортного коридора IX, который соединяет Финляндию, Литву, Россию, Беларусь, Украину, Молдову, Румынию, Болгарию и Грецию. Ответвление этого коридора IXБ Гомель – Минск – Вильнюс – Клайпеда – Калининград имеет протяженность по территории Беларуси 468 км и обеспечивает выход из областей Восточной Украины и Центральной России к специализированным морским портам Клайпеды, Вентспилса и Калининграда.

Важнейшим по значению объектом дорожного строительства стала реконструкция кольцевой дороги вокруг Минска, которая является ответвлением Критского транспортного коридора IXБ. Эта автомагистраль приобрела вид современного шестиполосного шоссе. На дороге построено и модернизировано 29 мостов и путепроводов, 25 пешеходных переходов. Кольцевая дорога вокруг Минска оснащена автоматизированной системой управления, включающей метеостанции, датчики интенсивности движения и пункты для взвешивания грузового автотранспорта. Все это позволило создать безопасные, комфортные и эстетически привлекательные дорожные условия для пропуска все возрастающих транспортных потоков вокруг и внутри столицы Беларуси.

Автомобильная дорога М-1/Е-30 Брест – Минск – граница Российской Федерации является участком Критского коридора II Берлин – Варшава – Минск – Москва – Нижний Новгород, соединяющего Германию, Польшу, Беларусь и Россию. Этот коридор определен Европейским союзом как высший приоритет в связи с важным значением проходящих по нему торговых потоков между Востоком и Западом. Протяженность его по территории республики составляет 609 км [3].

Дорожная инфраструктура и взимаемые сборы за ее использование, условия проезда по Беларуси в основном соответствуют требованиям, принятым в ЕС. Несоответствие остается по несущей способности республиканских автомобильных дорог по общей массе автопоезда с 5 и более осями (в Республике Беларусь – 38 тонн, в ЕС – 40 тонн) и нагрузке на ось в 11,5 тонны. Только автомобильная дорога М-1/Е-30 на всем протяжении ее участка, проходящего по территории Беларуси, имеет несущую способность по нагрузке на ось 11,5 тонны.

Водный транспорт является составной частью транспортного комплекса Республики Беларусь и обеспечивает перевозки грузов и пассажиров на внутренних водных путях (протяженность около 2 тыс. км) в приречные пункты, переработку грузов в 10 речных портах, расположенных в бассейнах Припяти, Днепра, Сожа, Березины,

Немана, Западной Двины. В системе водного транспорта работают 10 речных портов: Бобруйск, Брест, Гомель, Микашевичи, Могилев, Мозырь, Пинск, Речица, Витебск, Гродно и 4 предприятия водных путей: Гомель, Пинск, Мозырь, Бобруйск. Доля водного транспорта незначительна в транспортном комплексе страны – менее 1 % общего грузооборота [1, с. 307].

По территории республики проходит водный путь международного значения Буг – Припять – Днепр – Черное море, по которому перевозятся различные грузы. Речные порты Гомель, Бобруйск, Брест, Мозырь имеют железнодорожные подъездные пути и приспособлены для обработки грузов, следующих в смешанном сообщении. Республика Беларусь создает собственный морской торговый флот и осваивает новые грузопотоки экспортных грузов в страны дальнего и ближнего зарубежья. В структуру водного транспорта входят судостроительные предприятия и транспортно-экспедиционные компании (ОАО «Белорусское морское пароходство», ЗАО «Белорусская судоходная компания», ЗАО «Белорусская транспортно-экспедиционная и фрахтовая компания»).

Водные пути на территории Республики Беларусь от Бреста до границы с Украиной (Днепровско-Бугский канал и река Припять) находятся в удовлетворительном техническом состоянии и относятся к IV классу внутренних водных путей международного значения. На территории Польши на реке Буг водные пути находятся в состоянии ограничено годном для транспортной эксплуатации. В соответствии с Европейским соглашением о важнейших внутренних водных путях международного значения водный путь Днепр – Висла – Одер относится к магистральным водным путям Е40. Развитие торговли между Востоком и Западом, перегруженность железнодорожного и автомобильного транспорта все более настойчиво требуют восстановления этой водной системы. К этой транспортной системе тяготеет ряд грузопотоков Беларуси, Польши, Украины и других европейских стран, в том числе Скандинавии, объем которых оценивается миллионами тонн (уголь, руда, металл, удобрения, соль, сахар, щебень, торф, лес, сапропели). По этому водному пути возможно перевозить ежегодно до 4 млн. тонн грузов [3]. В направлении Германии с Украины расстояние по соединению Днепр – Висла – Одер на 1 тыс. км короче, чем по соединению Дунай – Майн. Данное водное соединение позволит снизить нагрузку на железнодорожный и автомобильный транспорт, сократить затраты на перевозки, а также уменьшить вредное воздействие транспорта на окружающую среду. Водными путями этого соединения могут осуществляться и туристические поездки на судах.

Воздушный транспорт Республики Беларусь представляет собой комплекс государственных предприятий и организаций, осуществляющих перевозку пассажиров и грузов по воздуху как в республике, таки за ее пределами. Развитие воздушного транспорта, как наиболее мобильной составляющей транспортной инфраструктуры современного государства, имеет исключительное значение.

В Республике Беларусь имеется сеть аэропортов, из которых проложены авиатрассы в более чем 30 городов СНГ, а из главной воздушной гавани страны – международного аэропорта Минск-2 – выполняются рейсы в города Европы, Азии, Америки и Африки. Крупнейшая национальная компания «Белавиа» с 1997 г. является членом Международной ассоциации авиаперевозчиков (IATA), интегрирована в современную структуру европейских авиаперевозок и имеет специальные коммерческие соглашения с 48 авиакомпаниями. Компания постепенно переходит на новую авиатехнику, отвечающую требованиям безопасности и экологичности. Это позволяет наращивать перевозку пассажиров. Компания «Трансавиаэкспорт» специализируется на перевозках грузов в страны Европы, Южной Америки, Юго-Восточной Азии и Ближнего Востока.

Областные аэропорты Республики Беларусь по географическому положению являются оптимальными пунктами для транзитных технических посадок на дозаправку

для зарубежных авиакомпаний, осуществляющих полеты из центрально-азиатских стран в Европу, а также из стран Ближнего Востока в Скандинавию.

Трубопроводный транспорт включает газопроводы и нефтепроводы с ответвлениями, которые связывают Республику Беларусь с Россией, Украиной, Литвой и Польшей. Общая протяженность нефтепроводов, проходящих по территории республики, составляет свыше 3 000 км. Используются они для импорта сырой нефти на нефтеперерабатывающие заводы республики и для транзита российской нефти в страны Западной Европы. Нефтепроводы представлены мощными и высокопроизводительными системами «Дружба» (Куйбышев – Унеча – Мозырь – Брест; Унеча – Полоцк; Мозырь – Броды – Ужгород; Полоцк – Вентспилс; Сургут – Полоцк).

Природный газ импортируется из России транзитом в Литву, Украину и страны Западной Европы газопроводами протяженностью 1 700 км. На территории Республики Беларусь расположены 6 компрессорных станций. Беларусь обеспечивает транзит российского газа по трем маршрутам: газопровод «Северное сияние» (для перекачки газа до украинской границы); газопровод «Ямал – Европа» (транспортирует газ из Западной Сибири в Польшу и Германию); газопровод в Литву и Калининград.

Общая характеристика транспортного комплекса Республики Беларусь

От развития транспорта напрямую зависят объемы транзита и доходы страны. Максимальное значение объемных и финансовых показателей транзита было достигнуто в 2008 г., когда общий доход от транзита составил 2,6 млрд. долл., что на 67 % выше уровня 2006 г. (1,6 млрд. дол.). Отчисления в бюджет в 2008 г. составили 467,6 млн. долл., что на 54 % выше уровня 2006 г. (302, 7 млн. долл.). Однако ввиду влияния мирового финансово-экономического кризиса произошло снижение спроса на товары и услуги, что повлекло уменьшение объема финансовых поступлений от транзита природного газа, воздушного, железнодорожного и автомобильного транспорта через территорию нашей республики.

Транспортная отрасль Беларуси увеличила доходы от оказания транзитных услуг в 2010 г. до 2,2 млрд. долл., что на 10 % больше уровня 2009 г. В частности, прирост доходов от грузовых транзитных перевозок железнодорожным транспортом увеличился на 22,2 % (получено 1 432,9 млрд. руб., что на 4,4 % больше уровня 2009 г.). Через воздушное пространство Беларуси за 2010 г. выполнено 169 транзитных полетов, что на 7 % выше уровня 2009 г. Объем экспорта от транзитных полетов вырос на 9 %, отчисления в бюджет составили 22,4 млн. долл. Количество транзитных поездок иностранных автоперевозчиков за 2010 г. по территории Беларуси составило более 1 млн. и увеличилось к уровню 2009 г. на 29 %. В 2010 г. экспорт услуг автомобильного, железнодорожного и воздушного транспорта вырос примерно на 23,7 % до 1,7 млрд. долл. За прошедшую пятилетку от экспорта автомобильного, железнодорожного и воздушного транспорта в бюджет республики поступило более 7,3 млрд. долл., а положительное сальдо транспортных услуг составило 5,2 млрд. долл. [5].

На сегодняшний день Беларусь как международный перевозчик стала терять свои позиции. Одним из существенных препятствий на пути развития сектора международных транспортных услуг, которые, по прогнозам специалистов, будут преобладать среди международных услуг, является неразвитость белорусской *транспортной логистики.* Поэтому повышение транзитной привлекательности невозможно осуществлять без совершенствования транспортной логистики. Одна из важнейших задач создания *логистических центров на транспорте* – разработка и организация оптимальных схем товаропотоков всеми видами транспорта по территории Беларуси и других государств на основе организации единого технологического и информационного процесса, объединяющего деятельность всех видов транспорта по обеспечению перевозок грузов

и оказанию сопутствующих услуг. При должном развитии логистического обслуживания уже в 2015 г. Республика Беларусь может получить экономический эффект в размере 5,7 млрд. долл. США [4]. В настоящее время реализуется 23 инвестиционных проекта по строительству логистических центров, а общий объем инвестиций по ним составляет более 3 трлн. рублей, из которых уже освоено 226 млрд. рублей.

В 2010 г. введена в эксплуатацию первая очередь логистического центра ИП «БЛТ-Логистик» (СЭЗ «Минск») складской площадью 2 900 м^2, в 2011 г. завершено строительство складского корпуса еще на 26 500 м^2. В 2011 г. начали функционировать логистические центры «Минск-Белтаможсервис», «Брест-Белтаможсервис», а также ООО «Двадцать четыре». До конца 2011 г. был запланирован ввод первой очереди логистических центров ИООО «Логистический центр «Прилесье» и СООО «БелВингес-Логистик». Программой Правительства Республики Беларусь на 2011–2015 гг. определена задача обеспечить строительство и ввод в эксплуатацию не менее 35 современных логистических центров с объемом инвестиций не менее 1,5 млрд. долларов США [2].

Заключение

Как следует из вышесказанного, транзитный потенциал Республики Беларусь реализуется не в полной мере, чему препятствует ряд проблем:

1) несовершенная нормативно-правовая база, не в полной мере обеспечивающая транзитную привлекательности страны, отсутствие унификации нормативно-правовых актов с общепринятыми прогрессивными нормами;

2) неразвитая сеть банковских терминалов по всем транзитным магистралям;

3) неполное соответствие технических, технологических и организационных параметров транзитной инфраструктуры аналогичным системам, созданным в ЕС (несоответствие по несущей способности республиканских автомобильных дорог по общей массе автопоезда с 5 и более осями и нагрузке на ось в 11,5 тонны; наличие узких мест и значительных временных задержек на стыках железнодорожных путей различной ширины; неразвитость сети транспортно-логистических центров).

Поэтому для эффективной реализации транзитного потенциала на базе интеграции в европейскую транзитную систему необходимо продолжать работу по модернизации транспортных коммуникаций, энергосистемы, информационных систем, уделять особое внимание развитию участков II и IX международных транспортных коридоров, а также развитию транспортной логистики. В связи с этим основными направлениями развития транспортного комплекса являются:

1) выполнение Государственной программы развития автомобильного транспорта Республики Беларусь на 2011–2015 гг., которая содержит перечень механизмов реализации мероприятий по развитию автомобильных перевозок пассажиров и грузов, необходимых для достижения устойчивого роста их объемов, а также повышения эффективности и качества обслуживания экономики и населения;

2) формирование единого информационно-технологического пространства грузовых автомобильных перевозок на основе современных систем рыночного мониторинга, анализа, логистики и статистики транспортных связей и процессов;

3) формирование конкурентоспособной среды в области транспортной деятельности на внутреннем и внешнем рынках транспортных услуг;

4) развитие внешнеэкономической деятельности в сфере автомобильного транспорта, международных автомобильных перевозок грузов и пассажиров, в том числе в туристических целях;

5) оптимизация транспортных затрат через расширение использования водного транспорта, энергопотребление которого значительно ниже, чем на автомобильном и железнодорожном транспорте;

6) модернизация водных путей, соединяющих бассейны Черного и Балтийского морей, в первую очередь, воднотранспортное соединение Днепр – Висла – Одер.

7) проведение работ по развитию инфраструктуры на автодорожных пунктах пропуска и пунктах пропуска на железнодорожных станциях;

8) модернизация сети передач данных для информационного обеспечения перевозок и применению электронной технологии слежения за перемещением груза.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Логистика : учеб. пособие / И.М. Баско [и др.]; под ред. д-ра экон. наук, профессора И.И. Полещук. – Минск : БГЭУ, 2007. – 431 с.

2. В Беларуси реализуется 40 инвестиционных проектов по строительству логистических центров // Совет Министров Республики Беларусь [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.government.by/ru/content/3894. – Дата доступа: 15.11.2011.

3. Транспорт // Официальный интернет-портал Президента Республики Беларусь [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.president.gov.by/press39405.html. – Дата доступа: 15.11.2011.

4. О Программе развития логистической системы Республики Беларусь на период до 2015 г. : постановление Совета Министров Республики Беларусь, 29 авг. 2008 г., № 1249 [Электронный ресурс] // Нац. центр правовых актов Республики Беларусь. – 2008. – Режим доступа: http: // www.pravo.by. – Дата доступа: 15.11.2011.

5. Об утверждении стратегии развития транзитного потенциала Республики Беларусь на 2011–2015 гг. : постановление Совета Министров Республики Беларусь, 9 августа 2010 г., № 1181 [Электронный ресурс] // Нац. центр правовых актов Республики Беларусь. – 2010. – Режим доступа: http://www.gki.gov.by/docs/programma_tranzita_2011_2015.pdf. – Дата доступа: 15.11.2011.

Sukhonos N.I. **Transport Complex of the Republic of Belarus and Transit Potential: State, Development and Perspectives**

The state and perspectives of further development of transport complex of the Republic of Belarus, the structure of transit income through the territory of the country are analyzed in the article. It is determined that the Republic of Belarus has the necessary infrastructure for the development promotion of freight and passenger service both on the territory of the Republic and beyond its bounds and for effective realization of transit potential on the basis of the integration to European transport system. The ways for further improvement of transport complex of the Republic of Belarus are outlined.

Рукапіс паступіў у рэдкалегію 29.12.2011

УДК 368.025.621

Н.И. Зайцева, И.И. Шония

ВЛИЯНИЕ ДИВЕРСИФИКАЦИИ РЫНКОВ СБЫТА НА РАЗВИТИЕ И ЭФФЕКТИВНОСТЬ МАЛОГО ПРЕДПРИЯТИЯ

Выход на международные рынки является одной из приоритетных целей любого предприятия. Расширение рынков сбыта позволяет повышать эффективность деятельности предприятия, увеличивать темпы его развития и, что самое главное, привлекать в страну валюту. Выход на международные рынки – это и есть одна из стратегий диверсификации. При выходе на международные рынки необходимо четко оценить свою конкурентоспособность, выбрать конкурентную стратегию и спозиционировать себя на выбранных направлениях, разработав эффективный комплекс маркетинга. Только в такой последовательности можно добиться эффективности своей деятельности при диверсификации рынков сбыта.

Введение

Международный бизнес включает любые хозяйственные операции, которые проводятся двумя или более странами. Деловые взаимоотношения возникают на уровне предприятий любой формы собственности и любой организационно-правовой формы. Для достижения своих международных целей компания должна устанавливать формы проведения внешнеторговых операций. Также необходимо оценивать внешнюю среду, в которой компании предстоит действовать. Среда влияет на выбор средств, определяющих такие функции бизнеса, как маркетинг, управление финансами и кадрами.

Внутренний рынок сбыта, ограничен количеством лиц, заинтересованных в продукции, а также их покупательной способностью. Количество заинтересованных потребителей возрастает, если рассматривать этот вопрос в международном масштабе. Более высокий уровень сбыта означает и более высокий уровень прибыли. Фактически прибыль на единицу продукции может увеличиваться по мере расширения сбыта. Увеличение прибыли является главным мотивом участия фирм в международном бизнесе.

Большинство предприятий начинают свою деятельность с одним или несколькими видами деятельности, обслуживающими местные или региональные рынки. Фирмы стремятся сократить свои риски и увеличить прибыль в результате выхода на международные рынки сбыта. Выход на международный сбыт – одна из стратегий предпрятия и диверсифицированный подход к своему бизнесу.

Простым объяснением термина «диверсификация» может являться известная пословица: «Не клади все яйца в одну корзину», и связана она с тем, что даже маловероятное событие падения корзины способно разорить нас полностью, если мы положили в эту корзину все имеющиеся у нас хрупкие вещи. В экономической литературе встречается множество определений диверсификации. Сложность заключается в том, что диверсификация – это такая концепция, которая охватывает различные процессы. Важным моментом в деятельности предприятия является способность распознать и истолковать эту концепцию применительно к своим обстоятельствам. Таким образом, диверсификация (от лат. diversus – разный и facere – делать) – это расширение ассортимента выпускаемой продукции, переориентация рынков сбыта, распределение инвестиций по разным финансовым инструментам и др. Однако понятие диверсификации необходимо использовать в контексте стратегических целей предприятия. Основная цель диверсификации в хозяйственной деятельности предприятия – это снижение разнообразных рисков.

Диверсификация рынка сбыта (разнообразие рынка) предполагает распределение готовой продукции предприятия между несколькими рынками или потребителями. В этом случае провал на одном рынке будет компенсирован успехами на других рынках [1, с. 84]. Во второй половине XX века диверсификация почти одновременно стала использоваться в США, Японии, Германии – странах с передовой рыночной экономикой. Такое сложное явление не могло возникнуть само по себе, его появление было подготовлено всем предыдущим развитием системы экономических и производственных отношений. В истории развития рыночного хозяйства есть множество сочетаний диверсификации и специализации. Теоретические и практические вопросы этого явления впервые были описаны американским экономистом М. Гортом, а несколько позднее – группой японских специалистов под руководством Е. Есинары [6]. Основная задача диверсификации рынков сбыта – это повышение эффективности деятельности предприятия, снижение риска рыночной деятельности в неблагоприятных условиях и повышение степени финансовой устойчивости предприятия.

Диверсификация рынков сбыта как одна из стратегий предприятия

Диверсификация – это сложный процесс, который требует исключительной компетенции со стороны руководителей любого предприятия (крупного или малого), осуществляющего определенный вид деятельности. Процесс диверсификации охвативший предприятия и фирмы многих развитых стран, начал набирать обороты и в нашей стране. Диверсификация рынка сбыта для малого предприятия требует значительных усилий в разработке стратегии выхода на различные рынки, особенно если это касается международных рынков развитых стран.

Можно выделить следующие предпосылки, в силу которых организации приходится диверсифицироваться. Во-первых, это попытка снизить предпринимательские риски, распределив их между различными рынками сбыта. Во-вторых, образование избыточных финансовых ресурсов, превосходящих необходимые для поддержания конкурентных преимуществ в первоначальных сферах бизнеса. В-третьих, стремление выжить и упрочить свое положение в условиях конкуренции.В-четвертых, возможность получения большей прибыли.

Процесс диверсификации для любой компании является сложным и затратным. Поэтому в каждом отдельном случае следует учитывать как позитивные, так и негативные стороны этой стратегии. Обычно предприятия предпочитают не допускать больших колебаний в уровне своих продаж и прибылей и поэтому тщательно подыскивают подходящие зарубежные рынки для сбыта и закупок. Некоторые компании пользуются тем, что экономические циклы в странах мира не совпадают: когда в одной стране уровень продаж снижается, то он повышается в какой-либо другой, находящейся на стадии экономического подъема. В итоге, найдя рынок для приобретения или реализации товара в разных странах, фирма может снизить ущерб от колебания цен или дефицита в какой-либо стране.

Преимуществом диверсификации является то, что это:

1) хороший способ выхода из кризисного состояния предприятия, отрасли;
2) снижает зависимость от одного продукта или рынка;
3) усиливает рыночную власть компании в отношении покупателей;
4) повышает кредитоспособность компании;
5) помогает распределить и снизить риск [6].

К недостаткам диверсификации можно отнести следующее:

1) новая деятельность может потребовать от персонала навыков (например, технологических), необходимости в которых до сих пор в компании не было;

2) в этой стратегии недостаточно внимания уделяется поведенческим сторонам диверсификации (например, проблемам сотрудничества команд);

3) стратегия требует значительных резервов денежных средств;

4) недостаток информации о внешних рынках [6].

Диверсификация как стратегия предприятия зависит от его финансового состояния. Так что слабые компании или компании находящиеся в стадии становления вряд ли смогут завоевать новые рынки или выйти на международную арену. Диверсификация требует значительных финансовых инвестиций. О диверсификации нужно думать постоянно, проводя различные маркетинговые исследования рынка, анализировать вклад каждого бизнес-направления в формировании прибыли предприятия. В любой момент может измениться как ситуация на рынке, так и политическая ситуация: введение или отмена лицензирования, установление или повышение таможенных пошлин, наложение запретов на производство той или иной продукции. Все это повлечет за собой усложнение сбыта, усиление конкуренции, необходимость прекращения того или иного вида деятельности [1, с. 85].

Одним из главных мотивов применения стратегии диверсификации рынков сбыта любого предприятия – это снижения рисков его деятельности. В бизнесе существуют самые разные риски. Однако риск, связанный с вероятностью политических или экономических изменений, которые могут снизить защищенность активов фирмы и получаемых доходов, руководство предприятий часто ставит при международных операциях на первое место.

Диверсификация рынков сбыта на примере ЧТУП «БОГУТА»

Диверсификация рынков сбыта будет рассматриваться на примере ЧТУП «БОГУТА» г. Бреста. Оно является малым предприятием, осуществляющим международные автомобильные грузоперевозки. На данный момент основными рынками сбыта транспортных услуг являются рынок России и Украины. Руководством предприятия было принято решения выхода на новые рынки сбыта, ввиду приобретения новых транспортных средств, способных, по всем техническим характеристикам, оказывать транспортировку грузов в странах Западной Европы, тем самым увеличить прибыль предприятия и снизить риски потерь потребителей данной услуги. Главная цель руководителя ЧТУП «БОГУТА» выбрать новые рынки сбыта и разработать пути выхода на данные рынки. Непродуманная и экономически не обоснованная диверсификация может еще в большей мере усугубить финансовое положение любого промышленного предприятия.

В зависимости от стабильности ситуации на рынке, политической и экономической ситуации в стране, руководителем предприятия предварительно было выбрано три страны, которые будут наиболее тщательно анализироваться при выборе новых рынков сбыта транспортных услуг – это Германия, Польша и Литва. Предварительная оценка способности диверсификации рынков сбыта повысить стоимость самого предприятия. Для этого используют три следующих критерия:

1. Критерий привлекательности. Рынок сбыта, выбранный для диверсификации, должен быть достаточно привлекательный с точки зрения получения хорошей прибыли с вложенных средств. Истинная привлекательность определяется наличием благоприятных условий для конкуренции и рыночной среды, способствующих обеспечению долгосрочной рентабельности.

2. Критерий «затраты на вхождение». Затраты на вхождение в новый рынок сбыта не должны быть слишком высоки, чтобы не нанести ущерб потенциалу для получения прибыли. Чем более привлекателен рынок, тем дороже стоит проникновение на него. Входные барьеры для новых предприятий всегда высоки, в противном случае

поток желающих войти на рынок свел бы на нет возможность получения прибыли.

3. Критерий дополнительных выгод. Компания, осуществляющая диверсификацию, должна приложить определенные усилия для создания конкурентного преимущества на новом рынке. Создание конкурентного преимущества там, где его ранее не существовало, приводит к появлению возможности получения дополнительной прибыли и увеличения стоимости самого предприятия.

Таблица 1 – Критерии предварительной оценки выхода предприятия ЧТУП «БОГУТА» на рынки Польши, Германии и Литвы

Страна	Критерий привлекательности	Критерий «Затраты на вхождение»	Критерий дополнительных выгод
Польша	Небольшая удаленность от Республики Беларусь позволяет экономить на топливе и тем самым повышать рентабельность грузоперевозок; высокие тарифы на оказываемые услуги.	Затраты на вхождение низки, однако осуществление грузоперевозок требует высокого качества оказываемых услуг и высокого уровня технического состояния транспортных средств. Трудность – наличие визового режима.	Оказание экспедиторских услуг. Работа с транспортными предприятиями Польши: оказание услуг по экспедированию грузов в Россию (г. Нальчик, Кабардино-Балкария).
Германия	Открытый рынок для частных перевозчиков; созданы условия для конкуренции; высокие тарифы на оказываемые услуги; хорошо развита инфраструктура; развитые логистические центры.	Выход на рынок предусматривает наличие грузовых автомобилей стандартов ЕВРО-4 и ЕВРО-5, приобретение которых требует значительных финансовых вложений.	Оказание ряда сопутствующих услуг; высокая надежность и сохранность перевозимых грузов позволит получить конкурентные преимущества на рынке.
Литва	Крепкие экономические связи с РБ позволяют повышать объемы товарооборота и грузоперевозок; созданы условия для конкуренции; средняя открытость рынка для проникновения транспортных предприятий РБ.	Выход на рынок не требует значительных затрат, однако предпочтение отдается литовским экспедиторским фирмам и грузоперевозчикам.	Оказание сопутствующих услуг (экспедирование, погрузочно-разгрузочные работы, страхование) позволит получить конкурентные преимущества и дополнительную выгоду.

Анализ данной таблицы не дает четкого решения при выборе рынков сбыта, поэтому руководству предприятия необходимо разработать программу диверсификации рынков сбыта. Данная программа проводится в несколько этапов.

I этап. Мониторинг конъюнктуры рынков. Исследование необходимо для определения целесообразности оказания транспортных услуг ЧТУП «БОГУТА» на рынках исследуемых стран. Услуги автомобильных перевозок грузов в Польше, Германии и Литве пользуются спросом ввиду развитости производства в данных странах. Этот фактор обусловливает существование большой конкуренции.

II этап. Анализ спроса и предложения. Анализируя спрос и предложение на рынке транспортных услуг Германии, Польши и Литвы, мы пришли к выводу, что на рынке Германии присутствуют частные транспортные компании различных стран, однако существует и большой спрос на грузоперевозки. На рынке грузоперевозок Польши присутствуют местные частные компании, но значительная доля рынка принадлежит

транспортным предприятиям Республики Беларусь, конкретно города Бреста. Данный факт обусловлен соседскими взаимоотношениями между Беларусью и Польшей. Рынок Литвы характеризуется высоким спросом на услуги по грузоперевозкам и наличием большой доли национальных предприятий – производителей транспортных услуг, что затрудняет выход на данный рынок предприятий Республики Беларусь.

III этап. Анализ финансового состояния предприятия. Он показал, что предприятие находится в удовлетворительном финансовом состоянии, имеет достаточные производственные мощности для освоения новых рынков сбыта. Предприятие в течение последних 3 лет имеет рост показателей прибыли, что доказывает возможность диверсификационного развития [3].

IV этап. Прогнозирование конечных показателей деятельности предприятия. Выход на новые рынки сбыта позволят увеличить прибыль предприятия, повысить его конкурентоспособность. Также выход на международные рынки важен и для самого государства, ведь это непосредственный приток в страну валюты [5].

По мере прохождения этапов осуществления диверсификации возникают все новые и новые вопросы, для ответа на которые постоянно требуется дополнительная информация. На предприятии существует отлаженная система сбора и обработки рыночной информации, которая удовлетворяет эту потребность. Но помимо ответов на новые вопросы возникает необходимость в детализации ответов на вопросы, уже имевших место на предыдущих этапах. Это происходит, к примеру, при выборе целевых рынков, сегментировании выбранного рынка, определении наиболее привлекательных сегментов. Поэтому важно не только иметь возможность для получения новой информации, но и путем анализа уметь извлечь из ранее полученной информации необходимые сведения. Следовательно, разрабатывать программу диверсификации и приводить ее в действие должен квалифицированный работник. На ЧТУП «БОГУТА» этим непосредственно занимается директор. Возможность использовать услуги аутсорсинга в будущем [2].

Наиболее привлекательный рынок должен обладать высоким уровнем сбыта, высоким уровнем рентабельности, слабой конкуренцией и возможностью свободного доступа. В действительности такое идеальное сочетание практически не встречается, поэтому предприятие вынуждено принимать компромиссный вариант. Исходя из предварительной оценки и разработанной программы диверсификации руководство ЧТУП «БОГУТА» выбрала наиболее привлекательные рынки сбыта – Польши и Германии. На рынках России и Украины предприятие не имеет возможности дальнейшего увеличения своей доли, поэтому ему необходимо правильно позиционировать себя на новых, выбранных им рынках.

Оценка конкурентоспособности ЧТУП «БОГУТА» на выбранных рынках

При выходе на международные рынки необходимо оценить конкурентоспособность ЧТУП «БОГУТА». Для этого воспользуемся графическим методом, в котором происходит сопоставление «многоугольников конкурентоспособности».

Конкурентоспособность продукции (работ и услуг) – многоаспектное понятие, определяющее соответствие конкретнным экономическим (уровень цен на услуги, сервисное обслуживание, размер средств у заказчиков), техническим (область применения, назначение, состояние транспортных средств) и нормативным (соответствие стандартам, нормативам) параметрам [10, с. 269]. Механизм управления качеством автотранспортного обслуживания должен обеспечивать единство интересов и целей производственных и автотранспортных организаций и их полную подчиненность задачам эффективного бизнеса. Требования к автотранспортным организациям сводятся к своевременности перевозок (перевозка выполняется в установленный срок), сохранности гру-

зов (в ходе перевозки не должно быть потерь груза и ухудшения его качества) и минимизации затрат заказчика на перевозку. Таким образом, качество автотранспортного обслуживания – это своевременность, полнота, сохранность груза, экономичность, экологичность и конкурентоспособность [8, с. 142].

К основным критериям, которыми руководствуются предприятия-производители на разных рынках, включая транспортный рынок Германии и Польши, при выборе транспортных фирм, способных доставлять их продукцию по системе «just in time», являются надежность, сохранность, скорость доставки, репутация транспортной фирмы, наличие дополнительных услуг, цена, техническое состояние грузовых автомобилей и коэффициент рентабельности автотранспортных услуг.

Для оценки возможностей ЧТУП «БОГУТА» по значениям выбранных критериев построен многоугольник конкурентоспособности на рынках транспортных услуг Германии, Польши и Литвы. Радар конкурентоспособности ЧТУП «БОГУТА» на рынке услуг Германии и Польши строится на основе следующих принципов: оценочные показатели имеют «одинаковый» вес, поэтому круг делится радиальными оценочными шкалами на равные секторы, число которых равно числу оценочных параметров; значение показателя улучшается по мере удаления от центра круга; шкалы на радиальных прямых градируются так, чтобы все значения показателей находятся внутри оценочного круга. Внутренний и внешний многоугольники (сплошные линии) представляют допустимые границы измерения параметров конкурентоспособности ЧТУП «БОГУТА» на исследуемых рынках, а зоной возможной конкуренции является площадь между ними [10]. Многоугольник конкурентоспособности представлен на рисунке 1.

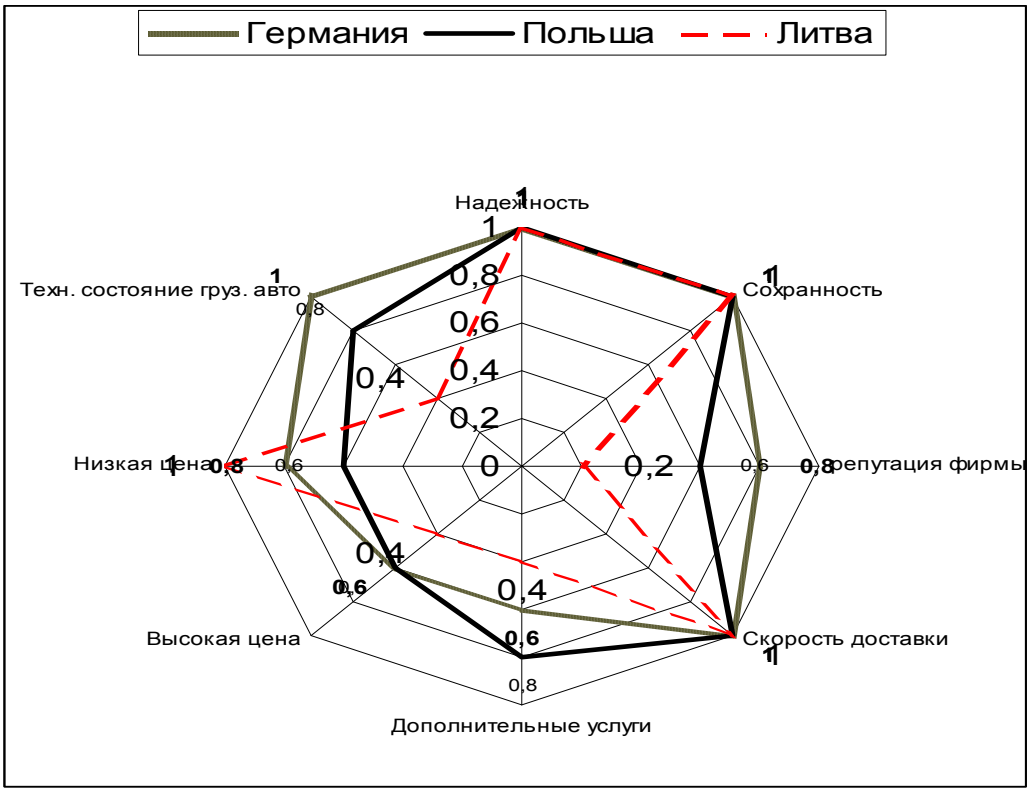

Рисунок 1 – Многоугольники конкурентоспособности ЧТУП «БОГУТА» на рынках транспортных услуг Германии, Польши и Литвы

Из анализа площадей многоугольников конкурентоспособности можно сделать вывод, что наиболее привлекательными рынками для сбыта транспортных услуг являются рынки Германии и Польши. Слабой стороной ЧТУП «БОГУТА» на рынке Германии является техническое состояние автомобилей, на рынке Польши – отсутствие сопутствующих услуг. Сильными сторонами ЧТУП «БОГУТА» являются сохранность, надежность доставки и сроки доставки грузов. Для ЧТУП «БОГУТА» реализация данных критериев стоит на первом месте вне зависимости от рынков сбыта.

Основными причинами слабой конкурентной позиции ЧТУП «БОГУТА» являются недостаточное владение информацией о состоянии спроса на автотранспортные услуги, низкие технико-эксплуатационные характеристики грузового автотранспорта, неэффективная реклама, завышенные тарифы на услуги, нерешенные производственные проблемы и в целом отсутствие конкурентной политики организации. Следовательно, в повышении конкурентоспособности автотранспортных услуг значение имеет освоение новых рынков и поиск новых заказчиков и клиентов. С этой целью организации необходимо провести эффективную рекламную кампанию, которая бы продемонстрировала конкурентные преимущества.

Конкурентное преимущество – это превосходство над конкурентами, позволяющее завоевать более прочные по сравнению с ними позиции на международном рынке и получить желаемую прибыль. Это достигается путем предоставления потребителям больших благ, за счет реализации более дешевой продукции (услуг) или предложения высококачественных продуктов (услуг), но по оправданно более высокой цене [4].

При этом ЧТУП «БОГУТА» для обеспечения рентабельности производства должно иметь сильные позиции по отношению к конкурентам, проявляющиеся в основном в двух типах конкурентных преимуществ: в экономии издержках и в стратегии дифференциации (по специализации). Под экономией издержек понимается не просто меньшая, чем у конкурентов, сумма затрат на производство продукции (работ, услуг), а способность реализовывать транспортные услуги более эффективно, чем конкуренты. Экономия издержек достигается на исследуемом предприятии за счет улучшения основных технико-экономических показателей и расширения перечня выполняемых транспортно-экспедиционных услуг. В качестве сопутствующих услуг можно выделить экспедирование груза, информирование клиентуры о местонахождении груза, выполнение погрузки-разгрузки силами водителей или автотранспортных организаций, сдача подвижного состава в аренду клиентам и др.

Позиционирование ЧТУП «БОГУТА» на новых рынках сбыта

Остановив свой выбор на определенных рынках, предприятие должно решить, как проникнуть на них. Если рынки устоялись и на них присутствуют конкурирующие предприятия, то, прежде чем решить вопрос о собственном позиционировании, предприятие должно определить позиции конкурентов.

С учетом позиций конкурентов у ЧТУП «БОГУТА» есть два возможных пути.

1. Позиционировать себя рядом с одним из существующих конкурентов и начать борьбу за долю рынка. Такая тактика оправдана, если:

а) рынок достаточно велик, чтобы на нем хватило места для всех конкурирующих предприятий;

б) предприятие располагает большими конкурентными преимуществами, так как выбранная позиция в наибольшей мере отвечает сильным сторонам его деятельности [9].

2. Отыскать такую технологию, которой еще нет на рынке, и предложить потребителю услугу с особыми отличиями, тем самым привлекая его на свою сторону. Но прежде руководству следует убедиться в возможности работы предприятия с новой технологией, в возможности реализации услуг грузоперевозок в рамках планируемых

цен, в достаточном количестве потенциальных потребителей. Если все факторы очевидны, то предприятие должно принять меры к заполнению рыночной ниши [9].

Приняв решение о конкурентном позиционировании своей услуги, ЧТУП «БОГУТА» далее разрабатывает комплекс маркетинга. Опираясь на него, базирует свое развитие на установление привлекательной для потребителей цены на продукцию предприятия, рекламную деятельность и меры по стимулированию сбыта, которые представляют собой систему мероприятий, обеспечивающих продвижение транспортных услуг предприятия на выбранных рынках.

Заключение

Таким образом, диверсификация оказывает огромное влияние не только на деятельность отдельного предприятия, но и на эффективность всей экономики страны, что сказывается, в конечном счете, на увеличение валютных запасов в стране. Поэтому создание благоприятных условий для выхода предприятия на зарубежные рынки является одной из главных целей государства.

Рассматривая процесс диверсификации в контексте диверсификации рынков сбыта для малого предприятия, можно сделать вывод, что более высокий уровень сбыта означает и более высокий уровень прибыли. Фактически прибыль на единицу оказываемой услуги может увеличиваться по мере расширения сбыта. Международный сбыт является главным мотивом участия фирм в международном бизнесе.

Для достижения любой из своих международных целей ЧТУП «БОГУТА» должно устанавливать формы проведения внешнеторговых операций и анализировать среду, в которой предприятию предстоит действовать. При выходе на предполагаемые рынки сбыта предприятие должно четко оценить свою конкурентоспособность на данных рынках, определить свои слабые и сильные стороны, и разработать конкурентная стратегию развития с целью завоевания рыночных позиций и получения выгод от реализации конкурентных преимуществ. Основными стратегиями могут быть: стратегия лидерства, стратегия издержек (себестоимости); дифференциация производства; освоение новых рынков; стратегия фокусирования и стратегия синергизма.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Акулич, М. Анализ страновой диверсификации/концентрации деятельности белорусских предприятий / М. Акулич // Маркетинг, реклама и сбыт. – 2002. – № 8. – С. 83–85.

2. Богута, И.И. Лизинг персонала – инструмент повышения эффективности деятельности организации / И.И. Богута, П.И. Ильющеня // Социально-исторические и гуманитарные проблемы : сб. конкурсных научн. работ студентов и магистрантов, ч. 3, Брест, 17 апреля 2011 г. / Брестский гос. техн. ун-т; редкол.: М.Т. Козинец [и др.]. – Брест : БрГТУ, 2011. – 140 с.

3. Богута, И.И. Исследование выгодности услуг факторинга с целью минимизации коммерческих рисков / И.И. Богута // Перспективные направления развития региональной экономики : материалы межвуз. науч.-практ. студенческой конф., Брест, 27 мая 2011 г. / Брестский гос. ун-т имени А.С. Пушкина; редкол.: Н.В. Борсук, Н.И. Зайцева, Т.А. Горупа. – Брест : БрГУ, 2011.

4. Богута, И.И. Овердрафт – инновационный инструмент финансирования текущей деятельности предприятия / И.И. Богута // Перспективные направления развития региональной экономики : материалы межвуз. научно-практ. студенческой конф., Брест, 27 мая 2011 г. / Брестский гос. ун-т имени А.С. Пушкина; редкол.: Н.В. Борсук, Н.И. Зайцева, Т.А. Горупа. – Брест : БрГУ, 2011.

5. Зайцева, Н.И. Инновационные подходы к развитию малого бизнеса / Н.И. Зайцева, И.И. Богута // Веснік Брэсцкага ўніверсітэта. Сер. 2. Гісторыя. Эканоміка. Права. – 2011. – № 2. – С. 54–61.

6. Диверсификация / Сайт Википедия [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://ru.wikipedia.org/wiki/Диверсификация. – Дата доступа: 09.02.2012.

7. Карбанович, И. И. Международные автомобильные перевозки : учеб. пособие / И.И. Карбанович. – Минск : Артия групп, 2010. – 354 с.

8. Методические подходы к оценке конкурентоспособности автотранспортных услуг в АПК / Журнал «Управление экономическими системами: электронный научный журнал» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://uecs.ru/uecs-20-202009/item/146-2011-03-22-12-42-32. – Дата доступа: 09.02.2012.

9. Маркетинговые коммуникации / Сайт Энциклопедия маркетинга [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.marketing.spb.ru/lib-comm/dm/index.htm. – Дата доступа: 09.02.2012.

10. Фатхутдинов, Р.А. Управление конкурентоспособностью организации : учеб. пособие / Р.А. Фатхутдинов – М. : Эксмо, 2005. – 544 с.

Zaitsava N.I., Shoniya I.I. **Influence of Diversification of Commodity Markets on the Development and Efficiency of Small Enterprise**

The international market entry is one of the priority purposes of any enterprise. The expansion of commodity markets allows raising efficiency of activity of the enterprise, to enlarge rates of its development, and the most important thing is to involve currency in the country. The international market entry is one of diversification strategies. Entering the international markets it is necessary to estimate accurately the competitiveness in the given markets, to choose competitive strategy and to set itself up on the chosen directions, having developed an effective complex of marketing. Only in such sequence it is possible to achieve efficiency of the activity at the diversification of commodity markets.

Рукапіс паступіў у рэдкалегію 11.01.2012

УДК 339.9.01

В.В. Мацукевич, А.В. Данилецкая

ТЕОРИЯ И МЕТОДИКА ОСНОВНЫХ ПОДХОДОВ К РЕГУЛИРОВАНИЮ ВНЕШНЕЭКОНОМИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ

В данной работе представлены основные подходы к регулированию внешнеэкономической деятельности, которые были сформулированы в процессе развития внешнеэкономических отношений между странами. В современных условиях в связи с процессами интернационализации и глобализации проблема выбора форм и методов, используемых государством для регулирования своей внешнеэкономической деятельности, приобретает особое значение. Именно от этого выбора зависит эффективное развитие экономики страны в целом, а так же благосостояние народа.

Введение

В современных условиях внешнеэкономическая деятельность (ВЭД) является важной составляющей, формирующей структуру, динамику и устойчивость национальной экономики. Ни одно государство в мире не может успешно развиваться без эффективной системы внешнеэкономических отношений, позволяющих интегрироваться в мировое хозяйство. Изучение данной проблемы базируется на знании теоретических подходов к исследованию регулирования внешнеэкономической деятельности. Исследование основных подходов к регулированию внешнеэкономической деятельности показало, что существует множество теорий, затрагивающих различные аспекты регулирования внешнеэкономических отношений. В условиях мирового экономического кризиса особое значение приобретает государственное регулирование внешнеэкономической деятельности как совокупность мер и институтов, способствующих осуществлению эффективной внешнеэкономической политики страны и взаимосвязей с зарубежными партнерами.

С целью изучения и анализа основных подходов к регулированию внешнеэкономических отношений, которые применялись в мировой практике с помощью методов экономического анализа и синтеза, динамического и сравнительного анализа теоретической литературы, изучены данные подходы к регулированию внешнеэкономической деятельности, а по результатам исследования внесены предложения по совершенствованию ВЭД.

В истории развития внешнеэкономических отношений можно выделить несколько основных теорий по их регулированию.

1. Согласно *теории абсолютных преимуществ*, автором которой является А. Смит, страна должна экспортировать товары, цена которых ниже, чем в других странах, а импортировать в обмен из других стран те товары, которые дешевле отечественных. Развитие внешнеэкономических связей между странами при этом исходит из различий в абсолютных уровнях издержек производства в отдельных странах. Правительство не должно вмешиваться во внешнюю торговлю. Однако данная теория базируется на ряде допущений, не всегда имеющих место в действительности: свобода внешней торговли; полная занятость в экономике; в торговые отношения вовлечены только две страны; страны специализируются на одном товаре и т.д.

2. Разрабатывая *теорию сравнительных преимуществ,* Д. Рикардо исходил из того, что страны должны специализироваться на производстве и вывозе тех товаров, которые они производят с относительно меньшими издержками (в расчете на единицу труда), что связано с особенностями географических условий различных стран, а также

с разным уровнем их экономического развития. Недостатки данной теории заключались в том, что рассматривался один фактор производства, не были подробно проанализированы причины различия в производительности труда.

3. В XX веке была разработана *теория международной торговли,* авторами которой были Э. Хекшер и Б. Олин. Согласно их концепции, богатая трудом страна обладает преимуществом в производстве трудоемкого товара, а богатая капиталом, соответственно, капиталоемкого. Поэтому страна экспортирует те товары, производство которых требует интенсивного использования факторов производства, которыми данная страна обладает в сравнительно большем объеме, нежели ее торговые партнеры. Однако в реальности не находят отражения такие ее положения, как наличие только двух стран – участниц торговли и двух факторов производства; существование свободной конкуренции и абсолютной гибкости цен; отсутствие препятствий в торговле; игнорирование влияния масштабов производства, транспортных издержек.

4. Теория П. Самуэльсона *о выравнивании цен на факторы производства* основана на следующих положениях. Если в международном разделении труда страна, богатая капиталом, будет специализироваться на производстве капиталоемкого товара, это приведет к росту спроса и цены на капитал; а специализация страны, богатой трудом, на производстве трудоемкого товара, приводит к росту спроса и цены на труд. Недостатком данной теории является то, что она не уделяла внимания социальным аспектам и историческим условиям.

5. В середине прошлого века известность получил *парадокс В. Леонтьева*. Его концепция полностью противоречит теории Хекшера–Олина, так как США, богатые капиталом, экспортировали трудоемкую продукцию, а импортировали капиталоемкую. В. Леонтьевым было выдвинуто два объяснения: а) необходимость рассматривать высокую квалификацию; б) в процессе производства капитал может быть заменен рядом других факторов (плодородной землей, лесом, водными ресурсами и т.п.). Следовательно, импортируемые в США товары могут оказаться капиталоемкими в США, но ресурсоемкими за границей. Однако В. Леонтьев не сравнил экспортные отрасли США с экспортными отраслями других стран. В различных странах существует расхождение в относительных ценах на труд и капитал.

6. Согласно *теории М. Портера*, в современных условиях основными конкурирующими субъектами являются не страны, а фирмы. Как вывод – правительства должны создавать благоприятные условия для эффективного функционирования фирм, так как основными конкурирующими субъектами являются не страны, а фирмы.

Во внешнеэкономической политике и практике государственного регулирования в разные периоды использовались различные аспекты вышеназванных теорий. В современных условиях интернационализации хозяйственной жизни экономика отдельных стран все глубже втягивается в международное разделение труда, что изменяет роль и цели национального внешнеэкономического регулирования. С одной стороны, важнейшей задачей государства по-прежнему является создание наиболее благоприятных условий для своих предпринимателей на внутреннем и внешнем рынках, что связано с реализацией протекционистских мер и задач защиты национального рынка. С другой – процессы интернационализации и глобализации вызывают необходимость либерализации внешней торговли и движения капитала, валютно-финансовых отношений. В этой связи особое значение приобретает совокупность форм и методов, используемых государством для регулирования своей внешнеэкономической деятельности.

Внешнеэкономическая деятельность – это совокупность организационно-экономических, производственно-хозяйственных и оперативно-коммерческих функций экспортоориентированных предприятий с учётом избранной внешнеэкономической стратегии, форм и методов работы на рынке иностранного партнера.

В соответствии с законодательством Республики Беларусь под определением «внешнеэкономическая деятельность» понимается внешнеторговая, инвестиционная и иная деятельность, включая производственную кооперацию, в области международного обмена товарами, информацией, работами, услугами, результатами интеллектуальной деятельности, в том числе исключительными правами на них (интеллектуальной собственностью) [1, с. 4].

Первым комплексным актом Республики Беларусь, регулирующим внешнеэкономическую деятельность, стал Закон Республики Беларусь «Об основах внешнеэкономической деятельности», принятый 25 октября 1990 г. [2]. Государственное регулирование внешнеторговой деятельности в нашей стране осуществляется Президентом Республики Беларусь, Национальным собранием Республики Беларусь, Правительством Республики Беларусь и иными уполномоченными государственными органами Республики Беларусь в соответствии с Законом «О государственном регулировании внешнеторговой деятельности» [2], иными актами законодательства нашего государства и нормами международного права, действующими для Республики Беларусь.

Если говорить о мерах по защите экономических интересов Республики Беларусь при осуществлении внешней торговли товарами, то они определены в Законе Республики Беларусь от 25 ноября 2004 г. № 346-З «О мерах по защите экономических интересов Республики Беларусь при осуществлении внешней торговли товарами» [3].

Основополагающим международным документом, регулирующим ВЭД, является Конвенция ООН от 11 апреля 1980 г. о договорах международной купли-продажи товаров, которая устраняет расхождения в национальных законодательствах, регулирующих международную куплю-продажу товаров. На территории Республики Беларусь Конвенция действует с 1 ноября 1990 г.

К нормативно-правовым актам, регулирующим внешнеэкономическую деятельность, также относятся Законы Республики Беларусь «О государственном прогнозировании и программах социально-экономического развития Республики Беларусь» [4], «Об утверждении основных направлений внутренней и внешней политики Республики Беларусь» [5], «О международных договорах Республики Беларусь» [6], Договор о создании единой таможенной территории и формировании таможенного союза [7], Соглашение о создании зоны свободной торговли [8] и др.

К основным принципам государственного регулирования внешнеэкономической деятельности Республики Беларусь относятся: реализация внешнеторговой политики как составной части единой внешней политики; единство системы государственного регулирования ВЭД и контроль за ее осуществлением; единство политики экспортного контроля; приоритет экономических мер государственного регулирования ВЭД; соблюдение законодательства Республики Беларусь при осуществлении мер государственного регулирования ВЭД; неукоснительное выполнение обязательств, принятых Республикой Беларусь по международным договорам и др. [9, с. 7–8].

Используя преимущества международного разделения труда, можно совершенствовать структуру экономики страны, увеличивать темпы роста ВВП, ускорять внедрение достижений научно-технического прогресса. Без расширения внешних рынков и привлечения зарубежных инвестиций не может быть и речи об эффективности экономики Республики Беларусь, интеграции ее в мировую экономику.

Для предприятий ВЭД означает расширение возможностей в выборе эффективных путей решения стратегических целей. Внешнеэкономическая деятельность предприятий – это сфера хозяйственной деятельности, связанная с международной производственной и научно-технической кооперацией, экспортом и импортом продукции, выходом предприятия на внешний рынок.

В современных условиях глобализации мировой экономики особую значимость приобретает инновационное развитие внешнеэкономической деятельности, в том числе и на уровне регионов. Это направление включает в себя как использование преимуществ международного разделения труда, разработку, производство и экспорт отечественных наукоемких товаров, услуг и технологий, так и освоение новых прогрессивных технологий производства, имеющихся за рубежом. Расширение экспортного потенциала способствует улучшению экономического положения предприятий и регионов.

Используя широкие возможности мирового рынка, можно найти ниши для реализации своей продукции с максимальной прибылью, внедрения новейших достижений научно-технического прогресса для производства конкурентоспособной продукции, а также партнеров, отвечающих интересам предприятия, включиться в международную производственную кооперацию.

Заключение

В современных условиях особое значение приобретают подходы к регулированию внешнеэкономической деятельности, так как расширение внешних рынков (развитие внешнеэкономических отношений) способствует как повышению конкурентоспособности отдельных регионов, так и эффективности развития экономики страны в целом. На основании исследования теоретических и законодательных аспектов государственного регулирования ВЭД можно сделать следующие выводы:

1. Существует множество теорий, затрагивающих различные аспекты регулирования внешнеэкономической деятельности, которые использовались в мировой практике государственного регулирования в разные исторические периоды.

2. В современных условиях интернационализации хозяйственной жизни экономика отдельных стран все глубже втягивается в международное разделение труда, что изменяет роль и цели национального внешнеэкономического регулирования. В этой связи особое значение приобретает совокупность форм и методов, используемых государством для регулирования своей внешнеэкономической деятельности.

3. Основными задачами в области внешнеэкономической деятельности являются расширение экспорта, рационализация объема и структуры импорта, углубление взаимодействия с мировым рынком, осуществление эффективной внешнеторговой политики, которая связана с макроэкономической и промышленной политикой, обеспечивающие динамичное развитие внешнеэкономического комплекса страны и защиту интересов национального рынка от неблагоприятного воздействия мировой конъюнктуры.

4. Внешнеэкономическая деятельность регионов должна быть направлена на повышение объемов экспорта наукоемкой продукции, передовых технологий и услуг технического характера. Для решения этих задач требуется обеспечить эффективное взаимодействие внешнеэкономического комплекса и инновационной системы региона.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Модельный Закон «Общие принципы экспортного контроля», принятый постановлением Межпарламентского Комитета Республики Беларусь, Республики Казахстан, Кыргызской Республики, Российской Федерации и Республики Таджикистан от 10.12.2000 г. № 11-13 [Электронный ресурс] / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2011. – Режим доступа: http://www.pravo.by. – Дата доступа: 18.03.2011.

2. Закон Республики Беларусь «О государственном регулировании внешнеторговой деятельности» от 25.11.2004 г. № 347-З [Электронный ресурс] / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2011. – Режим доступа: http://www.pravo.by. – Дата доступа: 12.08.2011.

3. Закон Республики Беларусь «О мерах по защите экономических интересов Республики Беларусь при осуществлении внешней торговли товарами» от 25.11.2004 г. № 346-З [Электронный ресурс] / Нац. центр правов. информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2011. – Режим доступа: http://www.pravo.by. – Дата доступа: 17.08.2011.

4. Закон Республики Беларусь «Об утверждении основных направлений внутренней и внешней политики Республики Беларусь» от 14.11.2005 г. № 60-З [Электронный ресурс] / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2011. – Режим доступа: http://www.pravo.by. – Дата доступа: 20.08.2011.

5. Алехнович, А.В. Управление внешнеэкономической деятельностью Республики Беларусь : практ. пособие / А.В. Алехнович. – Минск : Амалфея, 2005. – 416 с.

6. Пашуто, В.П. Внешнеэкономическая деятельность предприятия : учеб. пособие для студентов высших учеб. заведений / В.П. Пашуто, О.В. Пашуто. – Минск : ИВЦ Минфина, 2009. – 360 с.

7. Налоговый кодекс Республики Беларусь от 29 декабря 2009 г. № 71-З с изменениями от 10.01.2011 г. [Электронный ресурс] / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2011. – Режим доступа: http://www.pravo.by. – Дата доступа: 23.04.2011.

8. Недоступ, А.В. НДС: теория и практика / А.В. Недоступ. – Минск : Изд-во Гревцова, 2009. – 272 с.

9. Официальный сайт Комиссии Таможенного союза [Электронный ресурс] / Комиссия Таможенного союза. – Москва, 2011. – Режим доступа: http://www.tsouz.ru. – Дата доступа: 15.08.2011.

Matsukevich V.V., Danileckaya A.V. **The Theory and Methods of Basic Approaches to Regulation of Foreign Economic Relations**

The given article contains the basic approaches to regulation of foreign-economic activities which have been formulated in the course of development of foreign economic relations between countries. Under present-day conditions, in connection with the processes of internationalization and globalization, the problem of a choice of forms and methods, which are used by the state for regulation of foreign-economic activities, is of special significance. Effective development of national economy as a whole and also well-being of people depends exactly on this choice.

Рукапіс паступіў у рэдкалегію 20.02.2012

УДК 658.5

М.В. Варакулина

ПОСТРОЕНИЕ СИСТЕМЫ УПРАВЛЕНИЯ ПЕРСОНАЛОМ НА ПРЕДПРИЯТИИ ЖИЛИЩНО-КОММУНАЛЬНОГО ХОЗЯЙСТВА: ПРИНЦИПЫ, МЕТОДЫ, ФАКТОРЫ, ЭТАПЫ

В статье нашла отражение методология трансформации традиционной системы управления персоналом на предприятии ЖКХ в систему, соответствующую требованиям ИСО. Автором рассматриваются основные принципы и методы построения системы управления персоналом. Существенное внимание уделено процедуре построения системы управления персоналом в соответствии с методологией ИСО; выделены ее основные этапы и дана их характеристика. Автором определяются факторы, которые могут оказывать влияние на процесс трансформации традиционной системы управления персоналом на предприятиях ЖКХ в систему, учитывающую требования ИСО.

Введение

Одним из наиболее трудных процессов, имеющих место на отечественных предприятиях, является переход от осознания необходимости конкретной теоретической концепции к практическому ее использованию. Как показывает практика, многие прогрессивные теории применяются лишь фрагментарно или не применяются совсем. Чтобы система управления персоналом на основе принципов ИСО (ISO – Международная организация по стандартизации) в организациях ЖКХ из концепции трансформировалась в практическую деятельность, должен быть учтен целый ряд взаимосвязанных факторов:

1) руководство предприятия должно осознать роль такого подхода и признать проект системы управления персоналом на основе ИСО, избавившись от формального к нему подхода. Инновации в области системы управления персоналом могут серьезно повысить и стабилизировать позицию предприятия ЖКХ;

2) должна быть изменена работа отделов кадров, осуществлен переход от традиционного делопроизводства к управлению персоналом, включая новые функции;

3) необходимо приглашать консультантов-специалистов по управлению персоналом, которые, опираясь на стратегию предприятия, ищут варианты ее реализации и усиления за счет кадровой подсистемы.

4) в проекте построения системы управления персоналом на основе принципов ИСО должны участвовать все уровни управления и функциональные подразделения.

Основные элементы процесса построения системы управления персоналом на предприятии ЖКХ

Процесс построения системы управления персоналом на предприятии ЖКХ имеет своих потребителей, исполнителей и поставщиков. В системе управления персоналом традиционно [1] поставщиками процессов выступают службы управления персоналом, исполнителями – непосредственные руководители подразделений и предприятия в целом, а потребителями – работники предприятия. В данном случае этот подход в целом можно сохранить. Следует, однако, учитывать, что любые изменения требуют формирования группы исполнителей, отвечающих за проведение изменений, а также тот факт, что любые изменения вызывают серьезное противодействие со стороны сотрудников организации.

В целях наиболее адекватного перехода к использованию методологии ИСО в системе управления персоналом на предприятии ЖКХ автором статьи предлагается

рассмотреть процесс построения системы управления персоналом (СУП) как композицию пяти элементов (рисунок 1).

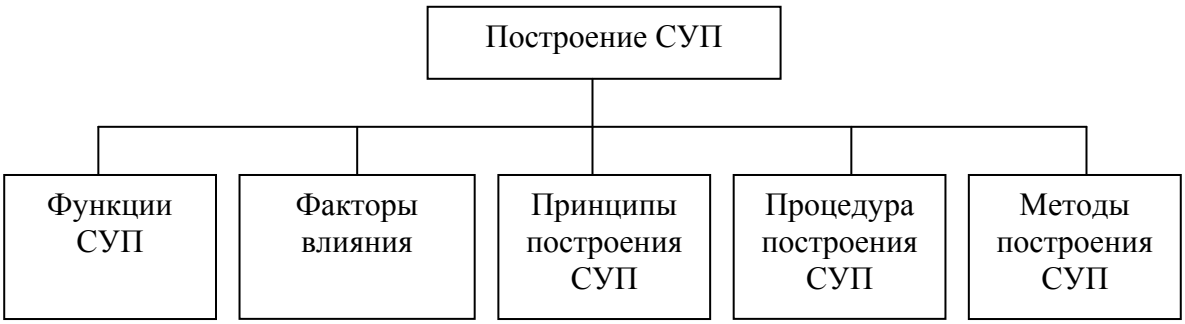

Рисунок 1 – Элементы процесса построения системы управления персоналом (СУП)

В соответствии с методологией ИСО, основными функциональными блоками системы управления персоналом должны выступать: формирование персонала предприятия ЖКХ, развитие персонала предприятия ЖКХ, оценка персонала и обеспечение персонала необходимыми ресурсами. Эти функции должны выполняться системой вне зависимости от этапа жизненного цикла предприятия.

Факторы, влияющие на построения системы управления персоналом

Факторы влияния, воздействующие на процесс построения системы управления персоналом на предприятиях ЖКХ, можно условно разделить на две группы: факторы содействия (или движущие силы трансформации системы управления персоналом) и факторы сопротивления (или сдерживающие трансформацию силы) [2]. На каждом конкретном предприятии может быть свой набор факторов. Примерный перечень возможных факторов влияния представлен на рисунке 2.

Рисунок 2 – Примерные факторы влияния при построении СУП

Рассмотренные выше факторы являются общими и должны быть дополнены специальными факторами, учитывающими специфику конкретного предприятия. Ос-

новная задача руководства в контексте рассматриваемой проблемы состоит в нейтрализации влияния факторов отрицательной направленности за счет факторов положительной направленности[3; 4].

Недопустимым является игнорирования факта наличия данных сил. Персонал не всегда действует рационально, и у руководства предприятия должен быть проект действий при возникновении означенных выше факторов.

Принципы построения системы управления персоналом на предприятиях ЖКХ

Принципы построения системы управления персоналом на предприятиях ЖКХ также должны учитывать требования методологии ИСО. В соответствии с данной методологией, можно предложить следующие *принципы* построения системы управления персоналом на предприятиях ЖКХ:

1. *Плановости* (все мероприятия должны носить плановый характер с четким определение сроков, затрат и исполнителей, а также допусков отклонений при реализации данного проекта).
2. *Развития* (при формировании системы необходимо исходить из возможности ее дальнейшего развития и совершенствования).
3. *Оценки* (процесс построения системы управления персоналом должен опираться на фактические данные, полученные в результате стартовой, промежуточной и итоговой оценки результативности процесса).
4. *Документирования* (все процессы и этапы должны быть задокументированы; рабочие записи должны содержаться в порядке).
5. *Рациональности* (построение оптимальной системы, учитывающей целевые установки и специфику хозяйственной деятельности конкретного предприятия ЖКХ).
6. *Системности* (рассмотрение системы управления персоналом как совокупности подсистем, рассмотренных выше в их взаимосвязи и взаимодействии).
7. *Комплексности* (рассмотрение всех без исключения составляющих системы управления персоналом).
8. *Обеспеченности* (обеспечение процесса всеми необходимыми ресурсами: трудовыми, материальными, финансовыми и др.).
9. *Участия* (вовлеченность сотрудников предприятия в процесс формирования системы управления персоналом).

Процедура построения системы управления персоналом на предприятиях ЖКХ

Процедура построения СУП предполагает определение этапов, ресурсов, исполнителей и сроков. Систематизируя методологию ИСО [5], можно предложить следующие основополагающие подходы к формированию системы управления персоналом на предприятиях сферы ЖКХ:

1. Системный подход, предполагающий рассмотрение системы управления персоналом во взаимосвязи всех основных и специальных элементов, а также во взаимосвязи с другими подсистемами системы управления предприятием системы ЖКХ.

2. Процессный подход, предполагающий рассмотрение системы управления персоналом предприятия ЖКХ как совокупности взаимосвязанных процессов, имеющих своих поставщиков и потребителей.

Использование предлагаемых подходов позволит настроить систему управления персоналом предприятия системы ЖКХ с учетом требований внешней и внутренней среды, а также специфики функционирования конкретной организации.

В соответствии с вышеизложенными подходами целесообразно выделить следующие стадии (рисунок 3).

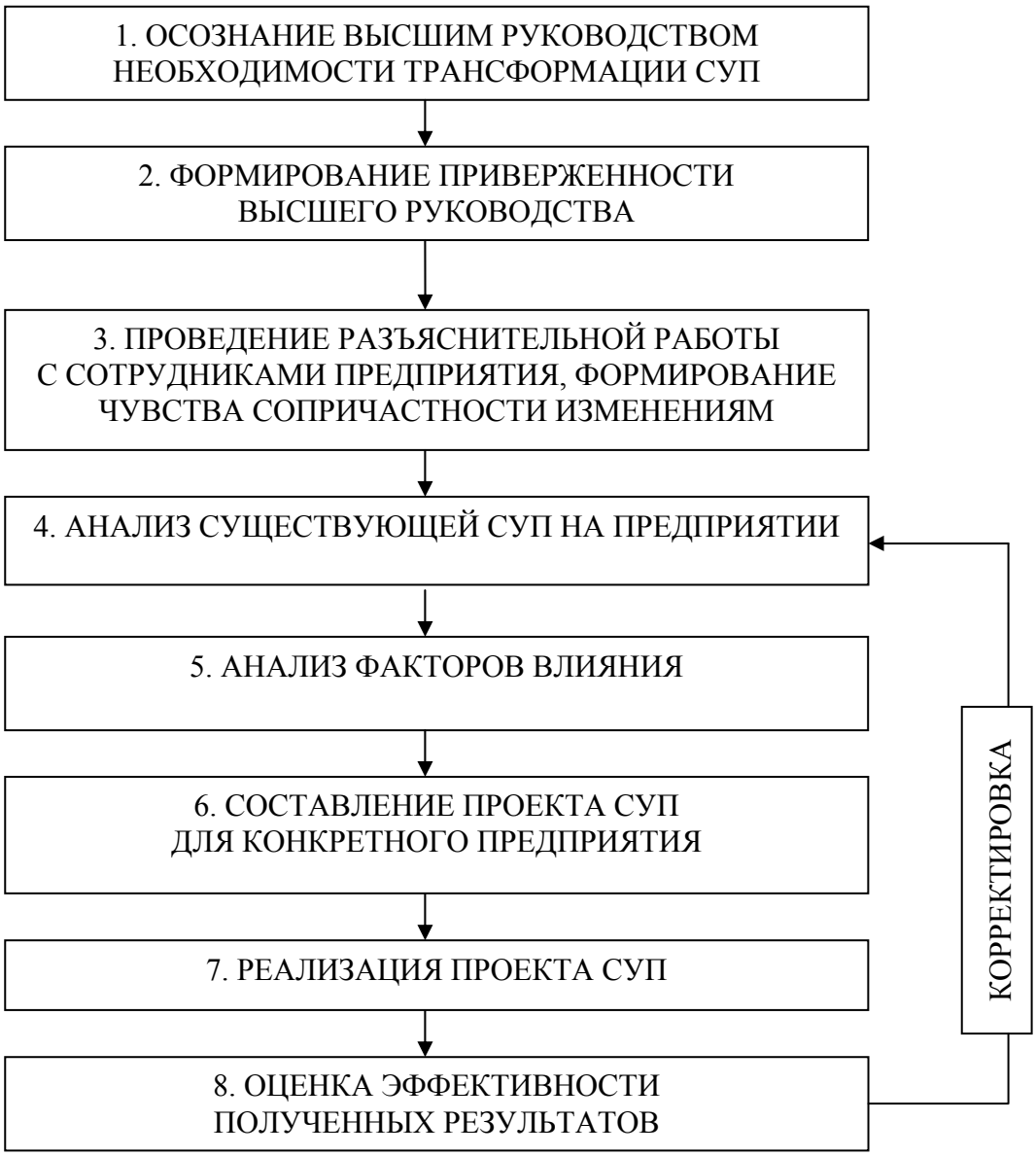

Рисунок 3 – Процедура построения СУП

Рассмотрим характеристики основных этапов.

Этап 1 – Осознание необходимости. Без осознания высшим руководством необходимости преобразований невозможна трансформация СУП в соответствии с методологией ИСО. Именно высшее руководство должно быть инициатором преобразований. Реализация данного этапа зависит от многих факторов, в частности, от доминирующего стиля руководства, от конкретных проблем, с которыми сталкивается предприятие ЖКХ и которые детерминируют трансформацию СУП.

Этап 2 – Формирование приверженности высшего руководства. Высшее руководство (как правило, руководитель) должно не только быть привержено новой концепции СУП, но и предоставлять необходимые ресурсы, определить цели, полномочия, ответственность. На данном этапе руководство должно определить главную цель СУП для конкретного предприятия ЖКХ. В соответствии с принципами ИСО, роль руководителя также определяется как основополагающая.

Этап 3 – Проведение разъяснительной работы с сотрудниками предприятия, формирование чувства сопричастности изменениям. На данном этапе необходимо разъяснить сотрудникам необходимость проведения изменений в системе управления персоналом, сформировать группу единомышленников, с помощью которых возможно вовлечение и остальных сотрудников в процесс трансформации таким образом, чтобы в полной мере соблюдались принципы участия, определенные в стандартах ИСО.

Руководство предприятия должно учесть тот факт, что, как и при проведении любых изменений в организации, на предприятии всегда существуют как минимум три категории работников (в данном контексте): сторонники, безразличные и противники трансформации. Основной задачей руководства в данном случае должна стать нейтрализация воздействия таких факторов влияния, как страх сотрудников перед всем новым, угроза изменения содержания труда, угроза сокращения персонала. Основополагающим моментом здесь выступает организация эффективных двусторонних коммуникаций, с использованием таких методов, как встреча со всем персоналом предприятия, совещания, брифинги и т.д. Информированность сотрудников, кроме всего прочего, способствует формированию чувства принадлежности к предприятию.

На данном этапе также необходимо создать инициативную группу, которая будет осуществлять работу по трансформации системы управления персоналом [6].

Этап 4 – Анализ существующей системы управления персоналом на предприятии. Это предполагает проведение комплексной оценки существующей на предприятии системы управления персоналом в разрезе основных показателей. Автором данной статьи была разработана соответствующая методика оценки системы управления персоналом. Сущность данной методики была представлена автором в статье «Показатели оценки эффективности системы управления персоналом на предприятиях жилищно-коммунального хозяйства Республики Беларусь» [7].

Этап 5 – Анализ факторов влияния. На данном этапе трансформации системы управления персоналом инициативная группа сотрудников должна провести анализ факторов влияния, которые были определены выше. Специфика конкретного предприятия может повлиять на появление дополнительных факторов влияния. При этом целесообразно провести анализ исходя из направленности и силы влияния с использованием матрицы (рисунок 4).

ФАКТОРЫ ВЛИЯНИЯ	НАПРАВЛЕННОСТЬ ВЛИЯНИЯ	СИЛА ВЛИЯНИЯ	ВЕРОЯТНОСТЬ РЕАЛИЗАЦИИ ФАКТОРА
1 … n			

Рисунок 4 – Матрица анализа факторов влияния

Для проведения анализа необходимо, во-первых, определить направленность влияния фактора, т.е. выяснить, является ли он фактором положительной (+) или отрицательной (−) направленности; во-вторых, необходимо оценить силу влияния конкретного фактора на процедуру перехода от традиционной системы к предлагаемой модели по десятибалльной шкале; в-третьих, необходимо оценить вероятность реализации того или иного фактора в будущем. Произведение этих трех параметров даст значение того или иного фактора для реализации процесса формирования системы управления персоналом.

Этап 6 – Составление проекта системы управления персоналом для предприятия ЖКХ. Он предполагает определение основных направлений изменений существующей системы на предприятии ЖКХ, выявление необходимых ресурсов, решение вопроса по исполнителям и срокам исполнения конкретного задания. На данном этапе необходимо провести дробление главной цели системы управления персоналом, детерминированной на третьем этапе, на составляющие и закрепить сотрудника-исполнителя за каждой подцелью. Процедура формирования дерева целей и закрепления исполнителей должна осуществляться в соответствии с концепцией управления по целям. Последнее способствует формированию чувства сопричастности и повышению ответственности сотрудников предприятии. Проект должен быть выполнен в четко выраженных временных координатах и иметь форму календарного плана. Также на данном этапе необходимо решить вопросы численной адаптации персонала и возможности передачи части функций специализированным организациям.

Этап 7 – Реализация проекта системы управления персоналом. Предполагает целенаправленное выполнение мероприятий, намеченных на предыдущем этапе. Здесь необходимо уделить внимание точности и своевременности выполнения заданий, а также вопросам вовлеченности всего персонала предприятия в процесс реализации проекта трансформации.

Мониторинг состояния системы управления персоналом на предприятиях сферы ЖКХ основан на предлагаемой автором методике оценки эффективности функционирования системы управления персоналом на предприятиях ЖКХ. Следует отметить, что предлагаемая система мониторинга может применяться как в процессе формирования системы управления персоналом в соответствии с методологией ИСО, так и в дальнейшем в ходе ее функционирования на предприятии ЖКХ.

В соответствии с предлагаемой методикой для проведения комплексной оценки состояния системы необходимо оценить ее по трем основных показателям: персонал, уровень эффективности использования методов управления персоналом и уровень эффективности реализации процессов управления персоналом на предприятии системы ЖКХ.

Предлагаемая методика основана на достаточно большом количестве показателей, и ее целесообразно использовать для единовременной (стартовой) и периодической (ежегодной) оценки состояния системы управления персоналом. Однако в практике хозяйственной деятельности предприятия возникает необходимость текущего отслеживания состояния системы для выявления вероятности возникновения отрицательных тенденций.

Для этого целесообразно применять систему мониторинга, в основе которой будет находиться система индикаторов. Для выстраивания подобной системы целесообразно отталкиваться от двух составляющих: развернутой системы показателей и предложенной автором модели функционирования системы управления персоналом с учетом критических точек [8].

Система мониторинга основана на показателях, характеризующих комплексную оценку коллектива предприятия системы ЖКХ. Данная система должна отвечать требованиям оперативности, простоты и достоверности. С этой точки зрения, она должна основываться на максимум пяти показателях, выход которых за уровень естественных отклонений будет свидетельствовать о появлении отрицательных тенденций в системе управления персоналом. По мнению автора статьи, данными показателями должны выступать результирующие параметры по показателю «Комплексная оценка коллектива предприятия». Таким образом, результаты мониторинга могут иметь вид таблицы, в которой приведены значения, полученные нами на основе стартовой оценки системы управления персоналом предприятий ЖКХ Брестской области.

Таблица 1 – Форма для осуществления мониторинга состояния системы управления персоналом на предприятиях ЖКХ

Параметр мониторинга,	Фактическое состояние (X_i), %	Нормативное состояние ($X_i^{норм}$), %	Отклонение (факт-нормати) (ΔX_i), %	Мероприятия по результатам мониторинга
Коэффициент соответствия рабочих профилю работы предприятия	77,2	100	−22,8	Усиление воздействия
Интегральный коэффициент использования рабочего времени	89,2	100	−10,8	Поддержание системы в текущем состоянии
Коэффициент текучести	25,8	100	−74,2	Разработка программы
Уровень конфликтности	65,3	100	−34,7	Усиление воздействия
Оценка результатов труда коллектива предприятия	64,1	100	−35,9	Усиление воздействия

В соответствии с предлагаемой системой мониторинга оптимальному состоянию системы управления персоналом соответствует отклонение по предлагаемым параметрам в пределах 10-15 %.

При оценке системы целесообразно отслеживать состояние данных индикаторов в режиме еженедельных оценок. В соответствии с теорией и практикой использования индикаторов для оценки состояния системы при выходе их значения за установленные пределы, руководству предприятия необходимо провести комплексную развернутую оценку по всем параметрам с целью выявления причин отклонения. Применение подобной системы может быть основано как на табличном, так и на графическом методе, а также на их комплексном использовании.

Ответственность за проведение мониторинга должна быть возложена на руководителей структурных подразделений, а обобщение результатов – на специалиста по управлению персоналом. Следует отметить, что по мере развития персонала организации и формирования эффективной системы управления персоналом на предприятиях системы ЖКХ возможно включение в систему мониторинга непосредственно работников предприятия. При таком построении системы мониторинга будет проявляться элемент развития сопричастности персонала состоянию организации.

Для построения более эффективной системы мониторинга целесообразно дополнить ее внедрением в организации системы управления по целям.

Этап 8 – Оценка эффективности полученных результатов. Данный этап является наиболее сложным и неоднозначным, поскольку на современном этапе не существует единой достоверной формализованной методики оценки эффективности реализуемых управленческих решений в сфере управления персоналом. В качестве методики оценки может быть использована методика оценки эффективности системы управления персоналом, применяемая на четвертом этапе.

Методы построения системы управления персоналом на предприятиях ЖКХ

В соответствии с подходами отечественных и зарубежных авторов, для построения системы управления персоналом используются следующие методы: системный

анализ, метод декомпозиции, метод последовательной подстановки, метод сравнений, динамический метод, метод структуризации целей, экспертно-аналитический метод, нормативный метод, параметрический метод, метод функционально-стоимостного анализа, метод главных компонентов, балансовый метод, метод аналогий[9; 10].

Наибольший эффект и качество системы управления персоналом достигается при применении системы методов в комплексе, что позволяет взглянуть на объект совершенствования со всех сторон и избежать просчетов.

Заключение

Переход системы жилищно-коммунального хозяйства страны к безубыточному функционированию должен сопровождаться повышением качества оказываемых жилищно-коммунальных услуг. При повышении доли потребителя в покрытии расходов жилищно-коммунальных организаций и в дальнейшем при достижении этого показателя уровня 100 % потребитель начнет более требовательно контролировать сроки и качество оказываемых услуг. Следовательно, организации ЖКХ будут вынуждены решать следующие основные задачи: повышение качества оказываемых услуг и снижение издержкоемкости.

Решение этих задач видится, в том числе, и в построении эффективной системы управления персоналом. Рассмотренная методология трансформации традиционной системы в систему, в основе которой лежат принципы ИСО, позволит организациям ЖКХ перейти к безубыточному функционированию при одновременном росте качества жилищно-коммунальных услуг.

Дальнейшее развитие предложенной методологии предполагается в направлении построения процедур трансформации системы управления персоналом применительно к конкретным подотраслям ЖКХ.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Шекшня, С.В. Управление персоналом современной организации : учеб.-практ. пособие / С.В. Шекшня. – М. : Интел-Синтез, 2000. – 368 с.

2. Ньюстром, Дж.В. Организационное поведение / Дж.В. Ньюстром, К. Дэвис; пер. с англ. под ред. Ю.Н. Каптуревского. – СПб. : Питер, 2000. – 448 с.

3. Walker, J. Human Resource Strategy – New York : McGraw-Hill, 1992. – 378 p.

4. Werther, W. Jr. Human Resources and Personnel Management / W. Werther Jr., K. Davis. – New York : McGraw-Hill, 1989. – 344 p.

5. Розова, Н.К. Управление качеством / Н.К. Розова. – Спб. : Питер, 2002. – 224 с.

6. Стредвик, Дж. Управление персоналом в малом бизнесе / Дж. Стредвик; пер. с англ. под ред. В.А. Спивака. – СПб. : Издат. дом «Нева», 2003. – 288 с.

7. Варакулина, М.В. Показатели оценки эффективности системы управления персоналом на предприятиях жилищно-коммунального хозяйства Республики Беларусь / М.В. Варакулина // Веснік Брэсцкага ўніверсітэта. Серыя 2. Гісторыя. Эканоміка. Права. – 2010. – № 2. – С. 121–129.

8. Варакулина, М.В. Методика мониторинга текущего состояния системы управления персоналом на предприятиях системы ЖКХ / М.В. Варакулина // Проблемы экономики и управления в условиях инновационного развития республики Беларусь : материалы респ. науч.-практ. конф. / редкол.: М.Э Чесновский [и др.]. – Брест : БрГУ, 2009. – С. 216–219.

9. Управление персоналом : учеб.-практ. пособие для вузов / под ред. А.Я. Кибанова. – М. : АКАЛИС, 1999. – 231с.

10. Управление персоналом организации : учебник / под ред. А.Я. Кибанова. – М. : ИНФРА-М, 1997. – 512 с.

Varaculina M.V. **Construction of Personnel Management System at the Enterprises of Housing – and – Municipal Services: Principles, Methods, Factors, Stages**

In this article the author has reflected the methodology of transformation of a traditional personnel management system at the enterprises of housing – and – municipal services into the system corresponding to the requirements of ISO. The main principles and methods of construction of the personnel management are examined. The essential attention is given to the procedure of construction of a personnel management system according to methodology of ISO. The basic stages are marked and their characteristics are given. The factors that can influence the process of transformation of a traditional personnel management system at the enterprises of housing – and – municipal services into the system considering requirements of ISO are defined.

Рукапіс паступіў у рэдкалегію 16.02.2012

ПРАВА

УДК 340.12

Б.М. Лепешко

ПРАВОВАЯ ТРАДИЦИЯ И ПРОБЛЕМА ЦЕННОСТЕЙ

В статье рассматриваются категории «право», «традиция», «ценность» в их взаимодействии и взаимовлиянии. Характеризуется специфика методологии, основанной на теории ценностей, анализируется аксиологический метод. Обращено внимание на нормативный характер правовой традиции, охарактеризованы существенные черты традиции в праве. Охарактеризовано соотношение дефиниций «право» и «ценность», показана специфика рассмотрения аксиологических проблем в рамках национального типа мышления.

В самом общем виде данную проблему, можно сформулировать так: каким образом правовые традиции в обществе формируют систему ценностей и формируют ли вообще? Иначе: ценности, бытующие в обществе формируют соответствующие правовые традиции либо процесс осуществляется с точностью до наоборот? Можно обосновать и иной подход, связанный с пониманием сути права и выбором тех или иных методологических констант. То есть, например, одно дело, когда мы заявим о преимуществе позитивистского методологического инструментария и право окажется «зачищенным» от неких «традиций» вообще (юридический позитивизм), либо мы выберем иную систему философско-правовых приоритетов, связанных с осознанием важности и неизбежности обращения как к традициям, так и к ценностям.

Данная проблема, по сути, не нова, к ней обращались не раз и осмысливали с разных методологических позиций. Задача данной статьи – показать, что условия нынешнего века, ситуация, сложившаяся в науке после жёсткого падения приоритетов марксистского правоведения, ситуация методологической «всеядности» нисколько не дезавуируют остроту проблемы. Более того, на первый план выдвигается новое «прочтение» понятий «ценность», «право», «традиция», основанная не столько на диалектике понятийных форм, сколько на понимании изменившихся условий жизни. Впрочем, мы можем и должны говорить прежде всего о национальной правовой традиции, о ценностях, являющихся определяющими для белорусского общества, о понимании ключевых понятий и их диалектики с точки зрения национальной правовой практики.

I. Имеет смысл начать с характеристики основных категорий, в частности, «ценности». О ценностях мы сразу же заговорили в контексте понятия «проблема», и это далеко не случайно. После того, как оформилось аксиологическое (от греч. axia – ценность и logos – учение) направление в философии (а это вторая половина XIX века), стало возможным говорить и об аксиологии в праве, причём в контексте жарких споров теоретиков права относительно специфики и сути данной методологии и в условиях отсутствия единых базовых теоретических оснований. Более того, первоначально отношение к аксиологии было чрезвычайно скептическим, и основные каналы проникновения тех или иных идей, сопряжённых с теорией ценности, были связаны с деятельностью философов. Скажем, Владимир Соловьёв, претендующий на системность мышления и являющийся, по сути, первым и последним систематиком в отечественной интеллектуальной традиции, определял ценность как свидетельство присутствия высшего, религиозного смысла в тех или иных реалиях социальной и духовной жизни, в том числе – праве. Попутно заметим, что для христианской аксиологии любое проявление

чувств и воли человека, его стремление достичь какой бы то ни было цели связано с евангельскими нормами, идеалами, целями.

В отечественной интеллектуальной традиции преобладал пессимизм по отношению к категории «ценность», возможностям аксиологической методологии в целом. Преклонение перед правом, государством – «вторично» по сравнению с преклонением перед моральными нормами и соответствующим религиозным каноном. Жизнь на наших просторах определяется отнюдь не правовыми нормами, а этическими ценностями – традицию именно такого понимания проблемы заложили славянофилы. Но не только о них идёт речь. Н. Бердяев полагал, что нравственные христианские заповеди выше права, о позиции Вл. Соловьёва мы уже упомянули. А поэт позапрошлого века Б.Н. Алмазов выразил эти настроения в саркастической формуле: «Широки натуры русские, // Нашей правды идеал // Не влезает в формы узкие // Юридических начал». Лев Толстой, как известно, призывал жить по совести, а не по закону; А. Солженицын призывал к добропорядочности в торговых делах, да и в действующих кодексах понятия добросовестности, справедливости, разумности также имеют место (Гражданский кодекс РБ).

Сразу же оформилось представление о ценностях в виде определённой иерархической структуры. Скажем, существуют ценности относительные, которые могут видоизменяться, перемещаться в рамках этой самой иерархии, даже замещаться, модифицироваться, и есть ценности вечные, которые носят абсолютный характер. Исторически сама иерархия ценностей изменялась, причём могли меняться местами «абсолютные» и «относительные» ценности. Исторический характер аксиологических проблем – одно из существенных черт понимания данного феномена в принципе. Связано это с тем, что цели, планы, намерения человека не являются врождёнными – они формируются по мере социализации индивида, и только этим, кстати, можно объяснить тот факт, что та или иная ценность возникает именно в данный конкретный исторический период, но не раньше и не позже. Скажем, идея правового государства возникает в тот период, когда средние века исчерпали свои цивилизационные возможности, а новое время «заговорило» о важности появления, создания гражданского общества. Аристотель говорил о человеке как о политическом животном, а, например, Сен-Симон заговорил о человеке как животном общественном. Для того чтобы осуществилась подобного рода метаморфоза, должно было прийти понимание того факта, что же первично: общество или государство в системе социальных отношений?

Помимо исторического характера ценностных установок, представлений об иерархичности важнейшую роль в понимании базисных оснований аксиологических концепций сыграло понимание антропологического характера всех мыслимых ценностей. Человек сам формирует круг своих ценностей, он «первичен» в дихотомии «реальность» – «субъективность»; ценность в объективном, онтологическом качестве в этой ситуации «уходит» на второй план. И здесь, конечно же, сразу возникла масса концептов, которые выстраивали ценностные предпочтения исходя из особым образом понятой субъективности, особым образом понятой реальности, а также идеологических, политических, этических да и эстетических предпочтений. Мы можем здесь упомянуть такие известные имена, как М. Бахтин, А. Белый, Н. Бердяев, В. Розанов, Г. Шпет. Почему так происходило, понятно: та или иная система ценностей, воплощённая в конкретных целях (программах), имела сильное действие на конкретного человека, влияла не только на духовные, но и практические, политические действия человека, что часто использовалось в разных исторических ситуациях различными политиками-практиками.

В каком-то смысле – а именно, антропологическом, в первую очередь – мы сегодня можем говорить об аксиологизации правовой науки. Это означает, что появился острый интерес к проблемам, ранее бытовавшим на периферии интереса юристов-концептуалистов. К их числу мы можем отнести рефлексию методологического характе-

ра над правовыми проблемами; осознание совершенно новых правовых проблем и наши попытки найти им «место» в системе правового знания (правовые аспекты заключения однополых браков, «замещение» понятий «отец» и «мать» в семейных кодексах понятиями «родитель А» и «родитель Б» и т.п.); осознание характера связи между изменяющимся характером ценностных установок общества и теоретической деятельностью в сфере права; разработку новых теоретических концепций, представлений об иерархии ценностей в сфере права на основе новейших достижений междисциплинарного характера и т.д. Как отмечается исследователями, «ценностные императивы в интерпретации взаимоотношений человека, власти, государства и общества характерны и для современной юридической науки, ибо важнейшей характеристикой права, наряду с его онтологическим и гносеологическим измерением, является рассмотрение права как ценности, то есть аксиологические аспекты права» [1, с. 41]. И здесь важнейшим аспектом является этизация правовых отношений, к специфике которой мы обратимся ниже.

Конечно, апелляция к ценностям вновь возвращает нас к старому вопросу о возможностях объективного знания, ведь аксиология, как полагают критики, закрывает дорогу учёному к науке в её классическом виде? Здесь, очевидно, мы сталкиваемся с вопросом, присущим всему комплексу гуманитарных наук, с тем вопросом, ответа на который сегодня не существует. Однако мы вправе изложить то понимание проблемы, которое сформировалось на сегодняшний день. Это понимание можно свести к четырём основным тезисам.

1. Понимание собственно науки на сегодняшний день может существенно отличаться от предложенного классиками жанра (Р. Декарт, Дж.Ст. Милль и др.); в частности, постмодернистские трактовки погружают нас даже не в поиск ценностей, а смыслов этих ценностей, и привычные логико-методологические границы познания в этой ситуации существенно размываются.

2. «Изъять» субъективный фактор из комплекса гуманитарных наук не представляется возможным, это та данность, которая будет «преследовать» специалистов в сфере эпистемологии вечно, а потому все попытки «навсегда решить проблему» и именно путём дискриминации субъективного фактора обречены на неудачу.

3. Несмотря на ряд альтернативных теоретических попыток, сегодня остаётся приоритетным понимание того факта, что науки естественные и науки гуманитарные имеют свою несомненную специфику. Кажется, Т. Карлейлю принадлежит сравнение историка и физика: для первого обнаружение того, что Иоанн Безземельный проезжал через какой-то городок средневековой Англии, является фактом, который не могут поколебать никакие теории, для физика же подобный факт просто неинтересен: вновь он здесь не проедет, а неповторимое не подводится под закон. Особо отметим, что понятие «закон» для юристов имеет двойное значение в методологическим аспекте: это и результат, возможность обобщения, выявление соответствующих закономерностей (философско-методологический аспект) и основная категория права, требующая уже философско-правового осмысления.

4. Идеал объективности остаётся для юриспруденции незыблемым. Да, в итоге мы можем говорить о явном противоречии между должным и реальностью, но решения этой антиномии не предложено. В этом аспекте, кстати, нам мало что дают констатации, связанные с определением предметной области юридической аксиологии («предметная область и основная тематика юридической аксиологии – это проблемы понимания и трактовки права как ценности.., соответствующие ценностные суждения о правовом значении данного закона и государства» [2, с. 53]). Мало, поскольку само определение предметной области не обращено к специфике ценностей в праве. Здесь, однако, мы временно прервёмся и обратимся к иной нашей основополагающей категории – традиции.

II. Алан Мегилл, профессор университета в штате Висконсин, предлагает следующее определение традиции: «Традиция есть термин, относящийся к набору верований и практик, который наследуется от прошлого и имеет значение именно в связи с этим наследованием. Наиболее ярким примером традиции является религия, но сам термин «традиция» применим к любому множеству практик, которые осуществляются на основе эталона, наследуемого от прошлого» [3, с. 124]. Традицию определяют и как устойчивую нормативно-ценностную структуру, выступающую средством сохранения и передачи опыта и оказывающую регулятивное воздействие на поведение индивидов и общностей [4, с. 295].

Тот факт, что понятия «традиция» и «право» имеют глубокую и существенную связь, достаточно широко известен. Канонический пример, связанный с деятельностью Конфуция: следование традициям является основой законопослушного, морального поведения. Великий китайский учитель полагал, что стремление к новизне вторично по отношению к бережному отношению к ценностям старины, твёрдому соблюдению нормативных границ, очерченных в прошлом, соблюдению устоявшихся общепринятых норм. Кодекс конфуцианства, включавший правовые, этические, религиозные и иные предписания, просуществовал фактически до наших дней, обеспечивая стабильность в обществе и бережное отношение к правовым, государственным институтам. Нам важно отметить и иное: для китайской правовой системы в целом присуща такая черта, как преемственность во времени, обусловленная закономерностями национальной правовой системы и воплощающая связь между различными этапами развития юриспруденции. То есть, изменение политического строя не вызывает изменений в праве (его сущности, формах, структурах, функций).

Достаточно давно было отмечено, что традиция обладает большим нормативным потенциалом. Регулятивная функция традиций, в частности, сообщает устойчивость жизни человека, тех или иных сообществ, придаёт им устойчивость в кризисные периоды развития. Такого рода устойчивость не только коренится в индивидуальной, коллективной психике, но и связана с основными архетипами коллективного бессознательного, предполагающего наличие поведенческих стереотипов. На основе такого подхода мы и сегодня говорим о важнейших функциях традиции, связанной с накапливанием опыта, ориентированной на участие в передаче от поколения к поколению духовных, нравственных, правовых ценностей, основанной на использовании нормативного потенциала как формы социального контроля за поведением индивидов и некоторых иных.

Мы можем достаточно смело утверждать, что сегодня правовая традиция – обязательный элемент не просто учёта того, что было, что накоплено в прошлом в интеллектуальном, нормативном аспекте. Правовая традиция существует не в виде неких мёртвых форм, догматических предписаний, а как живое напоминание о практике предшествующих поколений и как живой импульс для позитивных изменений в настоящем и будущем. Здесь можно достаточно долго рассуждать о соотношении понятий «консерватизм» и «новации» (или «модернизм»), но жизнь дала ответ на вопрос такого порядка. Нет абсолютных ценностей: ни консервативных, ни модернизационного характера. Исключение, возможно, составляют религиозные ценности. Из истории права известно: не приводили к успеху ни полное забвение исторического опыта, ни стремление построить будущее исключительно в рамках уже апробированных теорий и ценностей. Вообще вся «борьба с пережитками», которой и мы отдали дань в советские годы, достаточно бессмысленна.

В качестве примера обратимся к одной из глав известной работы профессора В. Нерсесянца «Философия права». Этот раздел называется так: «Традиции и опыт государственно-правовых преобразований в России: актуальные уроки» [2, с. 352–371]. Автор замечает, что движение к правовому государству, реализация конституционных

прав и свобод после известных событий 1991 года усугублены «многовековыми традициями деспотизма и крепостничества, всесилием власти и бесправием населения, стойким и широко распространённым правовым нигилизмом» и т.д. Закономерно встаёт вопрос о выборе стратегических линий развития, связанных с такими категориями, как «традиция» и «настоящее», ориентирами будущего развития. Говоря иным языком, встаёт вопрос такого рода: является ли наследие (негативное) объективным, и, если да, как его избежать? Или здесь существуют некие иные связи противоречивого, как это очевидно, характера? Профессор В. Нерсесянц полагает, что выход – в «исторической самоидентификации населения России», что позволит отсеять зёрна от плевел. Правда, каким образом и что именно идентифицировать, речь не идёт. Надо, дескать, «умело сочетать опыт и уроки собственной истории с общезначимыми ценностями». С этим положением нельзя не согласиться, но вот в чём вопрос: вся пореформенная история России (а это уже 20-летняя история) показывает, что ни одна из заявленных «ценностных» задач так и не решена. И сегодня президент Д. Медведев говорит о важности ликвидации «правового нигилизма», о требовании внедрять правовую культуру в широкие слои российского населения; и сегодня мы видим, что государство носит преимущественно «императивный» характер в том смысле, что «последнее слово» чаще всего остаётся за государством. Получается, что заявленный «процесс самоидентификации» или не закончился, или неверно выбран, или даёт сбои.

Здесь, конечно, вновь следует обращение многих исследователей к старым констатациям, связанным с географическим положением страны, традиционно деспотическим характером власти, геополитическим факторам (например, расположение страны между Востоком и Западом) и так далее. Все эти факторы, начиная от славянофильских теоретиков, не раз становились предметом пристального внимания. Вопрос ведь в том, что очередное перечисление традиционных и всем известных причин отсталости страны, нерешение основных правовых проблем и вовсе не приближают нас к такого рода решению. Можно ведь вновь говорить о важности привнесения этического начала в право или либерального «подъёма личности» на небывалую до сих пор высоту; можно утверждать, что на смену дореволюционному правовому нигилизму пришёл «коммунистический правовой беспредел». Но это нисколько не продвинет нас по пути поиска ответа на всё тот же вопрос о действенности и важности правовых традиций.

Традиция, может быть, некий фатум? То есть, мы так и не вырвемся из «правовой азиатчины», и следствием этого прискорбного факта могут быть многочисленные катастрофы, иные проблемы, происходящие в стране, которые многие оправдывают всё той же традицией. То есть, наша традиция именно такая и иной ей не быть? Конечно, этот взгляд и в теоретическом, и в политико-правовом аспекте должен быть отвергнут. Даже в условиях нарастания всё тех же проблем, которые имели место и раньше. И дело не только в том, что этот пессимистический подход не даёт нам цивилизационных шансов. Дело в ином: у нас есть примеры позитивных изменений ситуации даже в том случае, когда традиция была как будто против возможного позитива. Скажем, Пётр III своим указом от 18 февраля 1762 года о дворянской вольности всё же освободил дворян от обязательной государственной службы. Екатерина II в XVIII веке всё же признала за дворянами некоторые гражданские права. А Александр II всё же предпринял попытку ликвидации крепостного права, частично увенчавшуюся успехом. Можно добавить и современный аспект темы: Михаил Горбачёв, при всём геростратовском характере своих преобразовательных усилий, всё же добился того, что на пути демократии и свободы были сделаны некоторые существенные шаги.

Традиция, как это очевидно, не носит фатумного характера, и весь вопрос не в том, какие традиции надо сохранить, а какие – отвергнуть. В принципе здесь вопрос ясен: отвергается всё античеловеческое, всё деспотически-тоталитарное, сохраня-

ется всё то, что связано со свободой, демократией, «вечными ценностями» (характерен которых, кстати, спорен). Проблема в характере такого процесса, его сути, направленности, конкретной наполняемости с точки зрения действий законодателя, с точки зрения действий властных структур, государства. А вот здесь всё непросто.

III. Следующий вопрос может показаться парадоксальным: а есть ли у нас правовые традиции вообще? Возьмём, например, школу парламентаризма. Про суверенную Беларусь говорить в данном контексте не будем: такой школы республика вообще не знала. В России такая школа была: достаточно вспомнить деятельность Государственной Думы первых четырёх созывов (1906–1917). Можно ли назвать Думу 1993 года пятой думой? Наверное, да, можно, но обращает на себя внимание тот факт, что существенные признаки, благодаря которым возможна такая аналогия, носят, как правило, «негативный», если можно так выразиться, характер. То есть в обоих случаях можно говорить об отсутствии демократических традиций, опыта парламентаризма и конституционализма, неразвитости формируемых представительных органов, слабом контроле за исполнительной властью, отсутствии баланса между ветвями власти и т.д. Другими словами, опыт парламентаризма имеет место, однако это опыт становления, опыт ошибок и недоработок, опыт кризисов и катастроф.

Обратимся к иной сфере, связанной с подготовкой высокопрофессиональных кадров, представляющих сферу права. О каких бы то ни было традициях и здесь говорить сложно. С одной стороны, формирование профессионального корпуса адвокатов, судей, прокуроров и иных работников сферы юстиции начинается после известной судебной реформы второй половины XIX века. Именно тогда, кстати, возникла и добилась крупных результатов плеяда выдающихся русских юристов, о значении, важности трудов и деятельности которых мы говорим и сегодня. Сергей Муромцев, Максим Ковалевский, Лев Петражицкий, Борис Чичерин, Богдан Кистяковский, Фёдор Плевако, Пётр Александров, Павел Новгородцев и многие иные адвокаты, прокуроры, судьи, университетские профессора действительно создали ту базу, ту основу, на которой можно и нужно было развивать правовую традицию. Но не получилось, не срослось, поскольку советская юриспруденция развивалась совершенно по иному пути, в рамках иных правовых форм и иного правового содержания. Не говоря уже о содержании мировоззренческом, политическом, идеологическом. Сегодня мы реанимируем подзабытые имена, возвращаем в научный и общественный оборот идеи, мысли выдающихся юристов, но говорить определённо о том, что мы вернулись к собственным традициям, сложно. О каких традициях можно вести речь, если названных нами выше выдающихся имён студенты юридических факультетов белорусских вузов в своём большинстве не знают вовсе!

Возьмём ещё один пример, тоже «негативного» характера – события в Москве в сентябре–октябре 1993 года, известное силовое решение проблемы двоевластия. Как известно, президент России Б. Ельцин приказал штурмовать российский Белый дом, где засели его политические противники. Ведь если говорить по существу – а именно о том, что налицо имелась «малая гражданская война», что никакого правового способа решения возникшего конфликта между двумя ветвями власти не было и быть не могло (в силу тех же традиций), – то это как раз и укладывалось в ту практику, с которой мы за много веков привыкли иметь дело. Но вряд ли это та традиция, которую есть смысл «пролонгировать» в будущее. То есть, мышление в формулах «если враг не сдаётся – его уничтожают», «если суверенитета мало – берите столько, сколько хотите», это мышление не правовое, а политическое, маккиавеллистское по сути, когда целевые установки заменяют сугубо правовую форму решения проблем. Потому в итоге получилось, что правовые аспекты формирования нового общества и в те первые пореформенные годы конца XX века были на задворках общественного внимания, выглядели и являлись «вторичными» по отношению к ценностям прагматическим, политико-идеологическим.

Чтобы ещё раз убедиться в этом, вспомним Беловежские соглашения 1991 года, прекратившие существования великой страны: количество «права» в той ситуации было равно количеству и качеству политической воли, что, однако, не одно и то же.

Другими словами, у нас если и была традиция, то, скорее, традиция правового нигилизма, традиция пренебрежения правом. В том же случае, когда мы всё-таки можем говорить о формировании подлинной правовой культуры, то замечаем, насколько быстро прекращается этот период в национальной истории. Тот же период расцвета национальной юридической мысли во второй половине позапрошлого века: ему было отпущено сорок – сорок пять лет, не более. А ему на смену приходит всё то же «личное волеизъявление» кого бы то ни было (царя, генерального секретаря), диктат партии (коммунистической или иной), наплевательское отношение к правам личности, пренебрежение личным в угоду или непонятно какой «высшей цели», или идеологическим, коррупционным интересам. Словом, у нас актуальной является задача не восстановления преемственности, а осознание подлинных интересов и формирование правовых традиций, как очевидно, с учётом всех наших нынешних реалий.

Но что следует из приведённых замечаний? То, что правовая традиция у нас может и должна формироваться в нынешнем, уже XXI веке, что правовых традиций нет в принципе? Конечно, данная точка зрения – это крайность. И аргументы, дезавуирующие эту крайность, очевидны. Мы, в частности, воспитаны, интеллектуально обогащены теми идеями, той правовой практикой, которую осуществляли великие национальные юристы предыдущих поколений. В качестве примера напомним о замечательной книге «Речи известных русских юристов», куда вошли судебные речи выдающихся адвокатов конца XIX – начала XX века. Выступления в суде этих людей находили понимание у широкого круга людей потому, что частный судебный случай служил им поводом «для поднятия общих вопросов и их оценки с точки зрения политика, моралиста и публициста». Это точка зрения А.Ф. Кони [5, с. 3]. Зададимся простым вопросом: мог ли состояться как профессионал защитник Веры Засулич на известном процессе 1878 года П.А. Александров или выступающий по делу игуменьи Митрофании Ф.Н. Плевако, если бы не было национальной этической, христианской школы мышления и практики, если бы не сложилась рационалистическая школа в философии, если бы не возник национальный подъём второй половины XIX века? Говоря иным языком, традиция – это ведь не только всё то, что связано с известными западноевропейскими да и в целом мировыми формами развития правового знания и такой же практики. Вопрос надо рассматривать шире и включать в понятие правовой традиции этические, религиозные, философские нормы. И тогда ситуация станет более понятной, более прозрачной, более ясной. Потому что отечественная правовая традиция – это и этический комплекс идей, который содержится в православии. Отечественная правовая традиция – это многовековые стремления добыть «правду и волю», причём выражения этой борьбы могли быть самыми разными и не обязательно революционными. Отечественная правовая традиция – это апелляция к народному чувству, народному духу. Далеко ведь не случайно, к примеру, что крупный русский юрист Павел Новгородцев во время эмиграции свою последнюю статью назвал «Восстановление святынь». В этой статье он писал: «И как бы ни представить себе переход от жёсткого и умертвляющего деспотизма советской власти к формам более свободным, всё равно русский народ не встанет со своего одра, если не пробудятся в нём силы религиозные и национальные. Не политические партии спасут Россию, её воскресит восставший к свету вечных святынь народный дух» [6, с. 9]. Конечно, скептики могут сколько угодно иронизировать над столь не сциентистской категорией, как «национальный дух», но примечательно, что для целой когорты выдающихся отечественных юристов именно эта «постнеклассическая» (по сути) дефиниция стала определяющей в их творчестве. Другими словами,

мы можем и должны искать фундамент идейного, мировоззренческого, духовного, правового движения вперёд на основе всего комплекса достижений национального гуманитарного знания. Возразят: предмет, о котором ведётся речь, окажется размытым, слишком широким, утратившим свои гносеологические границы. Но послушаем, например, известного русского юриста Н.Н. Алексеева (1879–1964): «В нормальной и здоровой правовой системе внешнему статусу справедливости должен соответствовать внутренний статус добродетели» [7, с. 128]. То есть этические категории вовсе не являются чужеродными для правовых конструкций. Вообще понятие справедливости – важнейшее в национальной правовой мысли.

IV. Так как всё же соотнести категории «ценность» и «право», какого порядка взаимосвязи формируются в этом случае? Здесь, на наш взгляд, мы можем сформулировать следующие положения и выводы.

1. Юрист, правовед не может в принципе избежать определённого (личного, субъективного) отношения к предмету исследования. Это та данность, которая является объективной для всего спектра гуманитарных наук. Здесь всегда будет присутствовать и оценочный подход, и оценочное суждение. Даже формируя то или иное базовое понятие, учёный фиксирует своё к нему отношение, осуществляет тот или иной выбор методологических констант, словом, оценивает и рассуждает. Юрист не может ограничиться исключительно рациональным способом познания, здесь всегда присутствует отношение исследователя к предмету своего исследования.

2. Сущность аксиологического метода (в том случае, конечно, когда он признаётся целесообразным) заключается в отнесении объектов к той или иной системе ценностей, отбору объектов и их оценке. Скажем, обращаясь к специфике понимания государства, мы можем рассматривать данный термин и в русле этических оценок, и в рамках классового подхода, и с точки зрения христианских социальных идеалов и т.д. Ценности в данном случае определят и характер понимания объекта исследования. Однако следует помнить, что сами по себе ценности также могут быть «объективированы», поскольку являются производным таких не зависящих от человека обстоятельств, как эпоха, политический режим, семейные традиции и т.д. Здесь вообще существует достаточно сложная взаимосвязь понятий, обстоятельств, характерная для социальной сферы отношений. Конечно же, релятивность ценностных установок должна быть относительной, иначе теряются границы гносеологической практики, субъективный фактор становится самодовлеющим, и упрёки в утрате принципов научности становятся обоснованными.

3. Ценности могут и должны быть типизированы, выстроены в определённую иерархическую структуру. Это связано с несколькими соображениями. Во-первых, ценности многообразны и разноплановы, представляют точку зрения различных групп, классов, страт общества, государств и наций, их понимание зачастую затруднено именно вследствие чрезвычайной многоплановости. Во-вторых, ценности носят исторический характер, они меняются не только «от эпохи к эпохе», но и в рамках одной эпохи. Выявить, вычленить основное, определяющее, характерное именно для данной эпохи, данного времени, данного исторического отрезка функционирования социальной системы – это значит определить главное и второстепенное, существенное и отличительное. А это, в свою очередь, позволит сформировать стратегию научного поиска, действия законодателя.

4. Субъективизм юриста может и должен быть преодолён, например, на основе принципа преемственности. Ведь ни одно поколение юристов не начинало свою профессиональную деятельность с некоего абстрактного нуля. Мы все «стоим» на плечах своих интеллектуальных предшественников, и выше приводились аргументы в пользу того утверждения, что контекст правовой традиции можно рассматривать достаточно широко, привлекая культурную основу жизнедеятельности общества в целом.

Ведь на основе принятия теории ценностей в её «абсолютной» форме, апологии аксиологического подхода можно утверждать известное: «Сколько юристов – столько и точек зрения». Это непродуктивная точка зрения, поскольку, в частности, юрист обращается к правовой реальности такой, каковой она была до него, и после него таковой и останется. Не правовед творит правовую действительность, а наоборот, правовая действительность первична, и мы воспринимаем её как объективную данность.

5. Существуют достаточно аргументированные точки зрения (например, Ганса Кельзена), в основе которых лежит идея «чистоты права», «очищения права» от всего того, что не есть право (этика, история, социология, психология и т.д.). В основе идей Г. Кельзена и других похожих подходов лежит отрицание самой возможности правовых традиций, исключение из обихода правовой мысли философии права в целом, выдвижение на первый план нормативистского подхода как метода долженствования. Норма при этом выступает как форма толкования сути бытия, и именно норма придаёт бытию правовой смысл. Здесь сразу же напрашивается такой контраргумент: а не является ли «норма» Ганса Кельзена той ценностью, которая и определяет его собственное понимание сути права, а иерархия норм есть иерархия именно таким образом понятой системы ценностей? Ведь норма, по Кельзену, это «умозрительный эквивалент естественно-правового Бога и позитивно-правового Законодателя», а такого рода определение даёт возможность и его «ценностного» прочтения. Кельзеновская норма – чистое долженствование, исключающее и справедливость, и свободу, и традиции. Весь вопрос, насколько это теоретически и практически возможно. Впрочем, такого рода полемика требует самостоятельного и обстоятельного рассмотрения.

6. Суждениям о ценностях не может быть присуща та степень безусловности, которую мы применяем по отношению к теоретической истине. Но это означает только то, что наши эвристические, методологические усилия должны быть максимально направлены на поиск тех границ, за пределами которых знание теряет свой объективный характер. Как писал Н. Алексеев, логика сознательно изгоняет из своих пределов Бога, и это единственно правильный путь для её развития. Но гуманитарные науки, в том числе и право, включают ценности в свой арсенал, в том числе и ценности христианские, и по-иному поступить просто не в состоянии. Здесь следует обратить внимание и на такой вопрос: а существуют ли специфические правовые ценности, или они «заключены» в более общие формы, скажем, философского, этического характера? Однозначного ответа на этот вопрос не существует, хотя основные концептуальные подходы связываются с антропологической теорией. То есть основной правовой ценностью является личность. Не государство, не конкретная правовая система, а именно личность. Особая тема – идея справедливости, но это может быть предметом специального разговора.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Яскевич, Я.С. Социально-гуманитарное знание и современная демократия: нравственные императивы / Я.С. Яскевич // Веснік Брэсцкага ўніверсітэта. Серыя 1. Філасофія. Паліталогія. Сацыялогія. – 2011. – № 1. – С. 39 – 45.

2. Нерсесянц, В.С. Философия права // В.С. Нерсесянц. – М. : Инфра-М – Норма, 1997. – 652 с.

3. Мегилл, А. Некоторые соображения о проблеме истинностной оценки репрезентации прошлого / А. Мегилл // Способы постижения прошлого. Методология и теория исторической науки; отв. ред. М.А. Кукарцева. – М. : «Канон+» РООИ «Реабилитация», – 352 с.

4. Бачинин, В.А. Малая христианская энциклопедия : в 4 т. / В.А. Бачилин. – СПБ : Шандал. – 2003. – Т. 1.

5. Речи известных русских юристов. – М. : Юрид. литература, 1985. – 544 с.

6. Новгородцев, П.И. Введение в философию права / П.И. Новгородцев. – СПБ : Фонд Университет, 2000. – 352 с.

7. Алексеев, Н.Н. Основы философии права / Н.Н. Алексеев. – СПБ : Лань, 1999. – 256 с.

Lepeshko B.M. **The Legal Tradition and the Problem of Values**

The article deals with the categories of «law», «tradition», «value» in their interaction and mutual influence. Specific of methodology based on the theory of values is characterized, axiological method is analyzed. Attention is drawn to the normative legal tradition, characterized by the essential features of the tradition in law. The ratios of definitions «law» and «value» is shown considering the specifics of axiological problems in the national mindset.

Рукапіс паступіў у рэдкалегію 04.01.2012

УДК 343.98.

Р.Г. Зорин

ОПРЕДЕЛЕНИЕ КРИТЕРИЕВ ДОПУСТИМОСТИ/НЕДОПУСТИМОСТИ ОБМАНА В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ

В настоящей статье рассматриваются остроугольные и небесспорные проблемы, связанные с недопустимостью обмана в уголовном процессе. Признается, что при определенных правовых условиях и основаниях обман допустим в уголовно-процессуальных правоотношениях. Исследуются границы допустимого воздействия обманного характера среди участников уголовного процесса. Определено место обмана в системе средств и способов защиты и обвинения. Определены также роль и значение обмана среди средств и способов оказания неправомерного психического воздействия. Рассматриваются проблемы дезинформирования в следственной практике.

Ряд уголовно-процессуальных действий, тактических приемов и комбинаций в отдельных случаях трактуется лицами, участвующими в уголовном процессе, как недопустимые для их использования в доказательной базе. Ошибочная трактовка отдельных тактических приемов и комбинаций, не предусмотренных действующим уголовно-процессуальным законодательством, но не противоречащим ему, приводит к существенному дисбалансу соотношения частных и публичных интересов, что заметно снижает эффективность уголовного процесса. Ряд тактических приемов трактуется как проявление лжи. На самом деле реализация тактических приемов нередко преследует своей целью введение в заблуждение процессуального оппонента относительно истинных целей, задач, средств и способов. Не следует в уголовном процессе однозначно отождествлять категории лжи и обмана. Далеко не во всех случаях обман в действиях субъектов уголовного процесса влечет негативные правовые последствия. Этому есть объяснения. Деятельность субъектов, находящихся в специфической сфере уголовно-процессуальных правоотношений, осуществляется в условиях состязательности, противодействия сторон защиты и обвинения, противоречия частных и публичных интересов, в условиях межличностных конфликтов. Обман, безусловно, выступает проявлением лжи, но осуществляется в более деликатной и завуалированной форме. Обман может быть допущен добросовестными и недобросовестными субъектами уголовного процесса, а поэтому может преследовать цели и задачи деятельности, носящей и правомерный, и неправомерный характер. Он может быть облечен в процессуальную форму, а может быть допущен и в деятельности непроцессуального характера. Обман вполне может быть обнаружен в содержании процессуальной деятельности, но не получившей процессуальной фиксации. Эта деятельность может быть связана с организацией производства уголовно-процессуальных и следственных действий. Проблемы распознания преодоления лжи и обмана в тактике следственных действий рассматривались в научных трудах В.П. Бахина, О.Я. Баева, О.М. Баева, Р.С. Белкина, Л.В. Бердовского, Н.Л. Бердовской, А.В. Дулова, Е.Л. Доценко, М.И. Еникеева, А.А. Закатова, Г.А. Зорина, В.А. Образцова, А.С. Овчинского, В.С. Овчинского, Р.К. Лотфуллина, М.П. Полякова, Н.И. Порубова, А.Н. Порубова, А.А. Протасевича, А.А. Ратинова, А.М. Столяренко, О.В. Танимова, И.В. Филимонова. Проблемы распознания лжи и обмана в человеческих взаимоотношениях и сегодня остаются малоизученными. Криминалистическому исследованию подлежат критерии допустимости обмана, в частности, в сфере уголовно-процессуальных правоотношений.

Неоспорим факт присутствия обмана в человеческих взаимоотношениях. Уголовно-процессуальные правоотношения исключением не являются. Данное явление неизбежно и носит вполне закономерный характер. Должны быть определены специфи-

ческие признаки и свойства обмана, в силу которых усматривается добросовестность либо недобросовестность деятельности субъектов уголовно-процессуальных правоотношений с точки зрения соблюдения действующего национального законодательства. Если рассматривать формы проявления обмана вне его связей с соблюдением правовой процедуры, то можно утверждать, что субъекты уголовно-процессуальных правоотношений (добросовестные или недобросовестные) создают все условия для введения в заблуждение процессуального оппонента относительно их истинных целей, задач, средств и способов деятельности. Следует принципиально признать присутствие обмана в уголовном процессе как данность, а порой и как вполне закономерное явление. А значит, такая деятельность должна подлежать научному исследованию учеными-криминалистами, процессуалистами, психологами, философами.

По мнению профессора Р.С. Белкина, «обман ничем не может быть оправдан, если он основывается:

– на правовой неосведомленности участников процесса, на ошибочных представлениях их о правовых последствиях своих действий;

– на заведомо ложных обещаниях участникам уголовного процесса (нереальных льгот, незаконных послаблений или иных недопустимых выгод, неправомерного изменения меры пресечения на более мягкую, неосновательного изменения процессуального статуса;

– на фальсифицированных доказательствах;

– на дефектах психики и иных болезненных состояниях уголовно-процессуального оппонента.

Таким образом, обман (с соблюдением перечисленных ограничений) служит одним из средств преодоления противодействия расследованию. Допустимость обмана, даже тогда когда он представлялся единственно возможным средством преодоления оказываемого следствию противодействия, определяется, помимо названных оснований, безусловной избирательностью и недопущением опасных последствий, к которым он может привести. Такими последствиями могут быть: унижение чести и достоинства личности, признание несуществующей вины, оговор/самооговор, развитие у обвиняемого низменных чувств, побуждений. Как видно, *условия допустимости обмана весьма узки и достаточно жестки*, *но принципиально его следует признать допустимым»* [1, с. 107–115].

Научному исследованию подлежат причины и условия, способствующие допущению обмана в уголовно-процессуальных и следственных действиях, а также закономерности возникновения, развития, преобразования деятельности, носящей характер обмана, в том числе его негативные либо позитивные правовые последствия. Определим цели лжи и обмана со стороны недобросовестных лиц. К ним следует отнести: ограждение от привлечения к уголовной ответственности виновных лиц, оговор/самооговор, фальсификация доказательств, достижение тактических и стратегических целей с противоправной направленностью, сокрытие преступлений, сокрытие (утаивание) криминалистически значимой и уголовно-процессуальной информации для установления объективной истины по уголовным делам, другие. Мотивированием обмана в деятельности недобросовестных субъектов могут служить преследуемые ими тактические и стратегические задачи, которые достигаются, в частности, путем создания препятствий для решения задач уголовного процесса, установления объективной истины по уголовным делам и другие.

Любая деятельность, носящая тактический (состязательный) характер, ставит своей целью ввести процессуального оппонента в заблуждение относительно истинных целей и задач субъекта воздействия. Если внимательно исследовать характер и содержание реализуемых функций защиты и обвинения, то легко можно увидеть закономер-

ности в деятельности сторон, носящей характер обмана. При этом обман не должен выполнять роли лжи. Ложь от обмана можно разграничить по средствам и способам ее допущения, по субъекту воздействия, по правовым последствиям. «Ложь является преднамеренным актом. Человек, не сообщающий истину по ошибке, не лжет. Человек, забывающий сообщить некую информацию по ошибке, не лжет. Акт, преследующий цель сформировать другого лица убеждение или понимание, которое сам лжец считает ошибочным, именуется обманом. Обман окружающих порой является неотъемлемой частью повседневных социальных взаимодействий» [2, с. 165]. Так, например, требования УПК Республики Беларусь не ставят под запрет допущение лжи и обмана подозреваемым, обвиняемым, несовершеннолетними участниками уголовного процесса, не достигшими шестнадцатилетного возраста, которые не несут уголовной ответственности за дачу заведомо ложных показаний, как и за отказ от дачи показаний. Следовательно, ложь вышеуказанных лиц станет допустимой, а негативных правовых последствий за эти деяния действующее законодательство не предусматривает.

Одним из средств лжи и обмана в уголовном процессе является самооговор. Самооговор не влечет за собой юридической ответственности. При этом самооговор в нередких случаях служит именно средством и способом сокрытия подозреваемым либо обвиняемым иных, более тяжких преступлений. Таким образом, самооговор может выступать формой лжесвидетельства. Деятельность субъектов уголовного процесса, допускающих обман, не должна противоречить действующему национальному законодательству, но осуществляется путем создания таких условий, при которых становится возможным ошибочное восприятие целей, задач, используемых средств и способов субъектов тактического воздействия, а случится это или нет, в конечном итоге зависит исключительно от самого адресата воздействия. Тактические приемы, тактические комбинации служат введению в заблуждение процессуального оппонента относительно используемых истинных целей и задач, преследуемых субъектом воздействия. «Роль средства создания видимости демонстрируемого объекта играет не соответствующая действительности, заведомо ложная информация, передаваемая письменным и устно – речевыми способами, притворным, игровым поведением субъектов дезинформирования, сопряженным с использованием при необходимости определенных предметов, а также информация, носителями и источниками которой служат искусственные изменения, привнесенные в окружающую материальную микросреду» [3, с. 15]. Криминалистическая деятельность, носящая тактический характер, не должна быть основана на шантаже и угрозах, на неосведомленности процессуальных участников в вопросах уголовного права и процесса, не должна способствовать оговору/самооговору. Обман в деятельности компетентных должностных лиц, ведущих уголовный процесс, допустим, если он тактически обоснован и соответствует вышеуказанным требованиям. О тактическом дезинформировании В.А. Бертовский, Н.Л. Бертовская, В.А. Образцов пишут: «Обязательными атрибутами тактического дезинформирования являются следующие обстоятельства:

– моральная, ситуационная, постановочно-игровая составляющая реализация вербальной/невербальной активности;

– способность создаваемого дезинформационного продукта оказывать психологическое воздействие на адресатов и вводить их в заблуждение относительно истинного положения вещей;

– целенаправленности активности субъектов, действующих в соответствии с разработанным на основе легенды планом-сценарием.

К принципам тактического дезинформирования следует относить:

– обоснованность (наличие достаточных данных, дающих основание для принятия решения о необходимости осуществления дезинформационной акции);

– прямое отношение к задачам, которые решаются в связи с борьбой с преступностью;

– предметность и целенаправленность действий субъектов дезинформаторов, нацеленных на собирание, проверку конструктивное использование уголовно-релевантной информации для розыска преступника, решения задач, связанных с выявлением, раскрытием пресечением, предотвращением преступлений;

– ситуационная обусловленность характера и содержания дезинформационной активности, ее адекватность особенностям ситуации» [3, с. 137].

Обман в деятельности подозреваемого, обвиняемого будет тактически обоснован, если служит целям и задачам функции защиты и не противоречит действующему национальному законодательству. При этом ни компетентные должностные лица, ведущие уголовный процессе, ни защитник не вправе сообщать заведомо ложную информацию участникам уголовно-процессуальных правоотношений. К сожалению, данное положение не нашло своего места в нормах действующего законодательства. Свидетель не вправе лгать, он предупреждается об уголовной ответственности за дачу ложных показаний, но в случаях, предусмотренных действующим законодательством, обман становится допустимым, если он (свидетель) отказывается от дачи показаний в отношении своих родных и близких. В данном случае он скрывает информацию, имеющую существенное значение для уголовного дела.

Определим средства, способы допущения и распознания лжи, обмана в уголовном судопроизводстве. Разновидностью обмана, по мнению ряда правоведов, является фикция в праве, или юридическая фикция. Среди ученых-правоведов в настоящее время нет единства мнений в части определения фикции в праве, юридической фикции, их классификации. Юридическая природа фикции в праве также носит проблемный характер. Проблемами фикции в праве занимались такие ученые, как Л.В. Бертовский, Л.В. Бертовская, О.А. Курсова, В.А. Кучинский, Р.К. Лотфуллин, В.А. Образцов, К.К. Панько, А.И. Ситникова, О.В. Танимов, И.В. Филимонова. «Содержанием юридической фикции является заведомо ложное положение. Ложь этого положения состоит в том, что оно признает существующими явления (обстоятельства), которые не существуют в действительности, или, наоборот, признает несуществующими явления (обстоятельства), которые реально существуют. Этому положению присуща очевидность (заведомость), то есть противоречие юридической фикции окружающей действительности настолько очевидно, что это никого не может ввести в заблуждение. Общеобязательность юридической фикции условно ставит это ложное положение в ранг истины» [4, с. 64]. В.А. Образцов, Л.В. Бертовский, Н.Л. Бертовская, рассматривают фикцию как «явление, имманентное составу виртуального (мнимого) преступления, как явление, имманентное составу реального преступления, а также и как иное противоправное явление, как элемент преступления (как способ подготовки/сокрытия преступления). Классификация фикций как реальных явлений, связанных с человеческой деятельностью, лежащей за пределами юриспруденции, может быть осуществлена по признаку их правового статуса:

– фикция, не имеющая юридического значения;

– фикция юридически значимая;

– фикция как юридическая конструкция;

– фикция как реальное явление» [3, с. 29].

Рассмотрим причины и формы внешнего выражения обмана в зависимости от направленности деятельности субъектов уголовного процесса, содержащей его признаки и свойства. Обман в сфере уголовно-процессуальных правоотношений может выступать в форме действий/бездействий, может проявляться в ожидаемых процессуальным оппонентом намерениях и результатах предстоящей деятельности субъектов доказывания. Вместе с тем эти формы, как уже было указано выше, не должны содержать

сообщений субъектами уголовно-процессуальных правоотношений заведомо ложной информации. «Информационное воздействие связано с активным применением таких приемов, как коммуникативный саботаж, замещение субъекта действия, генерализация, расширение обобщений, неявное указание как бы общепринятой формы, маскировка под пресуппозиции (неявные допущения), умножение имен, действий, ситуаций, ложная аналогия, тематическое переключение» [5, с. 32].

Средства и способы допущения, распознания лжи и обмана находятся в прямой зависимости от криминалистической, уголовно-процессуальной и психологической направленности деятельности. *В криминалистической деятельности* следует выделить такие недопустимые средства и способы допущения лжи и обмана: а) фальсификация доказательств; б) использование ненадлежащей, в том числе устаревшей, методики производства следственных действий; в) использование ненадлежащих смысловых значений тех или иных правовых категорий; г) производство следственных действий при использовании неосведомленности субъектов в вопросах уголовного права и процесса.

Недопустимыми средствами и способами допущения лжи и обмана *в деятельности уголовно-процессуальной направленности* являются: а) дача ложных показаний в содержании следственных действий; б) вовлечение в сферу уголовно-процессуальных правоотношений ненадлежащих, недобросовестных участников уголовного процесса; в) использование ненадлежащих источников доказательств, а также ненадлежащих способов получения фиксации доказательственной информации; г) ненадлежащая процедура производства следственных действий; д) участие профессиональных участников уголовного процесса, подлежащих отводу, и другие.

В деятельнсти психологической направленности недопустимым можно считать: а) использование психологических знаний в процессе введения в заблуждение личности в уголовном процессе; б) использование уловок (софизмов) в споре; в) оказание неправомерного психического воздействия; г) установление психологического контакта путем злоупотребления доверием процессуального оппонента в целях получения тактических преимуществ и отстаивания личных незаконных прав и интересов; д) манипулятивное воздействие на личность путем прямого/косвенного внушения, а также путем воздействия на психические процессы личности, приводящие к снижению волевого критерия в поведении субъекта уголовного процесса, и другие.

«Манипуляция есть вид психологического воздействия, искусное исполнение которого ведет к скрытому возбуждению у другого человека намерений, не совпадающих с его актуально существующими желаниями» [6, с. 59]. «Общим признаком наличия манипулятивных попыток, по-видимому, являются нарушения баланса тех или иных переменных взаимодействия, к которым относятся дисбаланс распределения ответственности, стереотипизация поведения адресата воздействия, дефицит времени, отпущенного на принятие решения, состояние суженности сознания, изменение фоновых состояний, неконгруэнтность в поведении субъектов и другие» [6, с. 219]. «Контакт нацелен на формирование психологического пространства взаимодействия. Любое событие, происходящее в этом пространстве, кем-то из коммуникаторов инициируется специфическим образом, организуется, направляется и контролируется» [5, с. 30].

Сообщение заведомо ложной информации, к сожалению, на практике нередко встречается в показаниях и объяснениях недобросовестных подозреваемых, обвиняемых и иных субъектов уголовно-процессуальных правоотношений, когда это связано с выбором и использованием ненадлежащих средств и способов доказывания, а также иных форм недобросовестного процессуального участия субъектов уголовного процесса, например, несовершеннолетних, не достигших шестнадцатилетнего возраста.

Сообщение заведомо ложной информации компетентными должностными лицами, ведущими уголовный процесс, в том числе защитником, является недопустимым.

Имеет ли защитник право на ложь и обман? О.М. Баев утверждает, что «нет никаких малейших сомнений в том, что сам адвокат ни в коем случае не должен побуждать или провоцировать своего подзащитного на занятие недобросовестной линии своей защиты. Именно с такой оговоркой должны быть интерпретированы применительно к тактической деятельности защитника рассматриваемые этические положения» [7, с. 185]. Вместе с тем адвокат отстаивает законные права и интересы в том числе недобросовестных подозреваемых или обвиняемых, которые в отдельных случаях используют ненадлежащие средства и способы защиты. В своей деятельности адвокат все-таки будет допускать обман, если это служит интересам его подзащитного, интересам функции защиты. Довольно затруднительно порой определить истинный источник происхождения используемых ненадлежащих средств и способов защиты по субъекту их реализации. Трудно определить, от кого именно исходила инициатива реализации тех или иных средств и способов защиты: от защитника или от подзащитного. Сторона защиты (защитник) вправе избирать и использовать тактические приемы и тактические комбинации, способствующие введению в заблуждение процессуального оппонента с противоречащими интересами, целями и задачами, действуя в специфических условиях противодействия, состязательности. Так, Е.А. Зайцева справедливо утверждает, что «сущность состязательности более глубинная, чем противостояние функций защиты и обвинения в процессе. В основе состязательности лежит не антагонизм носителей основных противостоящих функций в уголовном процессе, а полярность интересов различных участников уголовно-процессуальной деятельности. Противостояние этих интересов и есть движущая внутренняя сила состязательности» [8, с. 29]. «Участники уголовного судопроизводства, формально являясь носителями одной процессуальной функции, могут иметь диаметрально противоположные интересы. Следовательно, для реализации подлинной состязательности (противостояния интересов различных участников процесса) необходимо установить реальный паритет в правах этих участников при доказывании значимых по делу обстоятельств, чтобы они могли в равных условиях отстаивать свои процессуальные интересы» [8, с. 36].

Следует различать противодействие как деятельность неправомерного характера, соответственно, противодействие предварительному расследованию и противодействие необоснованному обвинению. Так, противодействие со стороны защиты уголовному преследованию в случае предъявления необоснованного обвинения является правомерным и закономерным. При этом избираемые средства и способы защиты должны быть законными. Вместе с тем следует отметить, что непрофессиональные субъекты уголовно-процессуальных отношений не сдержаны ограничениями правового характера при осуществлении ими деятельности, содержащей признаки лжи и обмана, если это не касается фактов допущения существенных уголовно-процессуальных нарушений и преступлений. Складывающиеся между субъектами уголовного процесса отношения пронизывают все его стадии и этапы, которые в тех или иных случаях носят уголовно-процессуальный либо непроцессуальный характер. Субъекты уголовно-процессуальных отношений могут разрешать между собой различные вопросы, имеющие значение для уголовного дела. Это может касаться проблем разрешения гражданского иска в уголовном процессе. Безусловно, воздействие, оказываемое ими друг на друга, не должно носить характер угроз и шантажа, иначе, не должно иметь характер неправомерного психического воздействия на личность.

Всякое общение, вербальное или невербальное, есть воздействие на личность партнера по общению. Следовательно, всякое психическое воздействие следует признать единицей общения. «Влияние есть изменение состояния, поведения, личностно-смысловых образований партнера, в т.ч. его намерений, решений, готовности, настроения, представлений, потребностей, действий, активности, переживаний, оценок и пр.»

[9, с. 30]. Анализируя процесс общения, стоит определить компоненты, структурные элементы контакта, а также диагностировать правовую и психологическую природу воздействия, то есть установить характер и правовое происхождение психического воздействия. Стоит определить роль, значение, а также соотношение таких явлений, как обман и психическое воздействие. Предлагается определение правомерного психического воздействия в уголовном процессе в следующей редакции: «…Это непротиворечащее действующему законодательству всякое воздействие на личность субъекта уголовно-процессуальных правоотношений, осознанно, критически, вне всякого насилия, выраженного в форме действия-бездействия, при котором сохраняется свобода выбора занимаемой активной позиции последним» [10, с. 27]. Понятно, что «обман является психическим воздействием на личность. Однако само по себе правомерное психическое воздействие не является ни целью, ни задачей общения. Оно выступает проводником между субъектом воздействия и его адресатом. Вне зависимости от того, является психическое воздействие правомерным или нет, оно может быть осознанным/неосознанным, явным/латентным. Обман становится целью оказания психического воздействия, то есть посредством его использования. Подчеркивается, что и правомерное психическое воздействие может стать обманным и, таким образом, выступить способом введения в заблуждение адресата воздействия относительно его же собственных целей и задач» [11, с. 51–52].

Негативные и позитивные правовые последствия могут наступать в зависимости от использования средств и способов доказывания. Следует отметить, что обман в действиях участников уголовного процесса в отдельных случаях влечет не только *негативные*, но и *позитивные* правовые последствия. К *негативным* последствиям следует отнести:

1) несоблюдение законных прав и интересов личности и государства в уголовном процессе;

2) допущение ошибок (организационных, криминалистических, уголовно-процессуальных, психологических);

3) допущение уголовно-процессуальных нарушений, в том числе существенных;

4) негативное влияние на процесс принятия промежуточных и итоговых процессуальных решений и в целом на ход и исход уголовного процесса;

5) деструктивное воздействие со стороны заинтересованных лиц на процесс формирования доказательств и их источников;

6) негативное влияние на внутреннее убеждение субъектов доказывания, а также негативное влияние со стороны заинтересованных и недобросовестных лиц, влекущих искажение представлений субъектов уголовного процесса об истинных событиях, исследуемых по уголовным делам;

7) негативное влияние на процесс достижения целей и задач уголовного процесса;

8) возникновение препятствий в механизме реализации гражданского иска.

К *позитивным* правовым последствиям следует отнести получение тактических, стратегических преимуществ при условии выполнения (действий/бездействий) деятельности, не противоречащей действующему национальному законодательству.

Совершенно очевидно, что искусно осуществляемая деятельность сторон обвинения и защиты по искусственному созданию (ложных) целей, задач, направлений деятельности является эффективным средством и способом противодействия процессуальному оппоненту. Иначе говоря, данная тактическая деятельность обеспечивает неверное (ошибочное) представление процессуальным оппонентом истинных целей, задач, направлений деятельности стороны защиты/обвинения. Подобная деятельность может носить как явный, так и латентный характер. Следует признать, что обман в деятельности сторон защиты и обвинения может присутствовать в той или иной степени на всех этапах делопроизводства: от стадии возбуждения и предварительного расследования до

уголовного процесса в целях опережения процессуального оппонента в деятельности, носящей тактический характер.

Следует ли отождествлять процесс применения тактического приема, тактической комбинации с использованием обмана? С одной стороны, тактический прием направлен на то, чтобы осуществить криминалистическую, уголовно-процессуальную деятельность в виде действий/бездействий в целях опережения оппонента, получения выигрыша в занимаемой позиции, обретения тактических и стратегических преимуществ. Как известно, в тактической состязательной деятельности без хитрости не обойтись, иначе она (деятельность) теряет свой тактический характер. Однако не всякий тактический прием таит хитрость и обман. Например, ряд тактических приемов, получивших законодательную регламентацию, в силу которых орган уголовного преследования обязан разъяснить права и обязанности участнику уголовного процесса, в том числе право на защиту, не содержит и не должен содержать обман. В ряде случаев содержание тактического приема, как и сам факт его применения, может нести в себе скрытое начало, например, оглашение ложных потенциальных целей, задач, содержания, средств, способов реализации функций защиты и обвинения. Результаты распознания, восприятия такого приема адресатом воздействия полностью возлагается на ответственность последнего. Вовсе не обязательно для реализации обмана осуществлять вербальное общение. Для этого достаточно выполнить целенаправленную деятельность, подпадающую под требования, предъявляемые к производству тактического приема. В этих случаях деятельность обманного характера станет вполне допустимой и правомерной. При этом является исключительно важным определить пределы допустимости обмана в деятельности сторон защиты и обвинения. Понятно, что в уголовно-процессуальном законе невозможно закрепить самую возможность обмана в качестве нормы права. Однако и без его использования невозможна тактическая деятельность в условиях состязательности и противодействия сторон защиты и обвинения, а также иных субъектов с противоречащими интересами. Исследование указанных закономерностей позволит определить и границы правомерности/неправомерности тактической деятельности.

Ложь и обман в отдельных случаях могут исходить и в благих целях. Распознание обмана процессуального оппонента в его правомерной деятельности, раскрытие ее правовых условий и оснований позволит также определить тактические и стратегические цели и задачи процессуального оппонента. В усмотрениях органа уголовного преследования в отдельных случаях тоже кроется обман, например, в виде оглашения намерений, принятия того или иного процессуального решения с абсолютно или относительно определенными целями, задачами, содержанием, средствами способами ее осуществления. «В результате орган уголовного преследования принимает только часть из тех, которые ранее были оглашены в намерениях, либо принимаются и реализуются процессуальные решения с совершенно иными целями, задачами, содержанием, либо орган уголовного преследования воздерживается от их принятия. В данном случае играет роль эффект ожидания, как и эффект неполучения ожидаемого результата, либо получения нежелаемого результата процессуальным оппонентом. Упрекнуть в обмане, если это не противоречит действующему национальному законодательству, ни сторону защиты, ни сторону обвинения, невозможно» [11, с. 52].

Одним из эффективных способов обмана является получение/предоставление сторонами защиты или обвинения в процессе доказывания избыточной информации. Избыточность информации имеет как отрицательные, так и положительные стороны. Избыточность снижает степень полноты и достоверности. Почвой для возникновения обмана может послужить и неопределенность как состояние, как субъективное начало в мыследеятельности процессуального оппонента. «В теории информации применяется понятие ситуации с неопределенностью. Неопределенность может быть присуща

как знаниям об объекте, так и самому этому объекту. Если сообщение не снижает неопределенности, следовательно, в нем не содержится информации. Чем шире возможность выбора, тем неопределеннее его исход» [12, с. 23]. Например, укреплению позиции защиты будет способствовать предоставление процессуальному оппоненту информации, неверная интерпретация которой ведет к определению ошибочных направлений дальнейшей его деятельности. Всякая информация, объективно возникающая и передаваемая от субъекта к субъекту, всегда несет в себе субъективное начало, что, в свою очередь, является одним из латентных механизмов воздействия на личность, на ситуацию в целом. В сфере уголовно-процессуальных правоотношений в отдельных случаях взаимодействие между субъектами носит манипулятивный характер. «Манипуляция представляет собой узел, в котором сплелись важнейшие проблемы психологии воздействия: преобразование информации, наличие силовой борьбы, проблема истина/ложь и тайное/явное, динамика перемещения ответственности, изменения баланса интересов и другие» [6, с. 8]. Как уже было отмечено выше, избыточность информации имеет как отрицательные, так и положительные стороны. В литературе есть понятие холостой (бесполезной) и полезной избыточности. Избыточность снижает степень полноты и достоверности, и в этом случае она бесполезна. Но избыточность может быть использована для пополнения массивов информации, она может работать на будущее, а также для исправления искажений и ошибок. С такой точки зрения она полезна. На практике приходится сталкиваться и с той, и с другой стороной избыточности [12 ,с. 32].

«Диагностика обмана в уголовном судопроизводстве включает в себя следующий алгоритм действий:

– установление и распознание содержания и направленности процессуального действия/бездействия субъектов;

– установление субъектов инициатора и адресата воздействия;

– установление, выявление в деятельности сторон защиты и обвинения фактов допущения уголовно-процессуальных нарушений, в том числе существенных;

– установление, выявление в деятельности субъектов ошибок (криминалистического, процессуального, психологического, организационного характера);

– установление круга заинтересованных добросовестных/недобросовестных лиц;

– установление мотивации, намерений, желаний субъекта реализации деятельности с содержанием лжи и обмана;

– установление средств и способов защиты и обвинения в процессе реализации деятельности обманного характера;

– установление, выявление негативных обстоятельств в содержании деятельности сторон защиты и обвинения в условиях состязательности, противодействия, другие» [13, с. 68].

Обман в деятельности сторон защиты и обвинения играет существенную роль при условии соблюдения требований допустимости применения тактических приемов. Поэтому следует придать особое внимание изучению обмана, его роли и значения в системе тактических средств и способов в уголовно-процессуальных правоотношениях. Таким образом, можно утверждать, что обман допустим и правомерен в уголовном судопроизводстве, если обратное не предусмотрено действующим уголовным и уголовно-процессуальным законодательством. Конечно, право на обман не должно и не может выполнять роль нормы уголовно-процессуального закона Республики Беларусь, но как закономерное явление его следует принципиально признать и подвергнуть уголовно-процессуальному, криминалистическому исследованию, включая его негативные и позитивные правовые последствия, а также условия распознания обмана. Следовательно, необходимо разработать криминалистические, уголовно-процессуальные, психологические средства и способы реагирования и нейтрализации

негативных правовых последствий лжи и обмана. Обман в сфере уголовно-процессуальных правоотношений следует признать как явление допустимое и вполне закономерное. Следует учесть, что при определенных условиях в зависимости от мотивации, средств и способов реализации он влечет за собой наступление как негативных, так и позитивных правовых последствий. Правовой характер последствий деятельности, носящей обманный характер, зависит от субъекта, средств, способов и мотивации ее осуществления. Необходимо разработать средства и способы распознания лжи и обмана и исследовать закономерности их возникновения, развития, преобразования. Следует различать обман в деятельности добросовестных/недобросовестных субъектов уголовно-процессуальных отношений, которая может или должна повлечь за собой наступление позитивных либо негативных правовых последствий. Средства и способы распознания обмана зависят от направленности и содержания уголовно-процессуальной, криминалистической, психологической деятельности.

Несоблюдение требований, предъявляемых к реализации тактических приемов, является одной их причин происхождения лжи в уголовном процессе. Вместе с тем реализация научно обоснованных криминалистичесих рекомендаций, тактических приемов служит одним из объяснений закономерностей происхождения обмана в криминалистической тактике в сфере уголовно-процессуальных правоотношений.

Процессуальная регламентация статуса подозреваемого, обвиняемого и несовершеннолетних субъектов, не достигших шестнадцатилетного возраста, предполагает возможность дачи последними ложных показаний и отказа от дачи показаний. Это является свидетельством допустимости лжи и обмана в деятельности заинтересованных лиц. Необходимым условием состязательности выступает использование средств и способов в целях введения процессуального оппонента в заблуждение относительно истинных тактических стратегических задач, преследуемых сторонами на том или ином этапе предварительного расследования. Неверная и недобросовестная интерпретация выступает причиной возникновения лжи и обмана. Одной из эффективных форм обмана является получение/предоставление сторонами в процессе доказывания избыточной информации. Избыточность информации имеет как отрицательные, так и положительные стороны. Избыточность снижает степень полноты и достоверности. Таким образом, следует признать, что при определенных правовых условиях ложь и обман в уголовно-процессуальных правоотношениях следует признать допустимыми.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Белкин, Р.С. Криминалистика: проблемы сегодняшнего дня. Злободневные вопросы российской криминалистики / Р.С. Белкин. – М., 2001. – 240 с.
2. Олдерт, Ф. Детекция лжи и обмана / Ф. Олдерт. – СПб., 2005. – 320с.
3. Образцов, В.А. Дезинформирование в криминальной оперативно-розыскной и следственной практике / А.В. Образцов, Л.В. Бертовский, Н.Л. Бертовская. – М. : Юрлитинформ, 2010.– 240 с.
4. Лотфуллин, Р.К. Юридические фикции в гражданском праве / Р.К. Лотфуллин. – М. : Юрист, 2006. – 213 с.
5. Каландаров, К.Х. Управление общественным сознанием. Роль коммуникативных процессов / К.Х. Каландаров. – М., 1998. – 80 с.
6. Доценко, Е.Л. Психология манипуляции: феномен, механизмы и защита / Е.Л. Доценко. – М., 2000. –344 с.
7. Баев, О.М. Система критериев этической допустимости деятельности адвоката-защитника в уголовном судопроизводстве / О.М. Баев // Вести Воронежского государственного ун-та. – 2005. – Вып. 1. – С. 177 – 192.

8. Зайцева, Е.А. Реализация состязательных начал при применении специальных познаний в уголовном судопроизводстве : монография / Е.А. Зайцева. – Волгоград : ВА МВД России, 2006. – 192 с.

9. Зарайский, Д.А. Управление чужим поведением. Технология личного психологического влияния / Д.А. Зарайский. – Дубна : Издат. центр «Феникс»,1997. – 272 с.

10. Зорин, Р.Г. Криминалистическая характеристика тактического (психического) воздействия в системе следственных действий / Р.Г. Зорин // Юридическая психология. – 2008. – № 8. – С. 27–28.

11. Зорин, Р.Г. О допустимости обмана сторонами защиты и обвинения в условиях состязательности в уголовном судопроизводстве / Р.Г. Зорин // Актуальные проблемы уголовного процесса и криминалистики России и стран СНГ : материалы междунар. науч.-практ. конф., посвящ. 80-летию со дня рожд. профессора, доктора юрид. наук Ю.Д. Лившица, Челябинск, 2–3 апр. 2009 г. – Челябинск : Изд-во ЮУрГУ, 2009. – С. 51–54.

12. Овчинский, С.С. Оперативно-розыскная информация. Теоретические основы информационно-прогностического обеспечения оперативно-розыскной и профилактической деятельности органов внутренних дел по борьбе с организованной преступностью / С.С. Овчинский; под ред. А.С. Овчинского, В.С. Овчинского. – М. : Инфра-М, 2000. – 367 с.

13. Зорин, Р.Г. Обман как правомерное/неправомерное психическое воздействие в состязательном уголовном судопроизводстве, в системе следственных действий и как форма противодействия в деятельности сторон обвинения и защиты / Р.Г. Зорин, В.П. Крамаренко // Использование современных информационных технологий и проблемы информационной безопасности в деятельности правоохранительных органов: сб. науч. статей. – Калининград : Калининград. юрид. ин-т МВД России 2011. – С. 59–67.

Zorin R.G. **The Definition of Criteria of Deceit Admissibility/Inadmissibility in Criminal Legal Procedure**

In the present article the acute-angled and not indisputable problems connected with deceit inadmissibility in criminal trial are considered. It is recognized that under certain legal conditions and the bases the deceit is admissible in criminally remedial law relations. The borders of admissible influence of deceptive character among participants of criminal trial are investigated. The deceit place in the system of means and ways of protection and charge is defined. The role and value of deceit among means and ways of rendering legal/illegal mental influence are also defined. The problems of misinforming in investigatory practice are considered.

Рукапіс паступіў у рэдкалегію 22.09.2011

УДК 342 (1-856)

Д.С. Береговцова

РЕФОРМА ПАЛАТЫ ЛОРДОВ БРИТАНСКОГО ПАРЛАМЕНТА

В настоящей статье раскрываются причины проведения и особенности реформы верхней палаты британского парламента – палаты лордов, инициированной партией лейбористов в 1999 году. Особое внимание уделено хронологии реформы (её основным этапам), а также структуре и порядку формирования преобразованной верхней палаты. Кроме того, исследуется эволюция палаты лордов, начиная со времени её возникновения, перечисляются акты, оказавшие наиболее значительное влияние на структуру и порядок её формирования.

Введение

В 1265 году случилось значимое событие не только в английской истории в частности, но и в истории мирового парламентаризма в целом: Симон де Монфор, одержавший победу в гражданской войне против короля Генриха III, созвал первый в истории Англии парламент (традиционно английский парламент считается древнейшим парламентом в мире). Первоначально парламент был однопалатным, однако с середины XIV века стал делиться на две палаты: верхнюю – палату лордов, где заседали светские и духовные феодалы (в XV веке светских лордов начинают именовать пэрами), и нижнюю – палату общин, где заседали рыцари и представители городов.

В течение довольно длительного времени после своего возникновения парламент играл роль совещательного органа при монархе, однако постепенно его функции расширялись, парламент стал пытаться подчинить своему контролю государственное управление и, наконец, занял достойное место в системе органов государственной власти Соединенного Королевства. При этом британский парламент накануне реформы 1999 года представлял собой уникальное явление в современном мире и, как отмечал А.М. Арбузкин, сочетал одновременно и черты современного парламентаризма, и традиционные качества сословно-представительного органа при монархе [1, с. 452]. Вместе с тем в настоящее время британский парламент утратил эту свою особенность, что связано с коренным преобразованием и изменением порядка формирования верхней его палаты – палаты лордов.

Реформа палаты лордов 1999 года

Палата лордов (полное наименование в настоящее время – Почтенные Лорды духовные и светские Соединенного Королевства Великобритании и Северной Ирландии, собравшиеся в парламенте) была сознана для представительства интересов английской аристократии и, что не менее важно, для сдерживания радикализма палаты общин. Первоначально палата лордов доминировала над нижней палатой, однако впоследствии произошло перераспределение властных полномочий между палатами в пользу нижней.

На протяжении всей истории существования палаты лордов порядок её формирования был относительно стабилен, за исключением редких изменений. Палата формировалась исключительно феодальным способом, преимущественно по наследственному признаку. Члены палаты подразделялись на «духовных лордов» (представителей высшего духовенства) и светских лордов (представителей английского дворянства). В XVIII в соответствии с Актом об англо-шотландской унии (1707 г.) и Актом об англо-ирландской унии (1800 г.) шотландские и ирландские пэры получают право избирать представителей, которые будут заседать в палате лордов [2]. В 1876 г. в соответст-

вии с Актом об апелляционной юрисдикции учреждаются должности «судебных лордов» – лордов-судей по апелляциям [2].

О необходимости реформирования палаты лордов впервые заговорили ещё в начале XX века (после Второй Мировой войны даже поднимался вопрос о её ликвидации). Особенно активно данную идею отстаивали представители партии лейбористов. Однако воплотить её в жизнь представители одной из наиболее влиятельных партий Великобритании смогли лишь в 90-х годах прошлого века.

Справедливости ради надо сказать, что постепенное реформирование палаты проводилось на протяжении всего XX века. Так, в 1911 г. Актом о парламенте были ограничены законодательные полномочия палаты в области финансов [3]. Поводом к этому стало отклонение в 1909 г. правительственного законопроекта о бюджете. Позднее, в 1949 г., Актом о парламенте был уменьшен период действия отлагательного вето палаты лордов с трёх сессий до двух и с двух лет до одного года [3]. В 1958 г. в соответствии с Законом о пожизненном пэрстве помимо наследственного было установлено пожизненное пэрство, распространявшееся, в том числе и на женщин, но не передававшееся по наследству [3]. В 1963 г. Закон о пэрстве не только предоставил на этот раз наследственным пэрам-женщинам право заседать в палате, но и разрешил наследственным пэрам отказываться от титула для того, чтобы иметь возможность баллотироваться на выборах в Палату общин от какой-либо политической партии. В соответствии с данным актом также все шотландские лорды получили возможность заседать в палате [3].

Однако наиболее радикальная реформа, как уже отмечалось выше, была инициирована и проведена партией лейбористов в конце XX века. В 1997 г. после 18-летнего правления консерваторов (1979–1997 гг.) партия лейбористов пришла к власти в результате парламентских выборов. Под руководством премьер-министра Энтони Блэра лейбористы провели ряд реформ британской государственной системы. В их числе была радикальная реформа палаты лордов. Необходимость проведения реформы объяснялась крайней консервативностью палаты, её высокой численностью (превосходящей количество представителей палаты общин почти в два раза), а также крайней недисциплинированностью лордов, постоянно пренебрегавших своими обязанностями и не являвшихся на заседания палаты, что, кстати, наглядно демонстрируют результаты голосования по Акту о Палате Лордов, предусматривавшем реорганизацию палаты (из более 1 290 членов палаты лордов в голосовании приняло участие лишь 302 пэра). На момент проведения реформы палата лордов включала около 1 290 пэров, в том числе наследственных пэров (2/3 от общего количества), пожизненных пэров, духовных лордов (два архиепископа – Кентерберийский и Йоркский и 24 епископа), лордов по аппеляциям, а также шотландских и ирландских пэров.

В манифесте лейбористской партии о всеобщих выборах от 1 мая 1997 г. было установлено, что палата лордов должна быть реформирована. Первой стадией в процессе реформы явилось лишение наследственных лордов права заседать в ней. Целью реформы объявлялась дальнейшая демократизация палаты и придание ей наибольшей представительности [4, с. 6].

В октябре 1998 г. в палате лордов прошли двухдневные дебаты по реформе. Позицию партии лейбористов активно отстаивала баронесса Маргарет Джей. В ноябре 1998 г. королева выступила с тронной речью и объявила о создании королевской комиссии под руководством лорда Вейкхема, которая должна была представить свои рекомендации по порядку реформирования палаты лордов. В 1999 г. данная комиссия представила свой доклад, на основании которого и была проведена реформа.

Реформа палаты лордов, предложенная консерваторами, включала два основных этапа. На первом этапе предполагалось лишь частичное реформирование палаты, вто-

рой должен стать завершающим и предполагал полное изменение порядка формирования, структуры и функций палаты лордов.

Началом первого этапа послужило внесение в октябре 1999 г. Акта о Палате Лордов в палату общин, которая приняла его большинством голосов. На заседании палаты лордов Акт также был одобрен подавляющим большинством. 11 ноября 1999 г. закон был промульгирован королевой.

В соответствии с положениями Акта о Палате Лордов 1999 г. все наследственные пэры, за исключением 92 лордов, были лишены права заседать в палате. В число 92 лордов, сохранивших право заседать в палате на правах пожизненных пэров, вошли 90 пэров, избранных либо всей палатой (15 представителей спикера и председателя палаты) либо партийными фракциями или беспартийными группами палаты лордов (75 лордов), а также два лорда, занимающие традиционные должности – лорд-маршал (Earl Marshal), который является представителем Королевы в Парламенте, и великий маршал двора (Lord Great Chamberlain), который ответственен за различные церемонии, такие, например, как открытие парламента. После проведения первого этапа реформы численность палаты лордов резко уменьшилась, приблизительно сравнявшись с числом депутатов палаты общин. В августе 2011 г. в составе палаты было приблизительно 740 человек, включая пожизненных пэров, которые составляют подавляющее большинство в палате (около 630), духовных лордов (архиепископов Йоркского и Кентерберийского и 24 епископа англиканской церкви), а также наследственных пэров [5].

Пожизненные пэры, как уже было отмечено выше, составляют самую многочисленную группу в палате лордов. В соответствии с Актом о пожизненных пэрах 1958 г. пожизненное пэрство присваивается монархом путем выдачи жалованной грамоты за особые заслуги перед государством по представлению премьер-министра [3]. Как правило, пэрство присваивается видным государственным деятелям, включая премьер-министра, некоторых министров, наиболее видных представителей палаты общин и др. (данным категориям пэрство присваивается уже после их отставки), а также общественным деятелям. Пожизненное пэрство прекращается со смертью лица, которому оно было пожаловано. Кроме пожизненных и наследственных лордов в палате также заседают духовные лорды, в число которых входят 5 важнейших прелатов церкви (Архиепископы Кентерберийский и Йоркский, Епископ Лондона, Епископ Дурхема, Епископ Винчерстерский), а также 20 диоцезианских епископов [5].

На первом этапе реформы полномочия палаты лордов практически не претерпели изменений, за одним небольшим исключением. На протяжении значительного времени, начиная с 1399 г., палата выступала в качестве высшей судебной инстанции королевства. Однако в соответствии с Актом о конституционной реформе 2005 г. было предусмотрены создание Верховного суда Великобритании, к которому должны были перейти судебные полномочия палаты лордов, и ликвидация должности лорда-канцлера [4, с. 20]. В октябре 2009 г. вновь созданный суд приступил к работе.

На втором этапе, который было решено провести в течение 10 лет, должна быть осуществлена полная реорганизация палаты, включая реорганизацию её состава, а также учрежден принципиально новый порядок её формирования. При этом высказывались самые разные предложения о структуре палаты, количестве её членов и даже названии. Так, например, партия консерваторов в январе 2002 г. высказала предложение о создании представительного органа, именуемого Сенат, включающего 240 членов, избираемых на 15-летний срок на основе мажоритарной избирательной системы. Либерально-демократическая партия высказала предложение о создании верхней палаты, состоящей из 300 представителей, не менее 80 % которых будут избираться по системе пропорционального представительства. Предлагались и разнообразные иные варианты формирования палаты. Премьер-министр Энтони Блэр, говоря о достоинствах и недос-

татках каждого из предложенных проектов, отмечал, что выбор должен делаться либо в пользу полностью назначенной палаты, либо в пользу полностью избранной, так как любые гибридные сочетания избранности и назначения существенно снизят её работоспособность. В мае 2002 г. был создан объединенный комитет по реформе палаты лордов, который должен был высказать свои предложения по реформировании палаты. В феврале 2003 г. комитет предложил на рассмотрение палат парламента семь вариантов порядка формирования верхней палаты:

1) полностью назначаемая;
2) полностью избираемая;
3) избираемая на 20 %, назначаемая на 80 %;
4) избираемая на 80 %, назначаемая на 20 %;
5) избираемая на 40 %, назначаемая на 60 %;
6) избираемая на 60 %, назначаемая на 40 %;
7) избираемая на 50 %, назначаемая на 50 %.

Ниже приведена таблица результатов голосования по каждому из перечисленных вариантов [4, с. 14]. При этом, как показывают данные таблицы, некоторые варианты вообще не выносились на голосование в палате общин.

Таблица – Результаты голосования в Британском парламенте по вопросу реформирования палаты лордов

Варианты	1	2	3	4	5	6	7
Палата лордов							
За	335	106	39	93	60	91	84
Против	110	329	375	338	358	317	322
Палата общин							
За	245	272	–	281	–	253	–
Против	323	289	–	284	–	316	–

Анализ результатов голосования позволяет прийти к выводу, что ни один из предложенных вариантов не набрал требуемого большинства голосов. Максимальную же поддержку в палате общин получил вариант № 4.

В сентябре 2003 г. правительство Энтони Блэра намеревалось вынести на голосование законопроект, предусматривающий удаление из состава палаты оставшихся 92 лордов. Однако ярое сопротивление членов палаты лордов привело к тому, что данный законопроект даже не ставился на голосование. В дальнейшем ход реформ сильно замедлился, за исключением принятия в 2005 г. Акта о конституционной реформе, суть которого ранее уже была нами раскрыта.

В 2005 г. случилось еще одно знаковое событие, непосредственным образом повлиявшее на реформу палаты: лейбористы в очередной раз победили на парламентских выборах. Новый премьер-министр Гордон Браун заявил о том, что его правительством будут приниматься все необходимые меры для завершения второго этапа реформирования палаты лордов. В мае 2006 г. ответственным за реформу палаты лордов был объявлен недавно избранный спикер палаты общин Джек Строу. Данное обстоятельство не могло не вызвать недовольства в палате лордов и в значительной степени предопределило дальнейший ход реформы. Выступая с ежегодной лекцией в университетском колледже Лондона, Джек Строу отметил, что реформа палаты лордов – необходимый этап в дальнейшей демократизации английского парламента. При этом первенством в парламенте, безусловно, должна обладать палата общин, так как первенство данной палаты – одна из основ британской демократии. Преобразованная палата лордов должна быть не точной копией палаты общин, а эффективно функционирующим органом

с собственными полномочиями. Необходимо также усилить представительность палаты за счет увеличения количества заседающих в палате женщин и представителей этнических меньшинств [4].

В марте 2007 года в палате общин состоялось очередное голосование по порядку формирование палаты лордов. На рассмотрение депутатов на этот раз предлагались следующие вопросы:

1) должен ли парламент иметь двухпалатную структуру (за высказались 416 депутатов, против 163);

2) должна ли быть палата лордов полностью назначаемой (за 196, против – 375);

3) должна ли быть палата лордов избираемой на 20 %, назначаемой на 80 % (этот вариант был отклонен большинством палаты и не выносился на голосование);

4) должна ли быть палата лордов избираемой на 40 %, назначаемой на 60 % (был также отклонен большинством палаты и не выносился на голосование);

5) должна ли быть палата лордов избираемой на 50 %, назначаемой на 50 % (за 155, против – 418);

6) должна ли быть палата лордов избираемой на 60 %, назначаемой на 40 % (за 178, против – 392);

7) должна ли быть палата лордов избираемой на 80 %, назначаемой на 20 % (за 305, против – 267);

8) должна ли быть палата лордов полностью избираемой (за 337, против – 224);

9) считаете ли вы необходимым удаление всех наследственных пэров из состава парламента (за 391, против – 111) [4].

Таким образом, в марте 2007 г. палата общин большинством голосов одобрила формирование палаты лордов полностью на выборной основе. Однако палата лордов подавляющим большинством голосов 326 против 122 отклонила данный вариант её формирования, как и многие другие, предложенные пэрам, проголосовав за полностью назначаемую верхнюю палату. В июле 2008 г. в пресс-релизе для средств массовой информации лорд-канцлер Джек Строу обрисовал в общих чертах, какой видит правительство будущую верхнюю палату британского парламента:

1) полностью или частично (на 80 %) избранная палата, формируемая путём прямых выборов на основании мажоритарной, пропорциональной систем или системы единственного передаваемого голоса;

2) палата, которая по своим задачам, функциям, полномочиям должна отличаться от палаты общин;

3) члены палаты могут избираться только на один срок, который должен составлять 12–15 лет [4, с. 91].

В сентябре 2009 г. премьер-министра Великобритании Гордон Браун, выступая с программной речью на конференции Лейбористской партии, сообщил о намерении в течение ближайшего года завершить реформу Палаты лордов, полностью ликвидировав право наследственных лордов заседать в палате, а кроме того, наделить избирателей правом отзывать из парламента своего депутата за ненадлежащее поведение.

В мае 2010 г. случилось еще одно важнейшее событие, имеющее прямое отношение к дальнейшей реформе палаты лордов: к власти после 13-летнего перерыва пришли консерваторы во главе с премьер-министров Дэвидом Кэмероном. Как именно это событие повлияние на судьбу палаты лордов, покажет только время.

Заключение

Сложно сказать, каким будет дальнейший процесс реформирования палаты и насколько быстро реформа будет, наконец, закончена. Вполне возможно, что после завершения данной реформы палата лордов будет функционировать более эффективно,

станет более демократичным и представительным органом, повысится её функциональная роль, что, собственно, и было основной целью реформирования. В последнем, однако, позволим себе усомниться. Как бы ни формировалась по окончании реформы верхняя палата, в любом случае данный способ формирования не будет существенно отличатся от порядка формирования нижней палаты (во всяком случае, по сравнению с ранее практиковавшимся наследственным принципом). Это значит, что в состав верхней палаты будут входить представители тех же политических партий и групп, что и в состав палаты общин, и, следовательно, верхняя палата станет гораздо более зависимой от партийной дисциплины и политической конъюнктуры. В наихудшем варианте верхняя палата станет всего лишь бесполезным дубликатом нижней. Кроме того, палата лордов британского парламента, являясь составной частью старейшего в мире органа парламентской демократии, призвана не только активно участвовать в законодательном процессе, но и сдерживать правительство, формируемое нижней палатой, и являться, таким образом, важнейшим элементом системы сдержек и противовесов разделения властей Соединенного Королевства. Насколько эта сдерживающая функция по отношению к правительству будет реализована, покажет время, однако представляется, что именно сложные взаимоотношения палаты лордов и английского правительства послужили истинной причиной реформирования палаты. В любом случае с утратой британскими лордами привилегий, существовавших более семи столетий, палата лордов как символ стабильности «старой доброй Англии» и одна из основ британского парламентаризма подверглась значительному преобразованию и в большой степени утратила своё первоначальное предназначение.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Арбузкин, А.М. Конституционное право зарубежных стран : учеб. пособие / А.М. Арбузкин. – М. : Юристъ, 2004. – 666 с.
2. House of lords : сведения о деятельности // UK Parliament [Электронный ресурс]. – 2011. – Режим доступа: http://www.parliament.uk/documents/lords-information-office/hoflbgrussian.pdf. – Дата доступа: 15.08.2011.
3. Великобритания. Конституционные акты // Энциклопедия Кругосвет [Электронный ресурс]. – 2012. – Режим доступа: http:www.Krugosvet.ru/node/41813?page=0,3.– Дата доступа: 10.02.2012.
4. House of Lords Reform Since 1997: A Chronology (updated July 2009) // UK Parliament [Электронный ресурс]. – 2011 – Режим доступа: http://www.parliament.uk/documents/lords-information-office.pdf. – Дата доступа: 12.08.2011.
5. UK Parliament – Different types of Lords // UK Parliament [Электронный ресурс]. – 2011 – Режим доступа: http://www.parliament.uk/lords– Дата доступа: 12.08.2011.

Berahautsova D.S. **Reform of the House of Lords of British Parliament**

The reasons for carrying out the reform and its features in the upper House of British Parliament – the House of Lords initiated by the Labour Party in 1999 are revealed in the article. The special attention is given by the author of article to the chronology of reform (its basic stages), and also the structure and the order of formation of the transformed upper House. Besides, within the limits of the given article the evolution of the House of Lords since the time of its beginning is investigated, the Acts, which made the most considerable impact on the structure and order of formation of the House are listed.

Рукапіс паступіў у рэдкалегію 13.02.2012

УДК 346.244(476)

А.Б. Лепешко

ПРАВОВОЕ ПОЛОЖЕНИЕ УНИТАРНЫХ ПРЕДПРИЯТИЙ ЖИЛИЩНО-КОММУНАЛЬНОГО ХОЗЯЙСТВА В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ

В статье проанализированы основные аспекты, связанные с особенностями правового положения унитарных предприятий ЖКХ, рассмотрены особенности распоряжения имуществом, основанном на праве хозяйственного ведения. Изложены особенности государственно-правового регулирования деятельности унитарных предприятий ЖКХ. Приведена характеристика законодательства, определяющего порядок государственной регистрации, реорганизации, ликвидации унитарных предприятий.

Введение

Актуальность темы определяется несколькими факторами. Во-первых, отличительной характеристикой законодательства Республики Беларусь, регулирующего организационно-правовые формы юридических лиц, является возможность создания в Беларуси именно унитарного предприятия (далее – УП), учредителем которого является одно юридическое или физическое лицо. Вообще говоря, такой институт, как «унитарное предприятие», свойственен многим постсоветским странам, воспринявшим в качестве основы своего гражданского законодательства Модельный Гражданский кодекс государств – участников СНГ. Однако, например, в Российской Федерации унитарное предприятие может быть создано лишь Российской Федерацией, субъектом Российской Федерации или административно-территориальной единицей субъекта хозяйствования. В отличие от России в Республике Беларусь унитарное предприятие может быть создано не только Республикой Беларусь, её административно-территориальными единицами, но также и физическим или юридическим лицом. Таким образом, правовые аспекты отечественного законодательства в указанной части носят прецедентный характер. Во-вторых, важно изучить и раскрыть широкий спектр вопросов, связанных с особенностями правового положения унитарных предприятий жилищно-коммунального хозяйства (далее – ЖКХ) по законодательству Республики Беларусь. Но сначала определимся с основными терминами.

Понятие унитарного предприятия

В соответствии с Гражданским кодексом (ГК) Республики Беларусь, унитарным предприятием признается коммерческая организация, не наделенная правом собственности на закрепленное за ней собственником имущество. Имущество унитарного предприятия является неделимым и не может быть распределено по вкладам (долям, паям), в том числе между работниками предприятия [1, ст. 113].

В соответствии с классификацией, приведенной в статьях 44 и 46 ГК, унитарное предприятие относится к юридическим лицам, на имущество которых их учредители имеют право собственности; кроме того, УП является коммерческой организацией.

В принципе возможность существования предприятий, основанных на разных формах собственности, допускалась Законом от 14 декабря 1990 г. «О предприятиях в Республике Беларусь» (Ведомости Верховного Совета Белорусской ССР, 1991. – № 3(5), Ст. 13). Однако это вполне объяснимо, поскольку в то время фактически отсутствовало национальное законодательство о хозяйственных обществах, а союзные акты имели невысокое качество. Кроме того, в то время только начинался переход от эконо-

мики государственной к экономике, основанной на разнообразных формах собственности, и не допускалось создания хозяйственных обществ одним лицом.

Имущество унитарного предприятия вРеспублике Беларусь может находиться в частной собственности, либо в государственной (например, имущество унитарных предприятий ЖКХ), либо в собственности административно-территориальных единиц [1, ст. 113]. Как правило, предприятию имущество принадлежит на праве хозяйственного ведения, однако у некоторых республиканских унитарных предприятий имущество может находиться на праве оперативного управления.

Единственным учредительным документом УП является устав, утверждаемый собственником либо уполномоченным им органом. Помимо сведений, указанных в п. 2 ст. 48 ГК, в нем также должны содержаться сведения о предмете и целях деятельности предприятия. В фирменном наименовании унитарного предприятия обязательно должно содержаться указание на собственника его имущества, например, «Брестское областное унитарное предприятие «Управление ЖКХ».

Руководство УП должно осуществляться на основе единоначалия. Однако необходимо подчеркнуть, что учредитель унитарного предприятия не является его органом управления (как зачастую указывается в уставах унитарных предприятий), а представляет собой лицо «внешнее» по отношению к унитарному предприятию. Единственным органом управления УП в соответствии с п. 4 ст. 113 ГК является руководитель унитарного предприятия. Иных органов управления (например, совета или правления предприятия) в УП быть не может [1, ст. 113]. Необходимо отметить, что минимальный уставный фонд, составлявший ранее 800 евро для унитарных предприятий и 400 евро для казенных унитарных предприятий, на сегодняшний день со вступлением в силу Декрета Президента Республики Беларусь № 1 от 16.01.2009 г. законодательством не устанавливается [3, ст. 7].

Правовое положение унитарного предприятия ЖКХ

В отношении УП ЖКХ, основанного на праве хозяйственного ведения, предполагается, что собственник его имущества по общему правилу не несёт ответственности по его обязательствам, так же как и наоборот. Однако ч. 2 п. 5 ст. 113 ГК предусматривает, что унитарное предприятие не несёт ответственности по обязательствам собственника его имущества, за исключением случаев, предусмотренных ГК. В ГК РБ определено, что до государственной регистрации унитарного предприятия, в отличие от других юридических лиц, его уставный фонд должен быть полностью оплачен собственником имущества предприятия [1, ст. 114]. Тем не менее учредитель УП все же «отвечает» по его обязательствам своим имуществом, которое, являясь собственностью учредителя, передано унитарному предприятию в хозяйственное ведение. Так, согласно ГК, УП отвечает по своим обязательствам всем принадлежащим ему имуществом [1, ст. 113]. Таким образом, собственник имущества унитарного предприятия, передавая ему это имущество в хозяйственное ведение, рискует им, так как на него может быть обращено взыскание по долгам УП.

Похожая ситуация складывается и с ответственностью УП по обязательствам его учредителя (собственника имущества). Согласно ст. 52 ГК, юридическое лицо не отвечает по обязательствам своего учредителя, собственника имущества. Аналогичная норма предусмотрена и частью второй п. 5 ст. 113 ГК: унитарное предприятие не несет ответственности по обязательствам собственника его имущества. При этом следует обратить внимание на то, что собственник имущества унитарного предприятия отвечает по своим обязательствам всем принадлежащим ему имуществом. Так, согласно ст. 23 ГК, гражданин отвечает по своим обязательствам всем принадлежащим ему имущест-

вом, за исключением имущества, на которое в соответствии с законодательством не может быть обращено взыскание.

То же правило действует и в случаях, если учредителем УП выступило не физическое, а юридическое лицо. Пунктом 1 ст. 52 ГК предусмотрено, что юридические лица, кроме финансируемых собственником учреждений, отвечают по своим обязательствам всем своим имуществом. Таким образом, принимая во внимание вышесказанное, можно отметить, что физические и юридические лица отвечают по своим обязательствам всем принадлежащим им имуществом, в том числе и тем, которым созданное ими унитарное предприятие владеет на праве хозяйственного ведения [1, ст. 52].

Другими словами, УП не отвечает по обязательствам своего учредителя, а его учредитель отвечает по своим обязательствам имуществом, которым предприятие владеет на праве хозяйственного ведения. Это не значит, что имущество УП будет изъято у него его новым собственником. Обусловлено это тем, что право собственности на это имущество ограничено правом хозяйственного ведения УП. Последствия перехода права собственности на имущество унитарного предприятия к иному лицу зависят от того, какой объем имущества перешел. Если собственник имущества УП лишился права собственности на все это имущество, то теоретически существование унитарного предприятия не прекращается. В соответствии с п. 1 ст. 281 ГК при переходе права собственности на предприятие как имущественный комплекс к другому собственнику такое предприятие сохраняет право хозяйственного ведения на принадлежащее ему имущество. Конечно, новый собственник имущества, не имея намерения заниматься предпринимательской деятельностью, вправе инициировать процесс ликвидации УП, но может и не принимать такого решения [1, ст. 281].

Иная ситуация возникает в том случае, если к новому собственнику переходит часть имущества УП. В соответствии с частью 6 п. 2 ст. 113 ГК долевая собственность на УП не допускается. При переходе к новому собственнику части имущества унитарного предприятия оно может быть реорганизовано путем разделения (выделения) либо преобразования в хозяйственное товарищество или общество в порядке, установленном законодательством и соглашением сторон; в противном случае УП подлежит ликвидации в порядке, установленном законодательством. Если у одного из собственников имеется возможность выкупить остальное имущество, то все имущество унитарного предприятия может перейти в собственность одного юридического или физического лица, которое выплачивает другим лицам компенсации соответственно их доле в общей собственности, определенной по правилам, установленным для имущества, в отношении которого долевая собственность допускается.

Еще одна особенность правового положения имущества УП заключается в том, что и учредитель унитарного предприятия как собственник, и само УП отвечают по своим обязательствам всем своим имуществом. В результате этого может возникнуть казусная ситуация, когда в отношении одного и того же имущества, которое, с одной стороны, является собственностью учредителя УП, а с другой стороны, находится в хозяйственном ведении самого унитарного предприятия, будут предъявлены требования как кредиторов учредителя унитарного предприятия, так и кредиторов самого УП. В данном случае гражданское законодательство не определяет, какой из кредиторов имеет преимущественное право на удовлетворение своих требований. На практике, принимая во внимание то, что количество имущества ограничено, полностью удовлетворены будут требования только одного из кредиторов: либо кредитора учредителя, либо унитарного предприятия. В связи с этим субъектам, заключающим сделки с лицом, являющимся учредителем УП, и с самим УП, следует обратить внимание на особый правовой статус имущества, переданного в хозяйственное ведение. Ведь в ситуа-

ции, описанной выше, у них могут возникнуть трудности с взысканием причитающейся им задолженности.

Государственная легитимация УП ЖКХ

Процедура государственной регистрации, в частности, УП, детально прописана Положением о государственной регистрации и ликвидации, утверждённым Декретом Президента Республики Беларусь от 16.01.2009 № 1 «О государственной регистрации и ликвидации (прекращения деятельности) субъектов хозяйствования» (далее – Положение). В соответствии с ч. 7 ст. 9 Положения о государственной регистрации регистрирующими органами для УП в Республике Беларусь являются областные исполнительные комитеты (Брестский, Витебский, Гомельский, Гродненский, Могилевский), Минский горисполком, администрации свободных экономических зон [3, ст. 9]. Выбор регистрирующего органа для УП определяется, в частности, таким критерием, как место расположения хозяйствующего субъекта (территория свободной экономической зоны). На основании решения о государственной регистрации субъекта хозяйствования регистрирующий орган присваивает субъекту хозяйствования соответствующий регистрационный номер и выдает свидетельство о государственной регистрации, форма которого утверждена Постановлением Совета Министров Республики Беларусь от 28 января 2009 г. № 114 «О некоторых вопросах государственной регистрации субъектов хозяйствования».

Что касается порядка прекращения деятельности УП, то в ст. 113 ГК предусмотрено, что УП в определенных случаях может быть реорганизовано путем разделения (выделения) либо преобразования в хозяйственное товарищество или общество в порядке, установленном законодательством и соглашением сторон. Других норм, посвященных вопросам реорганизации УП, ГК не содержит, что на практике является основанием для отказа в регистрации проведенной реорганизации УП иным, не указанным в ст. 113 ГК способом, например, путем присоединения к УП общества с ограниченной ответственностью (ООО) с последующей реорганизацией предприятия в ООО, что является весьма актуальной проблемой. ГК устанавливает пять форм реорганизации юридических лиц (и, соответственно, коммерческих организаций): слияние, присоединение, разделение, выделение, преобразование [4, с. 40].

Следует иметь в виду, что всегда существует правопреемство прав и обязательств реорганизуемой организации, конкретный порядок которого зависит от способа реорганизации. Также необходимо учитывать, что процесс реорганизации сопровождается изменением количества юридических лиц. При разделении и выделении вместо одной коммерческой организации образуются как минимум две (возможно и больше). При слиянии или присоединении вместо двух и более организаций образуется одна. Преобразование отличается от всех четырёх названных видов реорганизации тем, что изменяется организационно-правовая форма юридического лица (т.е. происходит только «качественное» изменение). Реорганизация УП осуществляется по общим правилам, установленным статьями 53–56 ГК. Эти нормы регулируют общие правила реорганизации юридических лиц, являющихся как коммерческими, так и некоммерческими организациями.

Для дальнейшего рассмотрения проблемы существующие формы реорганизации коммерческих организаций объединим в три группы. При этом будем исходить из того, что разделение и выделение (как формы реорганизации) имеют общие характерные черты, а механизмы их проведения и правовые последствия сходны. Также близки по своим характеристикам слияние и присоединение. Преобразование как форма реорганизации влечет только качественные изменения для юридического лица, в силу чего стоит особняком от других форм. С учетом этого будем использовать следующие груп-

пы форм реорганизации коммерческих организаций: 1) разделение, выделение; 2) присоединение, слияние; 3) преобразование.

I. Разделение, выделение. Случаи разделения УП, выделения из него другого УП являются наиболее простыми. Такие формы реорганизации применяются в случаях, предусмотренных частью 7 п. 2 ст. 113 ГК, и направлены на устранение возникшего несоответствия фактического статуса УП (образование права собственности на имущество УП у двух и более лиц) и его правового положения, определенного законодательством (недопустимость долевой собственности). Особенностью такого разделения УП, выделения из него другого УП, как следует из целей реорганизации в данных случаях, будет появление нового собственника имущества УП, ранее не выступавшего в таком качестве.

Наряду с этим учредитель УП, собственник его имущества по своему усмотрению может принять решение о реорганизации УП путем разделения, выделения из него другого УП, не будучи связанным указанными нормами законодательства, обязывающего его к таким действиям. Такое решение может быть принято по мотивам экономической необходимости создания новой коммерческой организации, разделения бизнеса или по иным соображениям. Во всех этих случаях собственник имущества УП самостоятелен в выборе принимаемого им решения. Особенностью разделения УП на два и более УП, выделения из действующего УП другого (или нескольких) будет то, что учредителем создаваемых таким образом новых предприятий будет прежнее лицо, которое также продолжает оставаться учредителем реорганизованного УП.

II. Присоединение, слияние. При такой реорганизации возможны ситуации:

1) присоединение одного УП к другому, слияние двух УП;

2) присоединение к УП коммерческой организации иной организационно-правовой формы;

3) присоединение УП к коммерческой организации иной организационно-правовой формы;

4) слияние УП и коммерческой организации иной организационно-правовой формы [3, с. 42].

Первая ситуация имеет место только в том случае, когда собственником имущества этих УП является одно и то же лицо. По этим причинам с правовой точки зрения не вызывает препятствий присоединение одного РУП к другому РУП, одного КУП к другому КУП. Точно так же не вызывает правовых препятствий присоединение одного УП к другому и в случаях, когда собственником имущества этих УП является одно и то же юридическое или физическое лицо. Но как только таких собственников станет два (и более), присоединение одного УП к другому становится невозможным, так как это противоречит правовому регулированию: в соответствии с ч. 6 п. 2 ст. 113 ГК образование долевой собственности на имущество УП недопустимо.

Слияние двух УП, собственником имущества которых является одно лицо, с правовой точки зрения, также не вызывает никаких препятствий при соблюдении одного условия, которое заключается в том, что вновь образованная коммерческая организация должна быть УП и не может иметь иной организационно-правовой формы. Иная организационно-правовая форма в этом случае невозможна, поскольку все корпоративные коммерческие организации не могут иметь в своем составе одного участника.

Если же собственниками имущества двух УП, которые необходимо реорганизовать путем слияния, являются два разных субъекта, то образование в результате такого слияния УП невозможно. При этом полагается, что два УП, собственниками имущества которых являются два разных субъекта, могут быть реорганизованы путем слияния с созданием в процессе такой реорганизации коммерческой организации иной организационно-правовой формы.

Вторая ситуация на практике невозможна, поскольку такое присоединение будет иметь своим следствием образование долевой собственности на имущество УП, что противоречит законодательству.

Из этого правила возможно одно исключение. Выше уже указывалось, что хозяйственные товарищества, хозяйственные общества, производственный кооператив подлежат преобразованию в УП в случаях, когда в составе этих коммерческих организаций остался один участник (в производственном кооперативе – менее трех, то есть два или один). В ситуации, когда оставшимся единственным участником этих организаций является лицо, которое одновременно является и собственником имущества УП, теоретически возможно присоединение таких коммерческих организаций (полное товарищество, коммандитное товарищество, ООО, ОДО, ОАО, производственный кооператив) к УП. Но как только какое-либо условие нарушается, такое присоединение становится невозможным.

Третью ситуацию можно рассматривать с учетом следующего. Ни статьи 53–56 ГК, ни иные нормы права не содержат ограничений относительно присоединения УП к коммерческой организации иной организационно-правовой формы. Из этого можно сделать однозначный вывод: с правовой точки зрения, такое присоединение возможно. Но на практике необходимо учитывать следующее:

А) Объектом гражданских прав, а следовательно, и тем объектом, который может быть вкладом в уставный фонд хозяйственного товарищества, хозяйственного общества, производственного кооператива, является предприятие, отвечающее признакам, установленным ст. 132 ГК (а не субъект права – УП).

Б) УП не наделено правом собственности на закрепленное за ним имущество, в то время как хозяйственные товарищества, хозяйственные общества, производственный кооператив – собственники принадлежащего им имущества. Значит, внося в виде вклада в уставный фонд хозяйственного товарищества, хозяйственного общества предприятие как имущественный комплекс, учредитель (собственник имущества) данного предприятия теряет право собственности на имущество этого предприятия, а взамен приобретает обязательственные права в отношении этого имущества, предусмотренные законодательством и учредительными документами.

В) Участники производственного кооператива обязаны принимать личное трудовое участие в деятельности кооператива. Это требование ст. 107 ГК ограничивает только физическими лицами круг тех собственников имущества УП, которые могут практически присоединить УП к производственному кооперативу. К тому же они должны принимать личное трудовое участие в деятельности кооператива.

Однако, несмотря на данные ограничения, можно придерживаться сделанного ранее вывода о возможности присоединения УП к коммерческой организации иной организационно-правовой формы.

Четвертую ситуацию для практического применения следует рассматривать с учетом ранее приведенных рассуждений. При этом вывод о возможности (отсутствии возможности) слияния УП с другой коммерческой организацией необходимо делать с учетом конкретной организационно-правовой формы коммерческой организации, создаваемой в результате слияния. Если вследствие такого слияния планируется образование УП, то ситуация идентична ситуации присоединения к УП коммерческой организации иной организационно-правовой формы. Если же следствием слияния УП с коммерческой организацией иной организационно-правовой формы будет образование корпоративной коммерческой организации, то вопрос необходимо рассматривать с позиций присоединения УП к коммерческой организации иной организационно-правовой формы.

III. Преобразование. Оно характеризуется изменением организационно-правовой формы коммерческой организации без изменения количества организаций.

Случаи, когда нормы ГК обязывают УП преобразоваться в хозяйственное товарищество или хозяйственное общество, уже рассмотрены. В иных случаях, когда учредитель (собственник имущества) УП не связан требованиями части 7 п. 2 ст. 113 ГК, представляется, что преобразование УП в корпоративную коммерческую организацию невозможно, поскольку такое преобразование противоречит нормам ГК, предусматривающим, что хозяйственные товарищества, хозяйственные общества, производственный кооператив не могут состоять из одного участника (в производственном кооперативе, согласно ст. 108 ГК, должно быть не менее трех участников).

Примером реорганизации может выступить создание Брестского областного унитарного предприятия «Управление жилищно-коммунального хозяйства». Данное предприятие было создано решением Брестского облисполкома от 22 февраля 2002 г. № 105 «О реорганизации ПУ ЖКХ, отдела топлива облисполкома и горрайтопсбытов» путем слияния производственного управления жилищно-коммунального хозяйства Брестского облисполкома, отдела топлива Брестского облисполкома и подведомственных ему предприятий: КУП «Барановичский гортопсбыт», КУП «Брестский гортопсбыт», КУП «Кобринский гортопсбыт» и др.

Прекращение деятельности УП ЖКХ

Основными нормативно-правовыми актами, регулирующими порядок ликвидации коммерческих организаций, являются Положение и ГК Республики Беларусь. Ликвидация коммерческой организации считается завершенной, а юридическое лицо прекратившим существование с даты внесения об этом записи в Единый государственный регистр юридических лиц и индивидуальных предпринимателей (ЕГР). Исключение юридического лица из ЕГР является завершающим этапом длительной и кропотливой работы по его ликвидации.

В соответствии с подпунктом 3.1 п. 3 Положения коммерческая организация может быть ликвидирована по решению учредителей либо органа коммерческой организации, уполномоченного учредительными документами, в том числе в связи с истечением срока, на который создана эта организация, достижением цели, ради которой она создана, или признанием судом недействительной регистрации данной организации в связи с допущенными при ее создании нарушениями законодательства, которые носят неустранимый характер [3, п. 3]. Также, в соответствии с подпунктом 3.2 п. 3 Положения, коммерческая организация может быть ликвидирована по решению хозяйственного суда в случаях, предусмотренных законодательством [3, п. 3]. Кроме того, в соответствии с подпунктом 3.3 п. 3 Положения, унитарное предприятие может быть ликвидировано по решению регистрирующего органа в случаях: а) неосуществления предпринимательской деятельности в течение двенадцати месяцев подряд и ненаправления УП налоговому органу сообщения о причинах неосуществления такой деятельности, за исключением случая, указанного в ч. 5 п. 19 Положения (неисполнение в период исполнения приговора, связанного с ограничением права на занятие предпринимательской деятельностью); б) внесения налоговым органом представления (предложения) о ликвидации коммерческой организации в связи с признанием задолженности безнадежным долгом и ее списанием [3, п. 3].

Процесс ликвидации коммерческой организации начинается с принятия учредителями (участниками) либо органом этой организации, уполномоченными на то учредительными документами, решения о его ликвидации. Согласно ГК, учредители (участники) юридического лица или орган, принявшие решение о ликвидации организации, обязаны незамедлительно сообщить об этом регистрирующему органу. Учредители

(участники) юридического лица или орган, принявшие решение о ликвидации организации, назначают ликвидационную комиссию, ее председателя или ликвидатора и устанавливают срок и порядок ликвидации [1, ст. 58].

Эти сведения в обязательном порядке предоставляются в регистрирующий орган вместе с заявлением о ликвидации юридического лица. На основании этих документов регистрирующий орган в течение трех рабочих дней предоставляет Министерству юстиции сведения о том, что коммерческая организация находится в процессе ликвидации, для внесения их в Единый государственный регистр юридических лиц и индивидуальных предпринимателей. С момента назначения ликвидационной комиссии (ликвидатора) к ним переходят полномочия по управлению делами юридического лица.

Положение не допускает осуществления операции по счетам ликвидируемого юридического лица, совершения им сделок, не связанных с ликвидацией. Таким образом, совершенные ликвидируемым юридическим лицом сделки, не связанные с ликвидацией, согласно статье 170 ГК, ничтожны [3, п. 10].

После того, как проведены расчеты с кредиторами и дебиторами, ликвидационная комиссия (ликвидатор) составляет ликвидационный баланс, подписывает его и представляет на утверждение собственнику имущества юридического лица или органу, принявшему решение о ликвидации юридического лица [1, ст. 59]. Таким образом, исходя из данных ликвидационного баланса должно быть видно, что у ликвидируемого юридического лица имеется имущество, которое впоследствии должно быть передано собственнику юридического лица.

Оставшееся после удовлетворения требований кредиторов имущество УП передается его участнику, имеющего вещные права на это имущество или обязательственные права в отношении этого юридического лица, если иное не предусмотрено законодательством или учредительными документами юридического лица. Министерство юстиции исключает субъекты хозяйствования из ЕГР датой принятия регистрирующим органом соответствующего решения о ликвидации (прекращении деятельности) субъекта хозяйствования. Коммерческая организация считается ликвидированной с момента внесения записи о ликвидации в ЕГР. С момента принятия регистрирующим органом решения о ликвидации этого юридического лица такое юридическое лицо обязано прекратить свою деятельность.

Заключение

В статье проанализированы основные аспекты, связанные с особенностями правового положения унитарных предприятий ЖКХ, рассмотрены особенности распоряжения имуществом, основанном на праве хозяйственного ведения, изложены особенности государственно-правового регулирования деятельности УП ЖКХ. Особенности правового положения УП остаются малоисследованными, а широкое распространение рассматриваемой организационно-правовой формы порождает большое количество вопросов теоретического характера. В частности, устанавливая ограничения относительно предмета и целей деятельности УП, законодатель не дает определения данным категориям. Эту проблему необходимо решать, поскольку при совершении сделок у сторон может возникнуть вопрос об их соотношении с объемом правоспособности УП. Подобный пробел в правовом регулировании деятельности УП повышает вероятность злоупотреблений со стороны УП, его собственника, а также контрагентов УП, которые могут воспользоваться неопределенностью законодательных формулировок. Следует особо подчеркнуть, что в сфере ЖКХ имеется также достаточно большое количество правовых проблем, сопряженных, главным образом, с прибыльностью предприятий ЖКХ. Это, к примеру, проблемы управления. Как отмечают, в частности, профессор Высоцкий и профессор Седегов, существенными недостатками ЖКХ являются отсутствие

в организационных структурах управления специализированного подразделения, выполняющего коммерческие функции (маркетинг, реализация, закупки), а также отсутствие в организационных структурах службы качества [5, с. 73]. К этому следует добавить, что сфера ЖКХ имеет ряд ограничений. Во-первых, ее сдерживает рынок ресурсов с его свободой ценообразования, из-за чего цены на ресурсы растут, а способность предприятий платить за них падает. Во-вторых, низок платежеспособный спрос, а следовательно, коммунальные услуги могут оплачены не в полном объеме. В-третьих, монополия поставщиков коммунальных услуг лишает потребителя свободы выбора [6, с. 94]. По мнению В.М. Белохвостова, острой проблемой развития ЖКХ является финансирование отрасли, поскольку имеющиеся источники в целом только обеспечивают воспроизводство, что связано с действующей системой формирования тарифов и общеэкономическими условиями. Недостаточная платежеспособность населения и организаций, бюджетное субсидирование, инфляционный рост затрат приводят к бесприбыльности работы организаций ЖКХ. Кроме того, элементы инфраструктуры объектов ЖКХ в значительной мере морально и физически изношены, что ухудшает качество предоставляемых услуг и снижает надежность их функционирования. В силу этого одним из главных факторов по снижению издержек при оказании жилищно-коммунальных услуг, повышения их качества и эффективности является модернизация и развитие инфраструктуры и отрасли [7, с. 58].

Эти и другие проблемы в сфере ЖКХ, по нашему мнению, могут быть решены разработкой и принятием законопроекта «Об унитарных предприятиях», структуру которого полагаем возможным представить в следующем виде: 1) основные положения; 2) порядок регистрации унитарных предприятий; 3) имущество и уставный фонд унитарных предприятий; 4) управление унитарным предприятием; 5) прекращение деятельности унитарных предприятий. В данном законопроекте необходимо отразить особенности правового положения УП ЖКХ как вида унитарных предприятий государственной формы собственности, подчеркнув тем самым его значимость для экономики в целом и жилищно-коммунального сектора в частности.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Гражданский кодекс Республики Беларусь : Кодекс Респ. Беларусь, 07 декабря 1998 г. №218-З : в ред. Закона Респ. Беларусь от 3 июля 2011 г. №285-З // Консультант Плюс: Беларусь. Технология 3000 плюс [Электронный ресурс] / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. - Минск, 2011.

2. Налоговый кодекс Республики Беларусь : Кодекс Респ. Беларусь, 19 декабря 2002 г. №166-З : в ред. Закона Респ. Беларусь от 15 октября 2010 г. №174-З // Консультант Плюс: Беларусь. Технология 3000 плюс [Электронный ресурс] / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. - Минск, 2011.

3. О государственной регистрации и ликвидации (прекращения деятельности) субъектов хозяйствования : Декрет Президента Респ. Беларусь, 16.01.2009 г. N 1 // Консультант Плюс: Беларусь. Технология 3000 плюс [Электронный ресурс] / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. - Минск, 2011.

4. Половинко, М. Переход права собственности на имущество унитарного предприятия, не связанного с его куплей-продажей / М. Половинко // Юрист. – 2004. – №5 (36). – С. 52–56.

5. Высоцкий, О.А. Методика оценки влияния организационной структуры управления КУМПП ЖКХ на эффективность управления предприятием / О.А. Высоцкий // Проблемы управления. – 2010. – № 4. – С. 70–74.

6. Драган, И.А. Особенности реформирования жилищно-коммунального хозяйства как объекта государственного управления / И.А. Драган // Проблемы управления. – 2010. – № 4. – С. 91–95.

7. Белохвостов, В.М. Наша основная цель – повышение эффективности и надежности функционирования жилищно-коммунального хозяйства / В.М. Белохвостов // Проблемы управления. – 2008. – № 3. – С. 58–59.

Lepeshko A.B. **The Legal Status of Unitary Enterprises of Housing and Communal Services in the Republic of Belarus**

The article analyzes the main aspects related to the peculiarities of the legal status of unitary municipal utilities and the peculiarities of disposition of property, based on the right of business. The peculiarities of the legal regulation of unitary enterprises utilities are set forth. The characteristic of the law defining the procedure of state registration, reorganization or liquidation of enterprises is cited.

Рукапіс паступіў у рэдкалегію 26.01.2012

УДК 349.6 (476)

Е.В. Зданович

СОДЕРЖАНИЕ ПРАВОВОЙ КАТЕГОРИИ «ЭКОЛОГИЧЕСКИ НЕБЛАГОПОЛУЧНЫЕ ТЕРРИТОРИИ»

В статье рассмотрены основные виды экологически неблагополучных территорий, правовое положение которых закреплено в нормативных правовых актах Республики Беларусь. Проанализированы критерии отнесения территорий к экологически неблагополучным. На основе произведенного научного анализа предлагается авторское определение понятия «экологически неблагополучные территории», вносятся конкретные предложения по изменению и дополнению действующего национального экологического законодательства.

Введение

В настоящее время экологические проблемы стали достаточно актуальными для нашей страны и мирового сообщества в целом. С развитием технологий, с появлением новых устройств и механизмов человечество стало задумываться об экологических проблемах и поиске путей их решения. Выбросы вредных веществ предприятиями, транспортными средствами, неправильное хранение и захоронение опасных отходов наносят существенный вред окружающей среде и приводят к ухудшению её качества. Кроме того, сильнейшее негативное воздействие на состояние окружающей среды в Республике Беларусь и сопредельных государств оказала авария 1986 г. на Чернобыльской АЭС. Совокупность различных факторов, прежде всего, техногенных, может привести к тому, что на определенной территории начинает складываться экологически неблагополучная обстановка (неблагоприятная ситуация). Она характеризуется отрицательным изменением состояния окружающей среды, обусловленного этим ухудшением здоровья населения либо возможностью такого ухудшения, а также необходимостью применения специальных восстановительных мер со стороны государства. Такая ситуация возникает на ограниченной территории, в связи с чем в законодательстве предусматривается установление специального правового режима – режима экологически неблагополучной территории с целью, во-первых, недопущения дальнейшего вредного воздействия на окружающую среду, во-вторых, проведения мероприятий по её восстановлению и обеспечению безопасности жизни и здоровья граждан.

Актуальность данной статьи обосновывается тем, что в законодательстве понятие «экологически неблагополучные территории» не определено, в теории экологического права указанная проблема исследована недостаточно, что вызывает определенные трудности при правоприменении.

До настоящего времени, несмотря на относительную разработанность природоохранного законодательства Республики Беларусь, законодательного определения понятия «экологически неблагополучные территории» не существует. Закон Республики Беларусь «Об охране окружающей среды» [1] закрепляет лишь виды экологически неблагополучных территорий. К ним относятся:

1. Зоны экологического риска – отдельные участки территории Республики Беларусь, на которых в результате хозяйственной и иной деятельности сложилась неблагоприятная экологическая ситуация, начали происходить устойчивые отрицательные изменения окружающей среды, угрожающие безопасности жизни и здоровья граждан, компонентам природной среды и естественным экологическим системам.

2. Зоны экологического кризиса – отдельные участки территории Республики Беларусь, на которых в результате хозяйственной и иной деятельности, аварии, катастрофы, стихийного бедствия или иных чрезвычайных и непредвиденных при данных условиях обстоятельств произошли устойчивые отрицательные изменения окружающей среды, угрожающие безопасности жизни и здоровья граждан, компонентам природной среды и естественным экологическим системам.

3. Зоны экологического бедствия – отдельные участки территории Республики Беларусь, на которых в результате хозяйственной и иной деятельности произошли необратимые изменения окружающей среды, угрожающие безопасности жизни и здоровья граждан и влекущие нарушение природного равновесия, разрушения естественных экологических систем, деградацию компонентов природной среды.

Закон Республики Беларусь «О правовом режиме территорий, подвергшихся радиоактивному загрязнению в результате катастрофы на Чернобыльской АЭС» [2] закрепляет понятие «территории радиоактивного загрязнения». Это часть территории Республики Беларусь, на которой в результате катастрофы на Чернобыльской АЭС возникло долговременное загрязнение окружающей среды радиоактивными веществами с плотностью загрязнения почв радионуклидами цезия-137 либо стронция-90 или плутония-238, 239, 240, соответственно 1,0; 0,15; 0,01 Ки/км^2 и более, а также иные территории, на которых среднегодовая эффективная доза облучения населения может превысить (над естественным и техногенным фоном) 1,0 мЗв в год, и территории, на которых невозможно получение продукции, содержание радионуклидов в которой не превышает республиканских допустимых уровней. Таким образом, радиоактивно загрязненные территории можно выделить как один из видов экологически неблагополучных территорий.

Территории в зависимости от плотности загрязнения почв радионуклидами и степени воздействия радиации на население подразделяются на следующие зоны:

1. Зона эвакуации (отчуждения) – территория вокруг Чернобыльской АЭС, с которой в 1986 г. в соответствии с существовавшими нормами радиационной безопасности было эвакуировано население (30-километровая зона и территория, с которой проведено дополнительное отселение в связи с плотностью загрязнения почв стронцием-90 выше 3 Ки/км^2 и плутонием-238, 239, 240 – выше 0,1 Ки/кв.км.

2. Зона первоочередного отселения – территория с плотностью загрязнения почв цезием-137 от 40 Ки/км^2 или плутонием-238, 239, 240 соответственно 3,0; 0,1 Ки/км^2 и более.

3. Зона последующего отселения – территория с плотностью загрязнения почв цезием-137 от 15 до 40 Ки/км^2 либо стронцием-90 от 2 до 3 Ки/км^2 или плутонием-238, 239, 240 от 0,05 до 0,1 Ки/км^2, на которых среднегодовая эффективная доза облучения может превысить (над естественным и техногенным фоном) 5 мЗв в год, и другие территории с меньшей плотностью загрязнения вышеуказанными радионуклидами, где среднегодовая эффективная доза облучения населения может превысить 5 мЗв.

4. Зона с правом на отселение – территория с плотностью загрязнения почв цезием-137 от 5 до 15 Ки/км^2 либо стронцием-90 от 0,5 до 2 Ки/км^2 или плутонием-238, 239, 240 от 0,02 до 0,05 Ки/км^2, на которых среднегодовая эффективная доза облучения может превысить (над естественным и техногенным фоном) 1 мЗв в год, и другие территории с меньшей плотностью загрязнения вышеуказанными радионуклидами, где среднегодовая эффективная доза облучения населения может превысить 1 мЗв.

5. Зона проживания с периодическим радиационным контролем – территория с плотностью загрязнения почв цезием-137 от 1 до 5 Ки/км^2 либо стронцием-90 от 0,15 до 0,5 Ки/км^2 или плутонием-238, 239, 240 от 0,01 до 0,02 Ки/км^2, на которых среднегодовая эффективная доза облучения не должна превысить (над естественным и техногенным фоном) 1 мЗв в год.

Тем самым законодатель определил не только понятие радиоактивно загрязненных территорий, но и их виды. В то же время экологически неблагополучные территории без определения их понятия лишь подразделяются на виды, что, конечно же, неприемлемо с позиций законодательной техники.

Для определения понятия «экологически неблагополучные территории» необходимо выделить их признаки. Прежде всего, необходимо определить, что такое территория (используется также термин «зона», но, исходя из проанализированных источников, можно сделать вывод о тождестве этих понятий). Территория – это часть поверхности земной суши с природными, а также созданными в результате человеческой деятельности имуществом и ресурсами, которая включает почву, недра, атмосферный воздух, растительность, животный мир, а также различные производственные комплексы [3, с. 143].

Для изменения окружающей среды (в том числе и негативного) необходимо воздействие на нее. Это воздействие может быть как природного, так и антропогенного характера. Под природным воздействием понимаются такие процессы, как эрозия почвы, стихийные бедствия, ураганы, кислотные дожди и т.д. К антропогенным относят выбросы и сбросы загрязняющих веществ, промышленные аварии, иные ситуации техногенного характера.

Следствием такого воздействия становятся устойчивые и (или) необратимые изменения окружающей среды, угрожающие безопасности жизни и здоровья граждан, компонентам природной среды и естественным экологическим системам. Закон Республики Беларусь «Об охране окружающей среды» раскрывает сущность этих понятий. Компоненты природной среды – земля (включая почвы), недра, воды, атмосферный воздух, растительный и животный мир, а также озоновый слой и околоземное космическое пространство, обеспечивающее в совокупности благоприятные условия для существования жизни на Земле. Важно понимать, что вредное воздействие может быть обращено на любой из компонентов окружающей среды. Изменение или нарушение хотя бы одного из них является основанием для признания территории экологически неблагоприятной.

Иногда негативное воздействие направлено на комплекс природных объектов, но в большинстве случаев вред наносится какому-либо конкретному компоненту. За состоянием каждого из природных компонентов ведется наблюдение, сопоставляются данные различных лет с тем, чтобы обеспечить охрану и оздоровление таких компонентов. В Законе Республики Беларусь «Об охране окружающей среды» содержится лишь перечень компонентов природной среды. Для понимания сущности каждого из компонентов необходимо обратиться к иным нормативным правовым актам.

В качестве объекта регулирования земельного права под термином «земля» понимается часть земной коры, именуемая почвенным слоем и расположенная над недрами, или территория, на которую распространяется суверенитет Республики Беларусь. В свою очередь, «земля» как объект экологического права – это среда обитания человека, включая земную и воздушную оболочки земного шара, его недра, поверхность и ландшафт, животный и растительный мир. Данный компонент включает не только землю, но и почвы. Почвенный слой – это поверхностный 40–45-сантиметровый слой гумуса, обладающий плодородием и используемый для производства сельскохозяйственной продукции [4, с. 166].

Согласно Кодексу Республики Беларусь о недрах [5], под недрами понимается часть земной коры, расположенная ниже почвенного слоя, а при его отсутствии – ниже земной поверхности и дна водоемов и водотоков, простирающаяся до глубин, доступных для геологического изучения и освоения.

Согласно Водному кодексу Республики Беларусь [6], воды – вся вода, находящаяся в водных объектах. В соответствии с Законом Республики Беларусь «Об охране окружающей среды» к водам относятся поверхностные и подземные воды. Поверхно-

стные воды включают в себя воды, расположенные на поверхности суши в виде различных водных объектов – рек, ручьев, озер, водохранилищ и т.д. [4, с. 166]. Подземные воды – это воды, находящиеся ниже уровня земной поверхности в толщах горных пород земной воды во всех физических состояниях.

Исходя из определения, данного в Воздушном кодексе Республики Беларусь [7], воздушное пространство – часть воздушной сферы, расположенная над территорией республики. Некоторые ученые считают, что к воздушному пространству также относятся атмосферный воздух, озоновый слой и околоземное космическое пространство [4, с. 168]. Согласно Закону Республики Беларусь «Об охране атмосферного воздуха», атмосферный воздух – это природный объект, представляющий собой газовую оболочку нашей планеты. Он является одним из основных жизненно важных элементов окружающей среды, благоприятное состояние которого составляет естественную основу устойчивого социально-экономического развития. В соответствии с Законом Республики Беларусь «Об охране озонового слоя» [9] к озоновому слою относится слой атмосферного озона, расположенный в стратосфере, который поглощает биологически опасное ультрафиолетовое солнечное излучение. К воздушному пространству условно можно отнести и околоземное космическое пространство, хотя этот вопрос требует дальнейшего изучения и осмысления.

Таким образом, территория включает в себя земную поверхность и недра, водные объекты, расположенные в пределах этой земной поверхности, а также воздушное пространство над такой поверхностью.

Естественная экологическая система – это объективно существующая часть природной среды, которая имеет пространственно-территориальные границы и в которой живые и неживые её компоненты взаимодействуют как единое функциональное целое и связаны между собой обменом веществом и энергией. Общее понятие экологической безопасности дает Концепция национальной безопасности [10], в соответствии с которой экологическая безопасность – это состояние защищенности окружающей среды, жизни и здоровья граждан от угроз, возникающих в результате антропогенных действий, а также факторов, процессов и явлений природного и техногенного характера.

Если обратиться к определению радиоактивно загрязненных территорий, данному в Законе Республики Беларусь «О правовом режиме территорий, подвергшихся радиоактивному загрязнению в результате катастрофы на Чернобыльской АЭС», то заметим, что ключевым в нем является слово «загрязнение». В соответствии с Законом Республики Беларусь «Об охране окружающей среды» загрязнением окружающей среды признается поступление в компоненты природной среды, нахождение и (или) возникновение в них в результате вредного воздействия на окружающую среду вещества, физических факторов (энергия, шум, излучение и иные факторы), микроорганизмов, свойства, местоположение или количество которых приводит к отрицательным изменениям физических, химических, биологических и иных показателей состояния окружающей среды, в том числе к превышению нормативов в области охраны окружающей среды. Необходимо отметить, что физические, химические, биологические и иные показатели состояния окружающей среды – это показатели в большей степени биолого-географические, в то время как «превышение нормативов в области охраны окружающей среды» необходимо отнести к группе категорий юридических. Определения нормативов даны в Законе Республики Беларусь «Об охране окружающей среды», а в издаваемых технических нормативных актах приводятся пределы допустимых концентраций различных химических элементов, пределы выбросов и сбросов химических и иных веществ, а также пределы физических воздействий, что позволяет установить, имеет ли место превышение таких пределов на конкретной территории. Следует обратить внимание, что к загрязнению относится широкий

спектр воздействий на окружающую среду, что дает достаточно объемный перечень критериев, в соответствии с которыми можно отнести определенный участок территории к зоне экологического неблагополучия.

Заключение

Проанализировав нормативные правовые акты Республики Беларусь, можно предложить следующее определение понятия «экологически неблагополучные территории»: «Это отдельные участки территории Республики Беларусь, на которых в результате хозяйственной и иной деятельности, а также других обстоятельств природного и техногенного характера произошло загрязнение окружающей среды, угрожающее безопасности жизни и здоровья граждан, компонентам природной среды и естественным экологическим системам».

Данное определение указывает на перечень источников негативного воздействия на окружающую среду, который носит открытый характер и позволяет включать в него достаточно широкий круг обстоятельств, исходящих как от человеческой деятельности, так и от сил природы. В нем имеется указание на те объекты, которым причиняется вред в результате вредного воздействия: это и различные компоненты природной среды, и естественные экологические системы в целом, а также жизнь и безопасность человека как основная ценность, закрепленное в Конституции Республики Беларусь.

Вредное воздействие на окружающую среду охватывается понятием «загрязнение», которое включает в себя множество воздействий различной направленности.

Для практического обеспечения единообразного понимания понятия «экологически неблагополучные территории» считаем целесообразным включить его определение в текст ст. 1 Закона Республики Беларусь «Об охране окружающей среды», где содержатся формулировки основных понятий этого Закона.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Об охране окружающей среды: Закон Респ. Беларусь, 26 нояб. 1992 г., № 1982–XII: в ред. Закона Респ. Беларусь от 30.12.2011 // Консультант Плюс: Беларусь. Технология 3000 [Электронный ресурс] / ООО «ЮрСпектр». – Минск, 2012.

2. О правовом режиме территорий, подвергшихся радиоактивному загрязнению в результате катастрофы на Чернобыльской АЭС: Закон Респ. Беларусь, 12 нояб. 1991 г., № 1227–XII: в ред. Закона Респ. Беларусь от 28.12.2009 // Консультант Плюс: Беларусь. Технология 3000 [Электронный ресурс] / ООО «ЮрСпектр». – Минск, 2012.

3. Беларуская энцыклапедыя: у 18 т. / рэдкал.: Г.П. Пашкоў [і інш.]. – Мінск: БелЭн, 2003. – Т. 16: Трыпалі – Хвіліна / рэдкал.: Г.П. Пашкоў [і інш.]. – 2003. – 576 с.

4. Ермолинский, П.М. К вопросу об элементах и компонентах окружающей среды по законодательству Республики Беларусь / П.М. Ермолинский // Право.by. – 2010. – № 4. – С. 165–169.

5. Кодекс Республики Беларусь о недрах: Кодекс Респ. Беларусь, 14 июля 2008 г., № 406–З: в ред. Закона Респ. Беларусь от 30.12.2011 // Консультант Плюс : Беларусь. Технология 3000 [Электронный ресурс] / ООО «ЮрСпектр». – Минск, 2012.

6. Водный кодекс: Кодекс Респ. Беларусь, 15 июля 1998 г., № 191–З: в ред. Закона Респ. Беларусь от 14.07.2011 // Консультант Плюс: Беларусь. Технология 3000 [Электронный ресурс] / ООО «ЮрСпектр». – Минск, 2012.

7. Воздушный кодекс: Кодекс Респ. Беларусь, 16 мая 2006 г., № 117–З: в ред. Закона Респ. Беларусь от 17.05.2011 // Консультант Плюс: Беларусь. Технология 3000 [Электронный ресурс] / ООО «ЮрСпектр». – Минск, 2012.

8. Об охране атмосферного воздуха: Закон Респ. Беларусь, 16 декаб. 2008 г., № 2–3: в ред. Закона Респ. Беларусь от 14.07.2011 // Консультант Плюс: Беларусь. Технология 3000 [Электронный ресурс] / ООО «ЮрСпектр». – Минск, 2012.

9. Об охране озонового слоя: Закон Респ. Беларусь, 12 нояб. 2001 г., № 56–3: в ред. Закона Респ. Беларусь от 30.12.2011 // Консультант Плюс: Беларусь. Технология 3000 [Электронный ресурс] / ООО «ЮрСпектр». – Минск, 2012.

10. Об утверждении Концепции национальной безопасности: Указ Президента Респ. Беларусь, 9 нояб. 2010 г., № 575: в ред. Указа Президента Респ. Беларусь от 30.12.2011 // Консультант Плюс: Беларусь. Технология 3000 [Электронный ресурс] / ООО «ЮрСпектр». – Минск, 2012.

Zdanovich E.V. **The Content of Legal Category «Ecologically Defective Territories»**

The main types of ecologically defective territories whose conditions are stated in normative legal acts of the Republic of Belarus are considered in the article. The criteria of referring of such territories to ecologically defective ones are analyzed. On the basis of the carried research analysis the author's definition of the notion «ecologically defective territories» is offered and concrete suggestions concerning the change and supplement to the currently in force national ecology legislation are given.

Рукапіс паступіў у рэдкалегію 23.01.2012

ЗВЕСТКІ АБ АЎТАРАХ

Берагаўцова Д.С. – кандыдат юрыдычных навук, дацэнт, загадчык кафедры тэорыі і гісторыі дзяржавы і права Брэсцкага дзяржаўнага ўніверсітэта імя А.С. Пушкіна

Варакуліна М.У. – старшы выкладчык кафедры эканомікі і кіравання Брэсцкага дзяржаўнага ўніверсітэта імя А.С. Пушкіна, суіскальнік кафедры эканамічнай тэорыі Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта

Глінка В.С. – намеснік дырэктара па вучэбнай працы
Брэсцкага дзяржаўнага медыцынскага каледжа

Данілецкая А.В. – студэнт 5 курса спецыяльнасці «Дзяржаўнае кіраванне і эканоміка» юрыдычнага факультэта Брэсцкага дзяржаўнага ўніверсітэта імя А.С. Пушкіна

Дзядзічкіна Н.Я. – інжынер па якасці Інстытута Брэстбудпраект

Зайцава Н.І. – старшы выкладчык кафедры эканомікі і кіравання
Брэсцкага дзяржаўнага ўніверсітэта імя А.С. Пушкіна

Здановіч К.У. – магістрант, выкладчык-стажор кафедры крымінальна-прававых дысцыплін Брэсцкага дзяржаўнага ўніверсітэта імя А.С. Пушкіна

Здановіч У.В. – кандыдат гістарычных навук, дацэнт,
прарэктар па навуцы і эканоміцы Брэсцкага дзяржаўнага ўніверсітэта імя А.С. Пушкіна

Зорын Р.Г. – кандыдат юрыдычных навук, дацэнт, дацэнт кафедры крымінальнага працэса і крыміналістыкі Гродзенскага дзяржаўнага ўніверсітэта імя Я. Купалы

Клюня У.Л. – доктар эканамічных навук, прафесар,
прарэктар Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта

Крыўчыкаў У.М. – дацэнт кафедры тылавога забеспячэння ваеннага факультэта Гродзенскага дзяржаўнага ўніверсітэта імя Я. Купалы, аспірант факультэта гісторыі і сацыялогіі Гродзенскага дзяржаўнага ўніверсітэта імя Я. Купалы

Лукашоў А.А. – аспірант трэцяга года навучання Інстытута гісторыі НАН Беларусі

Лунёва А.У. – намеснік дырэктара па вучэбнай працы Клінскага філіяла Расійскага дзяржаўнага сацыяльнага ўніверсітэта

Ляпешка А.Б. – магістрант кафедры грамадзянска-прававых дысцыплін
Брэсцкага дзяржаўнага ўніверсітэта імя А.С. Пушкіна

Ляпешка Б.М. – доктар гістарычных навук, прафесар, прафесар кафедры філасофіі Брэсцкага дзяржаўнага ўніверсітэта імя А.С. Пушкіна

Мацукевіч У.У. – кандыдат эканамічных навук, дацэнт, дацэнт кафедры эканомікі і кіравання Брэсцкага дзяржаўнага ўніверсітэта імя А.С. Пушкіна

Мярчук В.М. – аспірант трэцяга года навучання
Брэсцкага дзяржаўнага ўніверсітэта імя А.С. Пушкіна

Піліповіч В.Ю. – аспірант трэцяга года навучання
Брэсцкага дзяржаўнага ўніверсітэта імя А.С. Пушкіна

Саліхаў Б.В. – доктар эканамічных навук, прафесар, прафесар кафедры сусветнай эканомікі Маскоўскага дзяржаўнага лінгвістычнага ўніверсітэта

Суханос Н.І. – магістр эканамічных навук, выкладчык кафедры тэарэтычнай і прыкладной эканомікі Брэсцкага дзяржаўнага ўніверсітэта імя А.С. Пушкіна,
аспірант кафедры мэнэджмэнта Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта

Табуноў В.В. – кандыдат гістарычных навук, дацэнт, дацэнт кафедры археалогіі і спецыяльных гістарычных дысцыплін
Магілёўскага дзяржаўнага ўніверсітэта імя А.А. Куляшова

Чарнавалаў А.В. – доктар эканамічных навук (Расійская Федэрацыя), прафесар кафедры матэматычнага мадэліравання Брэсцкага дзяржаўнага ўніверсітэта імя А.С. Пушкіна
Часноўскі М.Э. – доктар гістарычных навук, прафесар,
рэктар Брэсцкага дзяржаўнага ўніверсітэта імя А.С. Пушкіна
Шонія І.І. – студэнтка 5 курса спецыяльнасці «Бізнэс-адміністрыраванне»
юрыдычнага факультэта Брэсцкага дзяржаўнага ўніверсітэта імя А.С. Пушкіна

Да ведама аўтараў

Рэдкалегія часопіса разглядае рукапісы толькі тых артыкулаў, якія адпавядаюць навуковаму профілю выдання, нідзе не апублікаваныя і не перададзеныя ў іншыя рэдакцыі.

Артыкулы прадстаўляюцца на беларускай ці рускай мовах у двух экзэмплярах аб'ёмам ад 0,35 да 0,5 друкарскага аркуша, у электронным варыянце ў фармаце Microsoft Word for Windows (*.doc; *.rtf) і павінны быць афармлены ў адпаведнасці з наступнымі патрабаваннямі:

• папера фармату А4 (21×29,7 см);
• палі: зверху – 2,8 см, справа, знізу, злева – 2,5 см;
• шрыфт – гарнітура Times New Roman;
• кегль – 12 pt.;
• міжрадковы інтэрвал – адзінарны;
• двукоссе парнае «...»;
• абзац: водступ першага радка 1,25 см;
• выраўноўванне тэксту па шырыні.

Максімальныя лінейныя памеры табліц і малюнкаў не павінны перавышаць 15×23 см або 23×15 см. Усе графічныя аб'екты, што ўваходзяць у склад аднаго малюнка, павінны быць згрупаваны паміж сабой. Фатаграфіі ў друк не прымаюцца. Размернасць усіх велічынь, якія выкарыстоўваюцца ў тэксце, павінна адпавядаць Міжнароднай сістэме адзінак вымярэння (СВ). Забараняюцца скарачэнні слоў, акрамя агульнапрынятых.

Спіс цытуемай літаратуры павінен быць афармлены паводле ДАСТа 7.1-2003 і размешчаны ў канцы тэксту. Спасылкі на крыніцы ў артыкуле нумаруюцца адпаведна парадку цытавання. Парадкавыя нумары спасылак падаюцца ў квадратных дужках (напрыклад: [1, с. 32], [2, с. 52–54]) . Забараняецца выкарыстанне канцавых зносак.

Артыкул уключае наступныя элементы па парадку:

– УДК;
– ініцыялы і прозвішча аўтара (аўтараў);
– назва друкуемага матэрыялу;
– анатацыя ў аб'ёме ад 100 да 150 слоў на мове артыкула (кегль – 10 pt.);
– асноўны тэкст з табліцамі, графікамі і іншымі ілюстрацыйнымі матэрыяламі, структураваны ў адпаведнасці з патрабаваннямі ВАК да навуковых артыкулаў, якія друкуюцца ў выданнях, уключаных у спіс навуковых выданняў для апублікавання вынікаў дысертацыйных даследаванняў;
– бібліяграфічныя спісы да артыкула ў адпаведнасці з ДАСТам 7.1-2003;
– рэзюмэ на англійскай мове (кегль – 10 pt.) з перакладам прозвішча і ініцыялаў аўтара (аўтараў) і назвы друкуемага матэрыялу.

Да рукапісу артыкула абавязкова дадаюцца:

• звесткі пра аўтара на *беларускай* мове (прозвішча, імя, імя па бацьку поўнасцю, вучоная ступень і званне, месца працы (вучобы) і пасада, хатні адрас і тэлефон);
• для аспірантаў і суіскальнікаў – звесткі аб навуковых кіраўніках;
• рэкамендацыя калегіяльнага органа ўстановы (падраздзялення), дзе працуе (вучыцца) аўтар;
• рэкамендацыя знешняга рэцэнзента;
• экспертнае заключэнне.

Рэдакцыйная калегія часопіса праводзіць экспертызу атрыманых дакументаў і робіць дадатковае рэцэнзаванне артыкулаў. Рукапісы, афармленыя не ў адпаведнасці з выкладзенымі правіламі, рэдкалегіяй не разглядаюцца.

Карэктары *К.А. Зуева, Л.М. Калілец, Ж.М. Селюжыцкая*
Камп'ютэрнае макетаванне *А.Я. Кулай, С.М. Мініч*

Подписано в печать 20.04.2012. Формат 60×84/8. Бумага офсетная.
Гарнитура Таймс. Ризография. Усл. печ. л. 19,99. Уч.-изд. л. 16,04.
Тираж 100 экз. Заказ № 140.
Издатель и полиграфическое исполнение
УО «Брестский государственный университет имени А.С. Пушкина».
ЛИ № 02330/277 от 08.04.2009.
224016, Брест, ул. Мицкевича, 28.